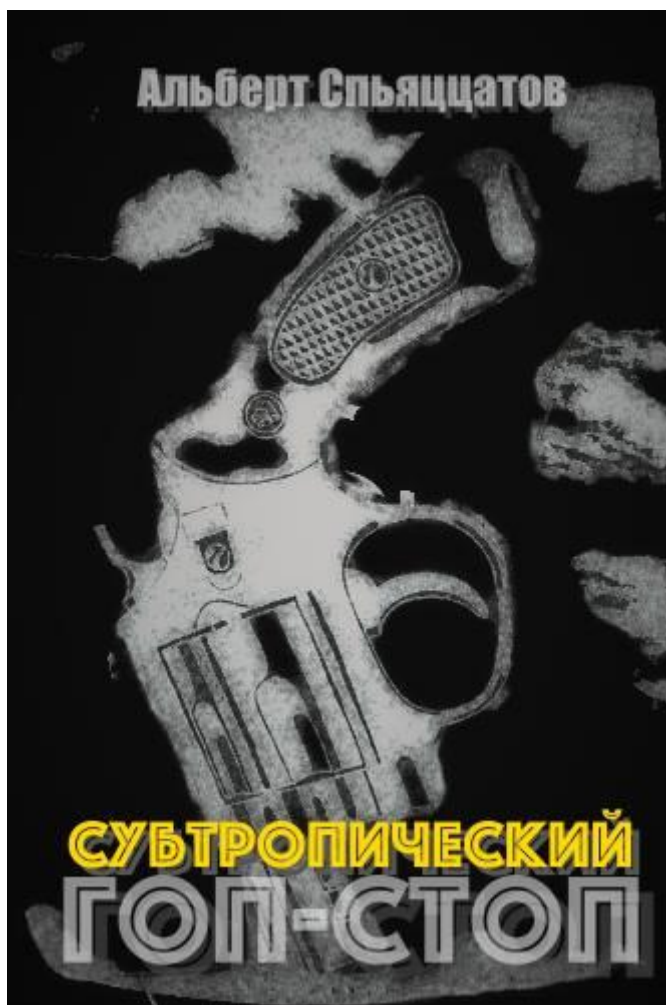

СУБТРОПИЧЕСКИЙ ГОП-СТОП

приключенческий роман

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	2
II. ДАЛЬНИЙ ПЕРЕЛЁТ	10
III. БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ	18
IV. ПРОИСКИ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ	26
V. ЗАТЕРЯННЫЕ В ШТОЛЬНЯХ	38
VI. КАНИКУЛЫ В КАМБОДЖЕ	46
VII. ҚАЗЫ ИЗ АЛЛИГАТОРА	55
VIII. КУРОРТНЫЕ РОМАНЫ	63
IX. МАНА	76
X. МИЛЛИОН ЕВРО	88
ЭПИЛОГ	100

I. НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1.

С тех пор как я переехал в Алматы мне везло не так уж часто. После нашумевшего разгрома «алтынкольской» группировки совместными силами «кокандских» и УБОПа, в середине девяностых, я остался одним из немногих, кто выжил, и смог удачно отойти в тень. Шальных денег оставалось не очень много, я едва смог позволить себе небольшую по площади трёхкомнатную квартиру в районе Шаляпина и Берегового, новую белую «камри» из автосалона и старый гараж во дворе того же дома. Кроме того, я отдельно щедро оплатил государственный номер с тремя одинаковыми циферками, как это было модно на тот момент среди нас, «новых алматинцев». Правда, тот взяточник, гаишник, оказался большим шутником, и к госномеру из трёх пятёрочек подобрал буквы В и LOX. С тех пор у меня появилась навязчивая привычка внимательно следить за водителями и пассажирами всех едущих сзади машин через зеркало заднего вида. Как только увижу, что кто-то ржёт и снимает мой номер на сотку, я мгновенно выруливаю на встречную полосу и стремительно удаляюсь, пусть даже горит красный цвет. Встречу того мента, убью... В любом случае, накануне переезда мне удалось устроиться по специальности – архитектором. Жизнь стала потихоньку налаживаться после начала строительного бума и активного введения ипотеки в начале нулевых. Я освоил новое программное обеспечение и начал зарабатывать неплохие деньги, трудясь «фрилансером», без необходимости проводить рабочий день в какой-то одной конторе и зависеть от одного работодателя. Без особых взлётов и падений, я просто стремился жить тихо и мирно, стараясь наслаждаться жизнью, после того как мне удалось избежать печальной участи своих друзей.

Встреча с Гульмирой стала одной из редких удач, выпавших на мою долю за всё время проживания в Южной столице. В тот период, решив, что я достаточно обрюзг и надо восстановить немного форму, я потихоньку занимался по вечерам пауэрлифтингом в небольшом фитнес-клубе, расположенном в подвале одной из хрущёвок на тихой улочке Байсеитова, между Новой площадью и проспектом Абая. Помню, пока я выполнял жим лёжа, сначала моё внимание привлекли её ягодицы. Мне понравилось, как она приседает со штангой, соблазнительно выпятив всю округлую прелесть своих задних достоинств. Должен упомянуть, что к тому времени, после своего третьего развода, я уже несколько лет сторонился женщин. Но когда я перешёл к становой тяге и перехватил её взгляд, в котором сверкнуло нечто до боли знакомое и призывное, сердечко у меня ёкнуло, и я понял, что между нами что-то будет. Набираться смелости времени не было, я бросил штангу, подошёл к ней и без обиняков пригласил её выпить чего-нибудь после тренировки. Она сразу же согласилась, так же обойдясь без особых жеманностей. Мы зашли в ирландский паб «Дублин», я заказал себе кружку «Килкенни», она фреш из сельдерея, мы разговорились. Гульмире было уже за тридцать, и она тоже успела побывать в браке, самостоятельно растила дочь. Жизнь повидать эта уверенная в себе молодая женщина явно успела, и всегда знала, чего хочет. Поэтому из паба мы поехали напрямик ко мне домой. У неё было упругое и гибкое тело... Через пару месяцев она переехала ко мне.

С вьетнамцем Лапом, моим бывшим однокурсником по МИСИ, я встретился в тот момент, когда мы с Гульмирой уже отпраздновали первую годовщину совместной

жизни, причём, казалось бы, совершенно случайно. Эта судьбоносная встреча произошла на одном из инвестиционных форумов, посвящённых открытию зоны свободной торговли между Таможенным Союзом и Вьетнамом. Теперь-то я понимаю, что встреча эта стала в буквальном смысле роковой, потому что ей суждено было ознаменовать собой самую удачную в моей жизни сделку, либо мой смертный приговор, об этом уж пусть читатель судит сам.

Лап прибыл в Алматы в составе вьетнамской торговой делегации, и первым узнал меня в фойе «Анкары», где я как раз в тот момент вёл переговоры с заказчиком. Мы договорились встретиться на следующее утро в верхней «Кофеделии». За прошедшие годы он успел стать важным человеком, автором нескольких крупных инновационных строительных проектов в Сайгоне и даже получил статус депутата Национального собрания. Потрепавшись о жизни и вспомнив бывшее, он атаковал меня в лоб самым необычным из всех когда-либо поступавших ко мне до сих пор предложений. Глотнув капучино и тщательно оттерев рот салфеткой, он спросил меня:

- Хочешь заработать миллион евро, Аскар?

Аскар это я, и мне никогда ещё не предлагали такую сумму за какие бы то ни было услуги.

- А что для этого надо сделать, Лап? – осторожно поинтересовался я, и он продолжил удивлять меня дальше.
- Возможно, для этого тебе понадобится помощь одного-двух друзей, но даже в этом случае миллион на троих остаётся неплохим гонораром, не правда ли? – я согласно кивнул. – Надо будет въехать во Вьетнам под видом туристов, желательно с подругами, для прикрытия, за мой счёт, разумеется, на один из фешенебельных морских курортов. Оттуда под предлогом выезда на рыбалку или охоту, вам надо будет выбраться на пару суток в бывший район партизанских действий и принять участие в небольшой вооружённой операции. Тебе ведь вроде приходилось иметь дело с огнестрельным оружием?

Я просто кивнул, будучи не в силах ответить что-либо вразумительное и с нетерпением дожидаясь от него изложения дальнейших деталей.

- В условленном месте одно лицо, или небольшая группа лиц, попытается передать другому лицу десять миллионов евро «грязной» наличности. Их надо будет отнять и передать третьему лицу в другом условленном месте. Эти люди совершенно уверены, что будут осуществлять передачу денег в полнейшей безопасности, поэтому сопротивления никакого они не окажут – я в этом уверен, скажем, на девяносто пять процентов. После этого тебе и твоим друзьям останется только вернуться в отель, догулять свой отпуск, а уже в Алматы вам передадут ровно миллион наличностью. Ты ведь мне доверяешь?
- Тебе-то я доверяю на все сто процентов, - ответил я. – Только вот одного никак не возьму в толк – почему ты не предложил столь выгодное и довольно безопасное дельце кому-то из своих соотечественников?
- Из соображений всё той же безопасности. Как раз поэтому я не обратился ни к гонконгским триадам, ни к якудза, ни к корейцам. Деньги должны отнять азиаты, но совершенно незнакомые местному криминальному миру, в этом весь смысл. Признаться честно, когда мне подвернулось это дело, я сразу подумал о тебе. Поэтому я здесь – я знал, что могу встретить тебя на инвестфоруме. Так что скажешь?
- Что сказать тебе на это... Моя Гульмира только вчера просила меня как-нибудь свозить её на море, позагорать.

2.

Я сразу же прикинул в уме, кто сможет мне помочь в этом деле. В первую очередь, конечно, я морально обязан был привлечь Азамата. Мы вместе начинали заниматься рэккетом в девяностые в Алтынколе, нашем родном городишке, но Азик набрался ума гораздо раньше меня и «спрыгнул» с криминального бизнеса в честные люди задолго до кровавой развязки нашей общей трагедии. Я знал, что он переехал в Джезказган и устроился работать шахтёром на одном из медных рудников. Мы созванивались пару раз, жил он тихо и скромно, так же развёлся, снова жениться не стал, но упорно продолжал тянуть свою лямку. Кроме него, я решил позвать с нами алматинца Рината, с которым свёл знакомство всё в том же спортзале на Байсеитке. В этом человеке меня привлекал, прежде всего, его редкостный дух и решимость, он был словно бы вылеплен из особого редкого теста – именно о таких людях вспоминаешь, когда тебе предстоит какое-либо рискованное, или даже опасное для здоровья и жизни дело.

В своей беспокойной молодости он возглавлял одну из молодёжных банд столицы, «Каганат», потом отсидел за злостное хулиганство, а когда вышел, к современной жизни приспособился с трудом. Почти все его дружки умерли от наркотиков. Именно из-за этого пагубного пристрастия алма-атинской молодёжи тех лет он порвал со своим бывшим кругом и уехал из города, куда глаза глядят, но где и чем он занимался, история умалчивает (потому что упорно молчит об этом он сам); а вернувшись в начале нулевых, он устроился охранником в один из крупных банков. За годы тюрьмы и странствий он выработал собственную жизненную философию, привык довольствоваться малым. Самой большой его амбицией, насколько я понял из его скупых слов, было открыть когда-нибудь свой собственный ЧОП. Да, он лично знал некоторых очень важных людей из своих ровесников, вчерашних пацанов с соседних, «центровских» районов. Он постоянно видел их по телевидению и на первых полосах республиканских газет – они теперь занимали важные посты в государственных корпорациях и правительстве, впаривали народу грабительские кредиты, строили бракованные нефтепроводы и рьяно купали недвижимость за океаном. Когда мимо проходил глава банка, который он охранял, Ринат намеренно сдвигал пониже козырёк форменной каскетки, вовсе не стремясь быть узнанным – ведь когда-то во время большой перемены в 56-й школе он отобрал у того пару кроссовок, «потаскать». Впрочем, мера предосторожности была совершенно напрасной – для таких важных тузов, стремительно взлетевших на звёздный небосклон ещё в девяностые, люди вроде охранников, просто не существовали, чтобы на них ещё и останавливать свой взгляд.

Хорошенько поразмыслив, я решил, что все мы можем обойтись и четвертью миллиона, но помощь Миши Пака из Актау для нас в этом деле может оказаться совершенно незаменимой. Этот мой бывший одноклассник прошёл афганскую войну и в совершенстве усвоил там не только обращение с различными видами стрелкового оружия, но и АРБ, грозную систему армейского рукопашного боя. Он переехал из Алтынколя в Актау ещё в конце восьмидесятых. Мы с ним недавно встречались, когда организовывали с остатками класса ужин в алматинском «Жеруыйке» через фейсбук. Пару лет назад он пережил страшное ДТП, после которого овдовел. Тем не менее, с тех пор он нашёл в себе силы не только восстановиться физически, но и устроиться оператором на морской платформе одного из каспийских месторождений. Этому факту он был очень рад, в первую

очередь из-за стабильной зарплаты. Сказано, сделано. Набросав в уме план действий и предупредив Гульмиру, что отлучусь на пару дней, я с утра пораньше помчался на своей «камри» в сторону Джеза, намереваясь поговорить с Азиком с глазу на глаз.

До сих пор помню то утро, не сулившее ничего плохого, и меньше всего предвещавшее моё теперешнее злосчастное положение. По мере того как расступались предрассветные сумерки передо мной всё шире раскрывались сказочные виды долин и могучих заснеженных отрогов Заилийского Алатау. Мотор «тойоты» с заранее заполненным бензобаком ровно урчал, полотно дороги было на удивление чистым и гладким. Вдоль обочин стройными рядками были выложены спелые кавуны окрестных бахчевых культур. Станция за станцией, от заправки к заправке, через несколько часов я уже катил по необъятной степи в полном одиночестве. Когда за спиной остались последние посёлки Алматинской области, встречные машины стали попадаться всё реже и реже. На пастбищах мирно пасся крупный скот. Эти огромные пространства словно бы самой природой предназначены для животноводства. Высоко над изрезанными дождевой водой и временем скалами, обступавшими шоссе, величаво парили беркуты, степные орлы. Мне всегда хорошо в дороге, спокойно и мирно на душе.

Днём над степью неожиданно набежали тучки, их пару раз прочертила кривая длинная молния, прошёл краткий, освежающий дождь. Ближе к полудню начал припекать августовский зной. Впереди столь заманчиво синело «Голубое море», озеро Балхаш, что в какой-то момент не удержавшись, я свернул на просёлочную дорогу и, запарковавшись у камышовых зарослей, с удовольствием бросился в его тёплые воды. Искупавшись, я хорошенько заправился шашлыком в одном из придорожных кафе и продолжил свой путь на встречу со старым другом. Какое-то время я ехал вдоль крупного нефтепровода, на котором надписи кириллицей перемежались с китайскими иероглифами. Но вот, среди золотистых просторов бескрайней Сары-Арки впереди замаячили сизые отроги Улытау. Вспомнив о том, сколько великих полководцев, сотрясавших материк своими жестокими войнами, оставило здесь свой след или нашло кончину, я невольно задумался, сулит ли мне эта отправная точка пути удачу в предпринятом деле, или наоборот служит дурным предзнаменованием. Тем временем, я уже въезжал в Джезказган с его коптящими трубами, разбитыми улицами и хмурыми фасадами покосившихся домов. Притормозив у одного из них, где по моей информации в последнее время жил Азамат, я вытащил из кармана бренок мобилу и набрал его номер. Оказалось, он был дома. Я поднялся.

3.

Встретил он меня без особого энтузиазма. Мы обнялись в прихожей, и он зашаркал на кухню ставить чайник, ведь для нас, казахов, главное, прежде всего почайковать. Я огляделся – в доме царил беспорядок, обои местами были оборваны, местами исписаны номерами телефонов, всё в обстановке выдавало жилище холостяка, которому не шибко везёт в жизни. Я прошёл за ним на кухню по скрипящим половицам. Он возился у плиты с заварочным чайником.

- С чем пожаловал? - буркнул он, не оборачиваясь.
- Да так, - пожал я плечами. – За жизнь побалакать, о том, о сём. Потом одно дельце есть, может тебя заинтересует.
- Не интересуют меня твои дела, - он обернулся и достаточно раздражённо посмотрел на меня в упор. – Ты же знаешь, что я завязал с криминалом.

Я опять пожал плечами, вытащил пачку «Парламента» и спросил:

- Курить-то можно? – он кивнул. Я прикурил и затянулся. – Да ты не температуру так сразу. Ведь я тоже в завязке. Архитектором работаю теперь... Вот, пока ехал, даже набросал в голове генплан, как ваш Джез обустроить. Облагородить и осовременить.
- Так ты в командировке что ли? – он мигом подобрел, недоверия в его голосе и напряжённости в его позе слегка поубавилось.
- Ну, можно сказать и так, - уклончиво ответил я.
- Здесь ничего никто не будет обустраивать, облагораживать или осовременивать без ведома медных магнатов, Асеке. Сразу могу тебя предупредить – если проект не согласован с хозяевами местной жизни, считай, что это пропащее дело и авантюра. А этим людям расходы на социалку вроде обустройства города как бы меньше всего нужны, уж поверь мне. Эти каннибалы итак умудряются получать государственные премии и награды за социальную ответственность, даже в те годы, когда зашкаливает статистика завалов со смертельными случаями.
- Так ты всё так же под землёй пашешь?

Он махнул рукой и с горечью поведал:

- Как бы не так. Уволили меня. Несмотря на весь многолетний стаж.
- Что-то случилось?
- Да что случиться-то могло... Дал себя уговорить профсоюзным боссам, назначили они меня профгруппоргом. А тут забастовка. Из-за зарплаты. Мне то, что – я бобылём, мне штуки баксов в месяц хватало. А у ребят семьи... Потребовали поднять до прожиточного минимума среднестатистической семьи. Заднюю я включать не стал, вошёл в стачком, бастовал со всеми, в шахте сидели. А в итоге – зарплату подняли, но весь стачком разогнали, с волчьими билетами. Теперь и на других шахтах не берут. Дай закурить.

Некоторое время мы дымили в молчании. Потом я предложил:

- А может прошвырнёмся? Выберемся куда-нибудь, - он лишь пожал плечами.
- Куда тебя сводить? Хороших ресторанов здесь нет. Клубов или казино тем более.
- Да зачем мне всё это, Азамат? Я же не куражиться сюда приехал, те времена давно ушли. Давай лучше за город выедем, до Улытау прокатимся. Всегда мечтал побывать на могиле Джучи-хана.

Он пожал плечами и иронично хмыкнул:

- Там дорога раздолбанная. Если тачку не жаль, то почему бы и нет?
- Дорога и впрямь оказалась не лучшего качества. Нас так нещадно трясло и швыряло из стороны в сторону, что я решил по возвращении в Алматы немедленно провести повторную геометрию. По-хорошему, сюда надо было отправляться на внедорожнике. Однако мавзолей оправдал все мои ожидания. Как только я вошёл под тенистые своды этой древней постройки из красного кирпича с элегантным бирюзовым куполом, у меня многозначительно задёргалось правое веко. Здесь, на могиле старшего сына Потрясателя Вселенной, я истолковал это как добрый знак. Дух великого воина коснулся меня. Небеса были безоблачными, и всё предвещало, что затеянный поход станет удачным. В моей душе внезапно зазвенел стремительный мотив легендарного кюя «Аксак кулан». Из глубин детской памяти зазвучал голос Шакена Айманова: «Много удивительных легенд у моего народа...», под аккомпанемент домбры, которой лишь предстояло быть залитой в итоге горячим свинцом. Так мы добрый час провели в молчании, думая каждый о своём над могилой Джучи.

Позже, пока мы ехали по красноватой глинистой дороге назад, в задумчивом молчании рассматривая невысокие зелёные хребты, перекрывавшие горизонт, и свинцовое небо, которое как-то внезапно заволокли тяжёлые тучи, я повернулся к своему угрюмому пассажиру и сказал:

- Азамат, есть возможность сделать лимон на четверых, в евро, без особого напряжения.

Сверкнула молния. Я знал, что сказал это в нужный момент, и был уверен, что он уже у меня в кармане. В итоге, он, конечно же, согласился, как я и рассчитывал. Тем не менее, должен признать, что мне пришлось сильно постараться, чтобы оказать эту добрую услугу своему названному братишке.

4.

По пустынной набережной Каспийского моря в Актау бежал человек с собакой. Это был мужчина в чёрном полиэтиленовом дождевике с капюшоном, довольно грузный, который, тем не менее, очень легко передвигался. В его тренированных движениях при беге трусцой угадывалась давняя привычка к здоровому образу жизни. Лицо его с набрякшими мясистыми веками над узкими щёлочками глаз, было таким мрачным, что казалось, из этих его тяжёлых век вот-вот повалит снег. Огромный чёрный ротвейлер резво поспедал за хозяином.

Вдруг он резко остановился и начал хлопать себя по карманам. Это он почувствовал вибрацию своего мобильного телефона, поставленного на бесшумный режим. Звонил, конечно же, я.

- Говори, Асеке, только по-быстрому – батарейка садится.

- Окей, Миша, буду краток. Есть возможность бесплатно прокатиться к тёплым морям и там же в лёгкую заработать хорошие деньги.

- Сколько?

- Скажем так, на нулёвую «Феррари» тебе хватит.

- Ты не шутишь?

- Нет.

- Где ты сейчас, в Алма-Ате?

- Да.

- Я сейчас на отдыхающей вахте – давай-ка я к тебе вылечу завтра-после завтра, где-нибудь встретимся и поговорим?

- Замётано! На связи.

Он отключился и, пряча телефон обратно в карман, выразительно посмотрел на своего пса. Ротвейлер залился радостным лаем.

В тот же день, уже договорившись с Мишей, я отправился в спортзал на Байсеитке, куда я уже давно не заходил, хотя у меня и был годовой абонемент. Я знал, что встречу там Рината, и я не ошибся. Он молча, уйдя в себя и сконцентрировавшись на своей технике, тренировался с цилиндрической грушей. С выверенным автоматизмом робота, он упрямо повторял одну и ту же замысловатую комбинацию: двойка из джеба с кроссом, лоу-кик, хук слева, апперкот, колено, хай-кик, хук справа, локоть, вертушка. Под левым глазом у него красовался фиолетовый фингал. Я громко прокашлялся. Резко остановившись, он обернулся, какое-то мгновение буравил меня пустым непонимающим взглядом, потом, узнав, снял правый шингарт. Я подошёл и протянул ему руку.

- Салам, Ринат. Давно не виделись. Пострадал в бою? – я пальцем показал на свой левый глаз.

- Да, - он нехотя кивнул. – На той неделе какие-то типы здесь крутились, предложили поучаствовать в боях без правил, на стройке метро. Первый бой я проиграл. Сегодня в полночь реванш.

- Разговор есть, может быть, выйдем, покурим?

- Не курю, - он неопределённо мотнул головой, но потянулся за своей взмокшей «адидасовской» бобочкой, висевшей тут же на спинке стула. – Но вообще, давай выйдем, подышим.

Наверное, мы смотрелись довольно странно со стороны – двое зрелых мужчин сидят на корточках у гранитных бордюров фонтана-каскада посреди Байсеитки, один курит и, что-то говорит, с привычной развязностью жестикулируя распальцовкой свободной руки, другой внимательно слушает. В конце концов, второй согласно кивает.

Когда-то, несколько лет назад, Ринат вернулся в родной город, где оставалась лишь престарелая мать-пенсионерка, еле-еле сводившая концы с концами. Поскольку ни высшего, ни среднеспециального образования у него не было, с отсидкой за плечами, выбор профессии у Рината был небольшой и типичный: грузчиком, водителем, охранником.

Он устроился охранником в ночном клубе и сразу заработал себе стойкую репутацию среди клиентуры, потому что ему не стоило никакого труда быстро поставить на место, а если надо и рубануть любого распоясавшегося хама, как бы он ни был одет и на какой бы машине он не приехал – никаких новоявленных авторитетов и ничью крышу дерзкий алма-атинец не признавал. Из ночного клуба, он перешёл в крупный банк, с повышением, начальником смены. Тогда уже он начал воспринимать свою работу как некое ремесло, в котором можно было расти и совершенствоваться, постепенно наращивая свой с него доход.

Как-то раз, он рассказывал мне, что стал свидетелем перестрелки на соседней улице, когда двое молодых парней, расстреляли в упор инкассаторов, и скрылись с мешком наличности, которую те собирались вывезти из турагентства, напротив банка. Новость взбудоражила город, грабителей потом быстро поймали – тот, что помоложе, уходя от преследования в панике не нашёл ничего лучше, как зашвырнуть свой ствол во дворик частного дома, в «Компоте». Узнав, что в качестве инкассаторов были наняты охранники того же самого турагентства, на чьей экипировке и вооружении явно сэкономили их боссы, и что в итоге это стоило им жизни, Ринат понял, что в этом городе охранные услуги находятся на предельно низком уровне. Он решил, что если подойти к этому делу с умом, то можно было бы основать отличный бизнес, оставшись практически вне конкуренции. На это я теперь и давил:

- Вот тебе и первоначальный капитал будет. Помнишь, ты как-то говорил, что хотел бы когда-то свою фирму открыть?

- Помню, - ответил он. – Я поеду с тобой во Вьетнам.

5.

С Мишей мы встретились в новомодном ресторанчике Favor Fish, что за «Горным гигантом». Гульмира расцвела и приделась по такому случаю, целых три часа красилась, – всё-таки в последнее время я не так уж часто её куда-то выводил. Мы прибыли чуть раньше назначенного времени и прогулялись вокруг ресторана. Это был довольно странный район – целый посёлок из дорогих коттеджей, явно выстроенный в расчёте на стремительно богатеющий средний класс нынешних жителей Алматы. Судя по всему, неожиданно грянувший глобальный

финансовый кризис смешал все планы строителей на быструю окупаемость, потому что в своём большинстве дома здесь были явно необитаемыми. Пустые глазницы раздвижных французских окон зловеще чернели в матовом свете фонарей, и повсюду вдоль дорожек посёлка царила неестественная гробовая тишина, в которой гулко отдавались наши неторопливые шаги. В принципе, мне, как архитектору, была знакома концепция таких ограждённых жилых районов, т.н. gated communities – впервые они появились в ЮАР времён позднего апартеида, но потом были быстро подхвачены и расползлись по окраинам пост-индустриальных мегаполисов Южной и Северной Америки, охваченных гангстерскими войнами и задыхающихся от уличного насилия. Естественно, было довольно странно ходить по подобному району в городской черте старой, доброй Алма-Аты, но я не мог не поставить в уме зачёт авторам замысла, хотя бы за смелость и оригинальность концепта. В какой-то момент Гульмира зябко поёжилась и, кутаясь в свою шаль из поддельного «Луи Вюиттона» решительно зацокала каблучками впереди меня в сторону ресторана. Мне оставалось лишь поспешить за ней. Внутри было тепло и уютно. Миша уже сидел за столиком, зарезервированным на моё имя, на террасе. В долине под нами к тому времени приветливо засверкали, словно на рождественской ёлке, первые вечерние огоньки Южной столицы.

Мы заказали лапшу с морепродуктами, чилийского сибаса, графинчик водки. Разговор потихоньку плавно перетёк от банальных наблюдений и новостей в сторону намечаемого дела. Дотошный Миша обязательно хотел знать всё о моём вьетнамском товарище, Лапе: что это за человек, откуда я его знаю, почему мы должны ему доверять. Думаю, окончательно, он решился поехать с нами именно после того, как больше узнал о старине Лапе – о его депутатском статусе и связях в правительстве Вьетнама, членов которого он сопровождал на инвестиционном форуме Таможенного Союза. Во вторую очередь его интересовали детали финансовых расчётов – как нам заплатят, и как мы сможем провезти такие деньги в Казахстан под носом у фискальных служб? Когда я ему сообщил, что Лап пользуется подпольной системой «хавала», и что мы получим наличные по возвращении, в Алматы, он согласно кивнул. Оказывается, о системе взаимных расчётов «хавала» он был наслышан ещё со времён своей службы в Афганистане. Миша сказал, что, на его взгляд, особых подвохов вроде быть не должно, только наотрез отказался брать с собой женское сопровождение.

Мы уже заказали десерт, когда за спиной у Миши неожиданно выросла фигура Рината. К тому времени, я успел уже забыть, что предупреждал его об ужине в этом ресторане с одним из участников предстоящей поездки. Он был в «адидасовском» спортивном костюме, его левый глаз окончательно заплыл и был заклеен лейкопластырем на уровне брови, а верхняя губа распухла. Ни капельки не смущаясь, он подсел к нам, поздоровался с Паком, который, как мне показалось, ответил на рукопожатие довольно холодно, едва кивнул Гульмире, которая тоже окинула его подозрительным взглядом с ног до головы, и, махнув кистью руки по дворовому, подозвал официанта.

- Какой у вас лучший виски? – глухо спросил он, когда тот подошёл.
- Могу Вам порекомендовать односолодовые шотландские сорта, - снисходительно осклабился официант. - Например, «Макаллан»,
- Принеси нам бутылочку этого «Макаллана».
- А какой выдержки пожелаете? У нас есть десяти-, двенадцати- и восемнадцатилетний виски.
- Давай восемнадцатилетний.

Когда официант отошёл, я краем глаза окинул присутствующих. Миша Пак сидел с каменным лицом. Гульмира явно напряглась и прижалась ко мне, цепко схватив меня за предплечье, как бы желая что-то настойчиво сообщить мне этим. Всё-таки я очень надеялся, что все ребята поладят между собой – это было очень важно, ведь нам предстояло работать в команде. Ринат невозмутимо и достаточно бесцеремонно разглядывал обстановку ресторанной террасы и посетителей за окружающими столиками.

- А душевный вид отсюда открывается, - заметил он. – Неплохой кабак ты выбрал, Аскар.

- Ринат, а ты уверен, что нам надо было заказывать целую бутылку виски? Там тара литровая, да и стóбит он у них намного дороже, чем в магазине.

Но он лишь пожал плечами:

- Выпить охота, - и в свою очередь пытливо оглядел всех присутствующих. – К тому же посидеть надо толком, пообщаться – всё-таки не картоху тырить собрались. За нами же волки не гонятся, верно?

Гульмира сжала моё предплечье ещё крепче. Я посмотрел на Мишу, тот сидел всё с таким же каменным лицом, на котором не дрогнул ни один мускул.

- Да, если не возражаете, - добавил Ринат, – я хотел бы оплатить общий счёт сегодня. У меня достойный повод.

- Так ты выиграл вчера свой реванш? – догадался я.

Ринат кивнул:

- Технический нокаут «кимурой». В первом раунде.

II. ДАЛЬНИЙ ПЕРЕЛЁТ

1.

Лап неплохо всё продумал – я поймал себя на этой мысли, когда мы проходили паспортный контроль в алматинском аэропорту. Мы совершенно ничем не отличались от сотен других отдыхающих, устремившихся в это время года, в «бархатный сезон», на побережья стран Юго-Восточной Азии: Таиланда, Вьетнама, Малайзии, Бали, Филиппин. Азамат взял с собой Сауле, двадцатилетнюю девчонку из Джезказганской области, которой всё было в диковинку, потому что она ещё ни разу не была в большом городе. Ринат любезно согласился на предложение Лапа и заказал себе за счёт его фирмы эскорт – высокую томную девицу двадцати одного года с нагловатым взглядом маслянистых глаз по имени Гульбану. Когда все наши дамы впервые встретились в аэропорту, в воздухе почувствовалось раскалённое электрическое напряжение, казалось ещё чуть-чуть и из глаз полетят искры. Особенно между моей подругой и Гульбану. Дело в том, что обе явились, цокая, в почти идентичных туфельках с красной подошвой, с той лишь разницей, что у Гульбану были настоящие фирменные туфли «лубутен» из парижского бутика, а на моей китайская подделка с алматинской барахолки. Гульбану привычным, намётанным взглядом искося, из-под пушистых прядей своих накладных ресниц это определила, а Гульмирка всё это в её взгляде мгновенно прочла, похолодев от бессильной ярости и унижения. Позже, при первой же возможности, в отеле, она на меня все эти свои эмоции излила, и мне пришлось отделаться обещанием свозить её в Париж за настоящими «лубутенами» уже на этот Новый год.

Ринат вёл себя как пацан. Он, конечно, самый молодой в нашей компании, но ему всё равно, минимум, лет сорок пять будет. А он, пристроившись со своей спутницей на задних рядах, всё шушукался с ней и хихикал, играл с ней в видеоигры на её планшете и слушал Селену Гомес и Джастина Бибера, разделив вместе с ней наушники от её «мини-айпода» на два уха. Миша Пак сосредоточенно молчал. Что же до Азамата с Сауле, то они радовались и удивлялись всему, как дети, постоянно фотографировали друг друга и делали совместные селфи. Дело в том, что оба впервые в жизни летели на самолёте, и их искренне восхищало всё, от модернизированных степных мелодий, которыми сопровождаются объявления «Эйр Астаны» до видеофильмов и горячих обедов. У Сауле никаких проблем с остальными дамами не возникло, возможно, потому что в отличие от них она была одета чрезвычайно скромно, даже чересчур. Дешёвые джинсы, китайские кроссовки, застиранная футболка, почти полное отсутствие косметики. Из слов Азика я понял, что они познакомились совсем недавно, чуть ли не накануне.

По прибытии, в сайгонском аэропорту, когда мы пытались занять очередь на паспортный контроль среди многочисленной разношёрстной публики, собравшейся здесь со всех уголков света, к нам подошёл офицер в униформе пограничных войск и спросил у нас на ломаном русском, не мы ли прибыли «по приглашению товарища Лапа»? Получив утвердительный ответ, он сделал нам знак следовать за ним. Мы прошли, минуя длинные очереди, к красным окошкам дипломатического коридора, и нас быстро пропустили, проставив штампы в наши дорожные документы практически не глядя. Снаружи нас ждал лучезарно улыбающийся проводник в отутюженном костюмчике стального цвета с отливом, который попросил нас называть его Сашей. Он провёл нас к выходу, куда, как только мы показались у дверей, с рёвом подкатил целый кортеж их трёх пятисотых мерседесов, сановито отливавших чёрным блеском. Мы с Гульмирой, шустро переглянувшись, погрузились в первый и усадили с собой Мишу Пака, на переднее сиденье. Водитель поставил на крышу синюю мигалку, и уже вскоре мы погрузились в хаотичное мельтешение плотного сайгонского трафика. Прокладывать путь нашему кортежу было нелегко, в первую очередь из-за обилия мопедов на улицах. Поэтому перед нами выехало двое полицейских на мотоцикле, которые принялись усиленно разгонять скапливающиеся на глазах пробки, властно выкрикивая свои пронзительные команды, а где надо, и размахивая дубинками. Водители мопедов, мужчины и женщины, звонко переругивались с ними и с любопытством заглядывали в затонированные окна наших машин. Гульмира прижалась ко мне в полном восторге – такого приёма, нам ещё нигде и никогда не оказывали. Я приосанился. Миша Пак, застыв на переднем сиденье, подобно Будде, смотрел прямо перед собой, не проронив ни слова.

В «Шератоне», когда мы нырнули из облепившего нас зноя в прохладное фойе, щедро обрабатываемое системами кондиционированного воздуха, нас встретили с шампанским «Вдова Клико». Сауле, выпив залпом холодный напиток, показавшийся ей кисленьким лимонадом, от восторга захлопала в ладоши и запрыгала на месте. Азамат опустошил свой бокал одним махом и, глядя на неё, тоже счастливо захохотал. Мы с Гульмирой, в очередной раз попытавшейся искоса испепелить порозовевшую Гульбану презрительным взглядом, чинно проследовали за носильщиком в наш номер. Оттуда открывался чудесный вид – ровная гладь реки Сайгон посреди нагромождения ультрасовременных стеклянных небоскрёбов, в чьих общих очертаниях волей-неволей угадывались

смелые замыслы, которыми со мной нередко делился Лап, ещё в годы нашей учёбы в МИСИ.

2.

Вечером мы собрались в ресторане на двадцать третьем этаже. Тихий полумрак освещали вечерние огни мегаполиса, уютно звучали приглушённые лаунж-треки. В этой обстановке просто трудно было поверить, что не так уж давно здесь отгремела последняя канонада, провожавшая последних американских военных и дипломатов спасавшихся на последнем уцелевшем вертолёте. Эта была реальность, с отголосками которой нам ещё предстояло столкнуться в ближайшие дни, но сейчас она казалась далёкой и призрачной. Практически все мы, за исключением Пака, пребывали в состоянии возбуждённо-счастливой эйфории. Ринат громко попросил на русском официантку принести ещё шампанского, крабов и креветок. Вскоре подоспела новая бутылка с ярко-оранжевой этикеткой в ведре полном льда, потом ещё одна, третья, четвёртая. Гульбану на удивление хлестала шампанское, как лошадь воду из ведра, старательно игнорируя мою Гульмиру, которая с самого начала вечера напустила на себя донельзя саркастичный вид.

В разгар вечера, Миша Пак, улучив момент, склонился ко мне и низким голосом пробурчал мне в ухо:

- Асеке, я всё думаю, а нельзя ли провезти хотя бы часть денег с собой? Нас могли бы так же пропустить через дип-коридор.

Я отрицательно покачал головой.

- Во-первых, у нас нет таких же подвязок, чтобы организовать дипломатический коридор на нашей стороне. А там если докопаются, могут быть большие проблемы, сам знаешь. Во-вторых, как по мне, так лучше уж получить весь куш целиком и поделить на месте. Я доверяю Лапу, а ты положишься на меня. Ну, и на систему «хавала».

Он пожевал губами, потом, как бы нехотя, согласно кивнул, встал и откланялся. Мы остались вшестером.

Дальше помню смутно. Проснулся я следующим утром, когда наш роскошно обставленный номер уже обильно заливало полуденное солнце. Гульмира соблазнительная до невозможности в кружевном нижнем белье, сидела у трюмо и старательно подкрашивала губы. Скосив на меня глаза, она приветливо помахала мне и прощбетала:

- Дорогой, у нас самолёт на море. За нами скоро приедут.

С трудом присев, я увидел в зеркале из-за её голой спины свою голову с всклокоченными пегими волосами, обильная проседь вперемежку с иссиня-чёрным, одутловатое, небритое лицо, набрякшие мешки под глазами. Ничего не скажешь, хорош! Справа, от меня, поверх тёплой ложбинки, оставленной упругим телом Гульмиры, стоял низкий столик, точнее поднос на ножках, с аппетитным континентальным завтраком и диковинными фруктами. Я потянулся за пачкой сигарет в кармане моих «ливайсов 501», валявшихся сбоку, на кресле, прикурил и прохрипел в сторону её призывно изогнувшейся гладкой спины:

- Что вчера было?

- А ты не помнишь? Я вчера этой сучке Гульбанушке чуть глаза не выцарапала, - мне показалось, или у неё в голосе прозвучал триумф, достойный вступавших в столицу с военной победой античных героев?

Сполоснувшись в душе, когда моё самочувствие значительно улучшилось, я, к своему удивлению застал свою подругу почти в той же позе перед трюмо. Теперь она с не меньшей тщательностью красила свои длинные ресницы. Внезапно мне безумно захотелось её, я подошёл сзади обхватил её, взял в обе ладони её округлую, упругую грудь и начал осыпать поцелуями её шею, мочку уха, плечи, её тёплую, манящую плоть, благоухавшую новоприобретёнными духами «Шанель Шанс» из алматинского «дьюти-фри». Сначала она с глубоким, грудным смехом отбивалась:

- Что ты делаешь, милый, нас же ждут, мы опоздаем...

- Ничего, пусть подождут, - прерывисто дыша, отвечал я, продолжая тискать её, сжимать в объятиях, мять. Она тоже возбудилась и взяла меня за бёдра... Потом мы провалились в жаркую, субтропическую страсть.

3.

Саша терпеливо ждал нас в фойе, всё так же подобострастно улыбаясь, как и накануне. Остальные уже все были в машинах, только Гульбану нервно курила, полусидя на капоте в коротеньких шортиках. Увидев нас, она отшвырнула свою длинную тонкую сигарету прямо в клумбу с фиолетовыми бугенвиллиями и, сверкнув длинными ногами, полезла в салон к дремавшему на заднем сиденье Ринату. Гульмира проследовала во флагманский автомобиль с королевским достоинством. Миша кивнул мне с переднего кресла. Когда я разместился на заднем сиденье, мы тронулись.

Самолёт ради нас задержали – Саше пришлось позвонить по дороге в аэропорт, мы опоздали где-то на четверть часа. Но в итоге мы благополучно добрались до курортного Нячанга. Здесь нас встречал водитель в фуражке и белых перчатках с табличкой “ASKAR”, который провёл нас к кортежу, похожему на предыдущий, только на этот раз состоявшему из белых восьмёрок «Ауди». Движение здесь тоже было совсем другим, не похожим на забитые улицы Сайгона. Дул мягкий береговой бриз и в воздухе ощущалась приятная морская свежесть. Местные жители в белых рубашках целыми толпами занимали террасы простеньких кафе на набережной, оживлённо общаясь между собой, как друг с другом, так и с компаниями за соседними столиками. Мы в расслабленном темпе проехали до центральной станции на берегу моря, где нам предложили выбор: добираться до острова на специально арендованном катере, либо на фуникулёре по канатно-гондольной дороге. Протянувшаяся над морем канатка показалась мне навскидку не меньше по длине, чем наша, та, что несколько лет назад была проложена с Медеу до Шымбулака. Не успел шофёр договорить, как Сауле с Азаматом наперебой закричали, что хотят ехать на фуникулёре, так возбуждённо, что мне даже пришлось их успокаивать жестами. Но тут внезапно возникла проблема с Гульбану, которая тут же безапелляционно заявила, что поедет только на катере. Гульмира из солидарности примкнула к Сауле, Миша тоже, но Гульбану не сдавала позиций, уверяя, что её посреди дороги обязательно хватит инфаркт.

- Ничего, здесь умрёшь, в Алма-Ате похоронят, - тут же съязвила Гульмира.

У Гульбану был такой несчастный вид, что, казалось, из её воловьих глаз готовы обильно хлынуть слёзы досады, и по лицу вот-вот побежит чёрная тушь.

- Мы разделимся, ты не против? – обратился Ринат к шофёру. – Часть на катере, часть по канатке.

- Да-да, конечно, - согласился шофёр. – Почему бы и нет? Никаких проблем.

Благодарный взгляд Гульбану явно сулил Ринату много затейливых утех сегодня вечером. Эти двое явно подходили друг другу.

Но Гульмире на самом деле было страшно, она так вцепилась в меня, пока мы плавно проплывали над лазурной пучиной в багряных лучах заката, что у неё побелели костяшки пальцев. К тому же на нервы действовали Азамат и Сауле, которые то вдруг начинали прыгать внутри вагонетки, то пытались раскачивать её на ходу. Миша Пак, насупившись, внимательно рассматривал место нашего назначения, неспешно приближавшийся к нам субтропический остров, на территории которого был искусно разбит новёхонький пятизвёздочный отель. Я насчитал с высоты не так уж много загорающих на пляже отдыхающих, что впрочем, можно было списать на вечерний час. Кроме того, я успел отметить про себя колоритное здание красной пагоды с причудливо загнутыми краями жёлтой крыши и какую-то белую статую на вершине холма. Миша тоже кивком указал мне на них:

- Это буддийский храм. Наверняка, соорудили здесь по канонам «фэнь-шуя», чтобы удачу приносил.

Я пожал плечами:

- Я в такие вещи верю не особо, но в таком случае, пусть принесёт удачу и нам!

4.

Весь следующий день мы купались и загорали. Приближался час X – на следующее утро был запланирован наш выезд на операцию. Ничего не подозревавшая Сауле от души веселилась, пила пиво через соломинку наравне с Азаматом и досыта ела, отдавая должное местным диковинным яствам, черепашьему супу и крокодильему мясу. Она сказала, что никогда ещё в жизни ей не было так хорошо, как здесь в Ньячанге. Гульбану, намазавшись кремом, томно возлежала на шезлонге у бассейна, потягивая коктейли и лениво перелистывая глянцевого журналы мод, притягивая любопытные взгляды французских туристов. Мы с Ринатом плавали наперегонки до буёв, Гульмира загорала на пляже. Победив Рината и сполоснувшись в душевой кабинке на пляже, я решил пойти в номер поваляться, может прикорнуть – сказывалась акклиматизация и усталость от физических усилий.

Гульмира перевернулась с живота на спину и невольно вздрогнула. Прямо над ней, обтираясь широким махровым полотенцем стоял Ринат, бесцеремонно разглядывавший её ухоженное, атлетическое тело. На его груди синела тюремная наколка, римский гладиатор в доспехах, угрожающе выставивший перед собой правую руку с зажатым в ней коротким мечом, отведя вторую, со щитом, назад, в боевой позе. Он улыбнулся ей:

- Годы идут, а ты, Мирочка, совершенно не меняешься. Только вот я, наверное, стал совсем неузнаваемым.

Овладев собой, она жеманно потянулась и ответила:

- Ой, да расслабься, Мусаев, я тебя давно уже узнала.

- Правда? - он пристроился на соседнем шезлонге. – Годы не щадили меня, но я никогда не забывал те времена, когда провожал тебя из школы домой, вверх по Муратбаева.

- Это длилось лишь пару недель, Мусаев. К тому же за всё то время ты проводил меня всего раза три-четыре. Ведь постоянно появлялись какие-то подозрительные личности, с которыми ты должен был немедленно срываться по каким-то тёмным делишкам. «Каганат» какой-то, целая шайка...

- Сейчас мне кажется, что это было в какой-то другой жизни, – задумчиво ответил Ринат. – С тех пор я словно бы побывал в самых отдалённых кругах ада, коснулся самого дна океана скорби. Но я, правда, никогда не забывал о тебе, ты всегда казалась мне намного симпатичнее и разумнее остальных девочек. Никогда бы не подумал, что встречу тебя вновь в столь необычных обстоятельствах.
- Ты имеешь в виду, что я теперь с твоим другом Аскарсом?
- А он мне вовсе не друг. Он считает меня торпедой, которую можно в случае чего спокойно пустить в расход, под танки. Именно таково моё предназначение во всём этом деле. Он думает, что все, о чём я мечтаю – это немного подзаработать, чтобы открыть собственный мелкий бизнес и продолжать кое-как перебиваться в этом злосчастном мире.
- Так о чём же ты мечтаешь на самом деле?
- Я, Мирочка, всегда знал, что невезение в этой жизни не может длиться вечно, что я рано или поздно приду к успеху, что когда-нибудь мне обязательно фартанёт, что мне не может не фартануть.
- И что же ты будешь делать со своим успехом?
- Я объявлю войну сытому обществу и верну себе город, - загадочно ответил Ринат со странным блеском в глазах. - В данный момент, моё пребывание внутри, а не вне этого общества – не более чем топологический парадокс, который морально регулируется для меня исключительно законом бинарных оппозиций, противоречивой игрой смыслов и значений в изменившемся до неузнаваемости мире триумфального релятивизма. Я, Гульмирочка, словно бы анахронизм, несвоевременный и неуместный, в поисках неуловимой сути своего призвания, постичь которую способен один лишь я. Постичь данное свыше или создать своё призвание самому, но это была бы сверхзадача...
- Да ты, Мусаев, как я погляжу, стал настоящим философом?! - неподдельно изумилась Гульмира.
- Ещё в тисках неволи я открыл для себя философию, - подтвердил Ринат. – Будучи отрицалой, а я был завязтым отрицалой, мне была неведома работа на власть, в то время как карточные игры казались мне неблагодарной растратой отпущенного мне времени. Поэтому, когда мне попался на глаза потрепанный томик Аристотеля, он открыл передо мной врата в царство чистой мысли. С тех пор я изучил критику чистого разума, феноменологию духа, генеалогию морали, но непревзойдённым проводником моей мысли остался Аристотель, сыгравший, к тому же огромную роль в мусульманском Возрождении народов Востока. В частности, его очень ценил глубоко чтимый мною аль-Фараби. Ты знаешь, Аристотель считал, что мысль всегда пребывает в потенциале, что даже когда она стала всем из мыслимого, она всё равно остаётся в потенциале. Это бесконечная, необъятная свобода.
- Но почему же ты не хочешь просто жить, со своими свободными мыслями, в этом сытом обществе, как все?
- Сытое общество отвергло меня в самом детстве, несмотря на все мои способности. Неприязнь у нас с ним давняя и взаимная. Я был бы, конечно, не против жить как все, если бы у меня была женщина вроде тебя. Но таких неудачников, как я никто не любит.
- Знаешь, Мусаев, если уж на то пошло, я первой узнала тебя на улице, когда ты шёл с Новой площади в спортзал, - Гульмира решительно встала, как бы давая понять, что разговор подходит к концу. - Я даже специально записалась туда

же на фитнес, из-за тебя, но вместо тебя ко мне там подошёл Аскар, и вот я с ним, как видишь.

- Да, я помню, как он к тебе подошёл, - медленно проговорил Ринат. - В тот момент я был на беговой дорожке на скорости свыше двадцати километров в час и не мог остановиться... Кстати, поэтому я и свёл с ним знакомство позже.
- Что ж, Мусаев, желаю тебе фарта в твоих начинаниях, – сказала Гульмира. – А я пошла к своему мужчине.

Она действительно сразу ушла, но тон её голоса, лёгкая походка, лучащееся выражение лица выдавали в ней счастливую женщину. В то же время из-под тени раскидистого стройного кипариса, вышла высокая худая фигура, завернутая в кричащее пляжное парео. Это была Гульбану. Она невольно подслушала часть их разговора и теперь от досады кусала свои тонкие губы.

Под вечер, когда я уже начал, довольно рано засыпать под бормотание телевизора, красная как рак Гульмира, вернувшись с пляжа, принесла мне сногшибательную весть: в номер Миши Пака проскользнула какая-то местная красотка с экзотичной внешностью. От такой новости с меня даже слетел сон – помню в этот момент по телевизору показывали сенсационные новости о суде над каким-то высокопоставленным чиновником из Хайфона, укравшим «десятки миллионов долларов из национального бюджета». Дикторы наперебой цитировали его слова: «Пусть меня и посадят хоть на двадцать лет, хоть на тридцать, хоть на пожизненное, но я буду знать, что обеспечил свою семью на всю жизнь!». Притихшая и задумчивая Гульмира пристроилась ко мне под бочок. В новостях теперь показывали арест лидера лос-анджелесской банды «Indochina Boyz» на камбоджийской границе. Это был сухощавый, невысокий вьетнамец по самое горло забитый цветными татуировками, в уродливой рэпперской одежде: в съехавших чуть ли не до колен широких штанах с низкой мотнёй, зелёной баскетбольной майке размера XL и в бейсболке козырьком назад. Увидев, что его снимают на телекамеру, он осклабился, обнажив неровные ряды золотых фикс и соорудил из пальцев правой руки какой-то дурацкий знак. Постепенно, бормотание телевизора вновь усыпило меня, мне приснились деньги, золото и азиатские бандиты.

5.

Ринат задумчиво сидел за барной стойкой в лобби перед линейкой шотов, целым бронепоездом пятидесятиграммовых стопок с различными крепкими коктейлями, услужливо выстроенной перед ним предупредительным барменом. Сегодня вечером он не спешил подниматься в номер, где его ждала Гульбану. Он чувствовал какую-то странную нерешительность, вызванную в нём последним разговором с Гульмирой, к тому же на него вдруг нахлынули воспоминания о прошлой жизни, что происходило с ним крайне редко.

- Здравóво, Ринат! – незнакомый парень, сидевший до этого за другим концом стойки и уже пару раз оборачивавшийся к нему, как бы пытаясь удостовериться, не ошибся ли он, узнав знакомого из прошлого, наконец, подошёл к нему.
- Мы знакомы? – поинтересовался Ринат, отвечая на рукопожатие, при котором парень прикоснулся левой ладонью к его правой кисти ниже локтя, по старинке, как младшие здоровались со старшими в восьмидесятых.
- Да, ты же старик наш бывший, с «Каганата». Меня Алик зовут.
- Какими судьбами здесь, Алик?

- Да вот, отца сопровождаю. Организовал ему поездку по местам боевой славы. У меня отец из этих мест.
- Кажется, припоминаю – ты, вроде, был единственным не-мусульманином у нас на «Каганате»?
- Да, как выяснилось позже, - ухмыльнулся Алик. - Свой среди чужих, чужой среди своих – это про меня.
- Теперь точно вспомнил – ты ещё вроде жил в одном дворе с Султанбеком, Максом, Глобусом с «Покера», - Алик подтвердил кивком.
- Как они сейчас?
- Султанбек умер. Макс тоже умер. Глобус пошёл в менты, но и он тоже умер.
- Надо же, а ведь здоровья ему было не занимать. Это же тот пацанчик, что во время махачей успевал бегать и драться, не вынимая сигареты изо рта?
- Многие умерли. Смерть везде.
- Ринат выпил залпом очередной коктейль и подвинул одну из рюмок Алику.
- Накати. Это не смерть везде, - он сам опрокинул ещё одну стопку. – Это жизнь везде, потому что раз она есть, то она уж никак закончиться не может.
- Как это? – удивился Алик.
- «Что есть, то будет всегда» – так сказал Гермес Трисмегист, - Ринат опорожнил ещё одну стопку.
- Глубокомысленно.
- Мы не ничто.
- Согласен.
- Это важнее чем начало и конец, рождение и смерть, - Ринат задумчиво выцепил из линейки очередную стопку и знаком предложил своему случайному собеседнику присоединиться. – Мы всё время думаем о том, что мы умрём, вместо того, чтобы постоянно думать о том, что мы живы, что мы существуем.
- Точно, - Алик поднял стопку, салютуя Ринату.
- Ты знаешь Шопенгауэра? – внезапно доверительным тоном спросил Ринат.
- Ну, слышал.
- «Разве ты не существуешь?»¹.
- Существу.
- «Разве ты не живёшь в нём, этом драгоценном настоящем, к которому вы все, дети времени, так жадно стремитесь?».
- Да, живу, - Алик взял очередную стопку и, отсалютовав, пригубил из неё.
- «Разве оно не твоё, действительно твоё?».
- Что, настоящее? Да, моё, - Алик снова накатил.
- «И разве ты понимаешь, как достиг его?», - уже торжествующим тоном снова как бы спросил Ринат.
- Нет, - Алик отрицательно покачал головой и признал, - не понимаю.
- «Разве тебе известны те пути, которые привели тебя к нему, – чтобы ты мог сознать, будто смерть замкнёт их для тебя?».
- Теперь уже Алик пододвинул стопку Ринату и поднял свою. Они опять выпили.
- «Самая возможность какого бы то ни было существования твоего я, после разрушения твоего тела для тебя непостижима».

¹ Здесь и далее Ринат цитирует труд немецкого философа-иррационалиста Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление», Пер. с нем. Ю.И.Айхенвальда, М., 1903.

От всех этих цитат, воспроизведённых Ринатом благодаря его феноменальной памяти, Алик «упал в думки», серьёзно и глубоко задумался. Он опять машинально выдвинул ладонью две стопки из линейки шотов.

- «Но разве она может быть для тебя более непостижима, чем твоё нынешнее существование и то как ты его достиг?».

- А ведь правда, - едва слышно согласился Алик и, встряхнувшись, как бы выходя из своего минутного оцепенения, добавил уже более твёрдым голосом, – Ницше отстой, Шопенгауэр рулит.

- «Почему же ты сомневаешься, что те самые пути, которые открылись пред тобою для этого настоящего, не будут открыты для тебя и ко всякому будущему?».

Ринат проникновенно поднял очередную, пятидесятую по счёту стопку с очередной убойной смесью огненных вод внутри и опрокинул в себя её содержимое одним махом. Именно после пятидесятого шота он отключился в тот вечер.

Проснулся он на рассвете в тёплых объятиях мирно посапывающей во сне Гульбану, под успокаивающее чириканье заморских птичек. Он очень смутно помнил вчерашний день, алкогольная амнезия лишь подсказывала, что «вчера, бля, конкретно на базар пробило» и всё в основном началось из-за того, что он вроде бы пытался подъехать к Гульмире на пляже. Он попытался привести мысли в порядок и сосредоточиться на главном – зачем он здесь, смутно помня, что сегодня предстояло что-то сделать. Он невольно залюбовался лицом спящей Гульбану, во сне она казалась такой юной, такой невинной. В этот момент она, словно бы почувствовав на себе его изучающий взгляд, открыла глаза, похлопала накладными ресницами и спросила: «Во сколько у вас сегодня выезд на охоту, котик? Может, мы позавтракать успеем?». Потом, капризно надув губки бантиком, она сообщила ему деланно строгим тоном, что хотела бы, чтобы он возвращался в номер пораньше. «Сегодня мы должны кого-то гопнуть», вспомнил Ринат.

III. БОЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ

1.

Рано утром мы, как договаривались накануне, собрались на причале. Специальный катер, дежуривший здесь вне графика, перевёз нас на материк. На той стороне, сразу за пристанью, нас поджидала небольшая «газель», типичная для туристических фирм всего мира, с большой надписью «Охота. Рыбалка. Экскурсии» на борту. Как только мы заняли свои места, автобус тронулся. Весь вспомогательный персонал таинственной организации Лапа, явно осознавая значимость и конфиденциальность наших задач, выполнял свою работу с отменной дисциплинированностью.

- Ну что, братва? – обратился я к своим спутникам. Ринат и Миша, оба сосредоточенно и серьёзно следившие за последовательностью изменений пейзажа в окне вдоль нашего маршрута, повернулись ко мне. Задремавший, не до конца проснувшийся Азамат тоже открыл глаза и начал водить ими из стороны в сторону. – Предлагаю наметить какой-то алгоритм действий. Может, делегируем временное командование нашей группой Мише Паку?

- Почему? – с деланной ленцой в голосе поинтересовался Ринат. – Потому что он служил Советскому Союзу в стране наших несчастных соседей?

У Пака в глазах, под набрякшими веками, вспыхнули и мгновенно потухли языки пламени неподдельного гнева:

- Потому что я убивал людей, сынок, - сказал он, обернувшись назад к Ринату с плохо прикрытой угрозой.

Немного зная Рината, я внутренне приготовился разнимать рукопашную схватку между ними. Но Ринат не был впечатлён:

- Я тоже убивал людей, - ответил он, не поведя и бровью. – Потом я их сам расчленил и по частям заносил по всей канализационной системе Москвы и Подмоскovie. Некоторые из них так и не были найдены, так что могу дать координаты, папаша, можешь взглянуть на всё, что осталось от тех, кто в своё время удостоился моей вражды.

Пак словно бы поперхнулся, видно было, что он силится что-то сказать, но не может, смешно шлёпая губами без звука, как рыба. Чересчур откровенные признания Рината в ответ на его угрозу словно бы вышибли некий контакт между его мыслительными и речевыми способностями. Азамат тоже выглядел шокированным.

- Братва, в таком случае, предлагаю действовать в консенсусе, - сказал я. – Это очень важно, ведь дело серьёзное и рискованное.

Ринат нехотя кивнул, Миша опять отвернулся и приник к окну. Мы подъезжали к военно-воздушной базе Камрань. Чуть поодаль, в открытом море виднелся крейсер под российским триколором. Когда мы выехали на лётное поле, наша «газель» направилась прямо к вертолёту МИ-6 с красными звёздами на бортах, уже разогревавшемуся на всех парах, постепенно начиная вращать широкими лопастями своего винта. Высадившись из «газели», мы перебежали в вертолёт и почти сразу же взмыли в небо.

Под нами проплывали диковинные пейзажи центрального нагорья Вьетнама. Буйное, насыщенное, изумрудное цветение джунглей лишь изредка перемежалось рыжими проплешинами бокситовых месторождений и ровными рядами насаждений на кофейных плантациях, сверху напоминавших виноградники.

Чтобы немного разрядить обстановку я устроился рядом с угрюмо замолчавшим Мишей Паком и постепенно, при помощи наводящих вопросов, разговорил его. Так, он показал мне, что по мере полёта вглубь страны, в сторону камбоджийской границы и удаления от развитых административных центров, отдельные селения, встречавшиеся тут и там на склонах невысоких гор, до сих пор были окружены рывинами от американских ковровых бомбардировок, а стены мазанок изрешечены пулемётными очередями. Впрочем, на его взгляд, местная экосистема на удивление очень хорошо справилась с уроном, нанесённым её здоровью напалмом и дефолиантами – джунгли действительно казались девственными в своём пышном первозданном цветении.

Когда мы, наконец, начали снижаться, Миша опять же прокомментировал, что место назначения очень смахивает на заброшенную оперативную базу морской пехоты США. Это действительно была основательно заросшая субтропической растительностью площадка, обнесённая деревянными кольями с натянутой на них ржавой колючей проволокой, внутри которой виднелись до сих пор запаркованные здесь чёрные останки основательно поджаренных грузовика и танка с опознавательными знаками американских вооружённых сил. На взлётно-посадочной полосе нас поджидал невысокий человек в камуфляже, в котором мы к нашему общему удивлению признали вежливого Сашу из Сайгона. Он сделал нам знак следовать за ним, и мы все прошли в защищённый мешками с песком штабной бункер.

2.

- Это здесь, - палец Саши скользил подобно указке по выдавшей виды пожелтевшей карте местности семидесятых годов, – а мы находимся вот тут.

Его палец описал дугу и вернулся вниз карты. Мы все склонились над столом, на котором она была расстелена, упорно пытаюсь, в тусклом свете керосиновой лампы, постичь весь смысл мудрёной топологической символики. База была отмечена чёрным квадратиком, совершенным как на полотне Малевича из Третьяковки. Место операции Саша пометил красным крестиком. Пространство между ними пересекали частые пунктирные линии и пляшущие тут и там заштрихованные разводы. Квадратик с крестиком почти соединялись извилистой тёмно-синей линией, изображавшей местную речку.

- Я вас доставлю до этой излучины, - Саша вновь ткнул указательным пальцем в карту. – Отсюда вам надо будет совершить марш-бросок, километров пять не больше, правда, местами через труднопроходимые участки. «Двухсотых» желательно не оставлять. Летальное оружие применять только в крайнем случае, для самообороны, но это маловероятно. Эти люди даже на миг не могут допустить, что подвергнутся нападению.

- Почему ты так в этом уверен? – веско спросил Миша.

Саша поднял на него глаза и серьёзно ответил:

- Это охотничий домик одного из секретарей ЦК партии. Одно из самых безопасных мест во всей округе.

- Так значит, оно плотно охраняется? – не отставал Миша.

- В том то и дело, что нет. Ни одному злоумышленнику и в голову не придёт, что там могут проворачиваться тёмные делишки, да и напасть на этих людей, никто здесь кроме вас не осмелится. Наружной охраны, как таковой не будет, а если кто-то будет мешаться, то вот хлороформ.

Он протянул Мише пузырёк с фабричной наклейкой, Миша взял его, тщательно изучил этикетку и удовлетворённо кивнул.

- Всё оружие и амуниция там, - Саша махнул рукой на соседнее помещение. Теперь он обращался преимущественно к Мише, видимо признав за ним некий авторитет по военной части.

Мы прошли в соседнее помещение и, в самом деле, обнаружили там самый настоящий арсенал военного времени. Начищенное американское и советское скорострельное оружие было рядками аккуратно выложено по полочкам, в шкафчиках у стен висело наглаженное обмундирование «тигровой» расцветки. Миша присвистнул и взял в руки длинный гладкий зелёный ствол.

- Даже «Стрела-2» здесь имеется, - одобрительно протянул он.

- Многим американским птичкам мы из этого оружия крылышки подрезали, - живо подтвердил Саша.

- Воевал? – Миша окинул его оценивающим взглядом.

- А то как же? - просто ответил Саша.

- На вид ты моложе.

- Мы, вьетнамцы, часто выглядим моложе своих лет. Это у нас национальная особенность такая.

- Я там видел мишени снаружи, - вмешался Ринат, тем временем вооружившийся АК-47 и трофейным армейским ножом. – Можно шмальнуть?

- Да-да, конечно, постреляйте, - ответил Саша.

Заткнув нож за пояс, Ринат протопал наружу и уже через минуту оттуда донеслись сначала одиночные выстрелы, потом короткие очереди. Азамат

склонился над своим уже разобранным АК, пытаясь собрать его на скорость, мысленно вернувшись во времена уроков НВП.

- Ваш товарищ прав. Ножи, или мачете тоже обязательно нужны – хотя бы для труднопроходимых участков, - сказал Саша Паку.

Тот авторитетно кивнул. Мы перешли к стеллажу с мачете, и Миша подобрал нам с ним по клинку, попробовав пальцем лезвия на остроту. Правда, пришлось немного повозиться, чтобы закрепить их в импровизированных ножнах на поясе.

3.

При помощи педального насоса Саша весьма проворно накачал боевую резиновую лодку «Зодиак», оставшуюся в наследство от «морских котиков» из Вирджинии. Я спешно докурил свою сигарету и бросил окурочек в тёмную воду. Миша неодобрительно покачал головой. Он положил в центр лодки свой ПЗРК «Стрела-2» и, закинув автомат за спину, лёг у борта. Следуя его примеру, мы с Азаматом разместились в таком же положении у другого борта, последним влез Ринат. Сложив насос в специальный отсек, Саша устроился на корме и завёл мотор. Лодка плавно набрала ход и стремительно понесла нас вперёд, на поиски фортуны. Светало и сквозь густую листву нависающих над рекой деревьев, приветливо пробивался солнечный свет. По их кронам то и дело пробегали любопытные мартышки, издали раздавались протяжные трели каких-то экзотических птиц. Сплыв занял не так уж много времени. От силы минут через сорок Саша пришвартовал лодку и, прыгнув в воду, подтащил её к берегу.

- Вам туда, - он мотнул головой в сторону чащи. – Ориентируйтесь по компасу, идите строго на Северо-Восток. Вы выйдете на торцевую часть сторожки. «Гости» будут в охотничьем домике примерно через час. Удачи!

Миша кивнул, и мы побежали в указанном направлении. Хлеставшие по лицу ветви мангровых зарослей, по мере удаления от берега становились всё чаще, заставляя нас сбавлять шаг, пока мы полностью не перешли на черепашую скорость, упорно прорубаясь вглубь джунглей при помощи наших ножей и мачете. Мы не разговаривали, то за спиной, то сбоку слышалось лишь частое, сосредоточенное сопение товарищей. Мне уже начинало казаться, что мы и к вечеру не выберемся из этих плотных, цепких зарослей, когда Миша, срубив несколько ветвей и, взглянув, на ручной компас, первым прыгнул с кочки на рыжую тропинку. Мы устремились за ним, и снова перешли было на бег, но покрыли так лишь небольшое расстояние. Миша, бежавший впереди, резко остановился и, не оборачиваясь, поднял правую руку в предостерегающем жесте. Потихоньку приблизившись, я выглянул из-за его спины и увидел в просветах между деревьями пару деревянных построек на низких сваях, стоявших на опушке. Теперь мы пошли за Мишей, крадучись выставив «калаши» вперёд, а за сто метров до поляны, пустились ползком по-пластунски. Когда мы подползли к стене из папоротника, обрамлявшей поляну, перед нашими взорами открылась пара припаркованных у охотничьего домика чёрных «ленд-крузеров». Охраны действительно не было, только молодой паренёк, видимо шофёр, сидя на крыльчке, беспечно ковырялся в своём смартфоне.

Обернувшись к нам, Миша неожиданно разразился целой серией немых жестов, на которые я смог только пожать плечами, потому что ничего не понял, но Ринат кивнул. Миша тут же, обильно смочив носовой платок хлороформом, пополз дальше под сторожку, в сторону ничего не подозревающего водителя. Я невольно вспомнил его боевые рассказы о том, как он обезвреживал караулы

«духов», стремительно набрасываясь на них со спины и мгновенно перерезая им горло. Вспомнил и поёжился. С пареньком на моих глазах произошло нечто подобное, только на этот раз он его просто усыпил. Легко приподняв его тело, он оттащил его под сваи и обернулся к нам.

- Ехала, пацаны, - прошептал Ринат и первым рванулся из кустов папоротника к дому. Мы сорвались вслед за ним и буквально в несколько прыжков достигли двери. Ринат пинком вышиб дверь, Азамат зачем-то кувырком закатился внутрь встал на колено, дал очередь в потолок и зычно выкрикнул:

- Всем руки вверх, а..., - и он прибавил абсолютно непечатное выражение на казахском, услышав которое Ринат покатился со смеху. Я медленно вошёл в комнату вслед за Азаматом, выставив вперёд дуло АК, и застал в чём-то комическую немую сцену.

Там, за длинным столом, словно на торжестве вроде свадьбы, сидело семь человек, включая одного европейца. У всех семерых без исключения были открыты рты, все таращились на нас в каком-то неопишемом ступоре. В этот момент Миша снаружи прикладом выбил стекло в одном из окон и грозно наставил дуло своего автомата прямо в центр сборища. Все семеро, как по команде, обернулись к нему и задрали руки вверх. Боковым зрением, я заметил на круглом столе справа от себя аккуратно выложенные штабеля из фиолетовых банкнот. Сердце радостно заколотилось – я понял, что поймал птицу удачи за хвост, что мне наконец-то начало везти в этой жизни.

4.

Ринат усадил всех семерых в рядок у стены и теперь по очереди затягивал на каждом из «клиентов» пластиковые наручники, приковав крайнего к батарее. При этом он приговаривал:

- У меня ромашка, у тебя георгин. Ты не пришла, а..., - и он прибавлял то же самое абсолютно непечатное казахское ругательство, что чуть ранее использовал Азамат, заставляя того в свою очередь прыскать со смеху.

- Vous êtes complètement fous, quoi ! - не выдержав, выкрикнул европейец. – C'est l'argent de l'Haïphonais.²

Тот, что был пристёгнут к батарее с правого края, сделал ему едва заметный знак, чтобы он замолчал. Это был молодой человек в застёгнутой наглухо, несмотря на жару, рубашке в чёрно-белую клетку, шортах цвета хаки, белых «найках» и гольфах до колен. Во рту у него посверкивали золотые фиксы, как у того бандита из новостей. Под левым глазом у него была вытатуирована слеза. Все остальные, в белых рубашках с тугими воротничками и отутюженных чёрных брючках, походили скорее на школьных комсогов, или на начинающих боссов из райкомов партии. Мы с Азаматом переглянулись. Пристегнув левого крайнего к той же батарее, Ринат обернулся ко мне, развёл руками, как бы говоря: «И это всё, что требовалось?» и, достав из кармана чёрный полиэтиленовый мешок для мусора, встряхнул его, расправляя, чтобы засыпать туда деньги.

- Пересчитывать же не будем? – риторически поинтересовался он, показывая глазами на штабель фиолетовых банкнот.

- Да не, - хрипло ответил я. – Тут «пятихатками» всё, видно же что червонец лямов набирается.

² «Вы совсем спятили! Это же деньги Хайфонца. (фр.)

- Червонец не червонец, главное всё влезет, - сказал он, решительно подходя к круглому столу и сметающим движением, сгребая все деньги в мешок. Потом, взвалив мешок, на плечо, он деловито добавил, - а теперь пора когти рвать.

Когда мы выбежали наружу, вслед за Ринатом, Миша выдернул шнур из фальшфейера и как только из него повалил густой красный дым, закинул его в выбитое окно. Потом мы пустились наутёк туда же откуда пришли. Миша нагнал нас и на бегу спросил:

- Вы их не обыскивали на предмет мобилок?

- Как-то не подумали, - задыхаясь на бегу ответил я.

- Зря, - он неодобрительно покачал головой. - Надо было отобрать и вывести из строя.

Ринат никого не слушая улепётывал впереди всех. Когда он бросился в густые, дремучие заросли мангровых деревьев, мне на миг показалось, что он вот-вот так и скроется с мешком денег, но мы, конечно же, вскоре его нагнали. Дальше мы шли по нашему же следу, стараясь продираться сквозь заросли там, где мы уже прорубили до этого себе ходы. Миша всё бурчал, что если, не дай бог, будет погоня с их стороны, искать, куда мы пошли долго не придётся.

Когда мы добежали до излучины, Саша при виде нас сразу дёрнул за шнур, заводя мотор лодки. Мы прыгнули внутрь вслед за Ринатом, заняв те же позиции, что и по пути сюда. Саша немедленно отчалил.

Думаю, все мы в тот момент испытывали какое-то блаженство от того, что всё так легко получилось, мы довольно перемигивались и у каждого рот невольно растягивался до ушей от самодовольства.

До тех пор, пока не послышался тот проклятый рокот и гул лопастей боевого вертолёта, который я ещё долго потом не смогу забыть. Чёрная машина показалась прямо над руслом реки, словно бы вынырнула из ниоткуда. Она летела так низко, что можно было видеть людей в чёрной форме, их чёрные бейсболки, туго затянутые бронежилеты и даже холодное и жестокое выражение их лиц. Там был пилот, заходивший над нами боком, разворачивая вертолёт стрелковой турелью в нашем направлении, и пулемётчик в наушниках, тщательно целившийся в нас, готовясь дать первую очередь по своим движущимся мишеням, по нам. Краем глаза я успел заметить, как нырнул в реку Ринат, бросив деньги и оружие в лодке, как с утроенной энергией гребут вёслами в сторону берега Саша с Паком, как тут же схватив мешок, бросается, вслед за Ринатом, и Азамат, пытаясь добраться отдельно до берега вплавь. И в этот момент раздалась тяжёлая очередь станкового пулемёта, раскалённый свинец поднял фонтаны брызг в реке и буквально прошил наше утлое судёнышко. Я тоже бросился вплавь за Азаматом. А вертолёт, дав круг, снова разворачивался к нам своим смертоносным бортом.

Добравшись мощным, поспешным кролем до берега, я бросился в камышовые заросли и успел заметить две пары внимательных глаз – Ринат с Азаматом залегли в мелком кустарнике под сенью пальмовой рощицы и сначала, казалось, с интересом наблюдали за моими метаниями попавшей под прицел крупной дичи, как вдруг они словно по команде отвернулись в другую сторону, где явно разворачивались теперь основные события. Рухнув в воду, среди камышей, я обернулся и тоже стал невольным зрителем разыгравшейся на берегу кровавой драмы. Саша, хромая, затаскивал полуспускающую лодку на берег, а Миша, стоя по колено в воде, тщательно целился в вертолёт, закинув на плечо свою «Стрелу». Пилоту, видимо, не сразу удался манёвр, потому что он всё ещё пытался идеально зайти правым бортом к берегу, когда Пак нажал на спусковой крючок. Раздался

протяжный свист, за которым последовал страшный лязг, как при столкновении двух крупнотоннажных грузовиков на обледенелом шоссе, и вертолёт, вспыхнув ярким пламенем, низринулся с небес прямо в середину реки. Прогремел мощный взрыв, раздался треск лопающихся стальных швов и на реку обрушился апокалиптический фонтан из кусков раскалённого металла, брызг легковоспламеняющегося горючего и кипящего целлулоида.

Вместе с Паком мы бросились к Саше, у того брючина на правом бедре вся потемнела от расплывшейся крови.

- Кровотечение, слава богу, венозное, - констатировал Миша. – Нужен жгут.

- В отсеке по правому борту аптечка, - сообщил Саша. Он побледнел, и его лоб покрылся испариной.

Миша быстро и ловко сделал перевязку. В этот момент вновь послышался недобрый рокот и гул лопастей, на этот раз с другой стороны, вниз по течению реки.

- Опять?! – Азамат вскинул автомат к небу и замер.

- Нет, - Саша отрицательно покачал головой. – Это наш пилот удирает на нашем вертолёте.

- Он нас бросил? – изумился Азамат.

- Он действует согласно инструкции, по резервному плану, - пояснил Саша. – Поскольку нас засекли, мы должны уходить совсем в другую сторону.

- Тебе нельзя, - вмешался Миша. – Пуля прошла навылет, но тебе необходим покой.

- Если мы не начнём уходить сейчас же, наши шансы на выживание равны нулю, - сказал Саша, отрицательно покачав головой. – Возможно, из Хайфона в небо уже взмыла пара самолётов с отрядом спецназа на борту. Они, конечно, знают, эту американскую базу и наверняка сбросят сюда воздушный десант на операцию по прочёсыванию леса. Цель, разумеется: найти и уничтожить.

Помню, когда он это сказал, в лесу вокруг нас стало так тихо, что я отчётливо услышал шелест листочков мангровых деревьев под лёгким дуновением влажного ветра, тихий плеск ряби, пошедшей кругами по воде, разбиваясь о камыши, частое трепыхание крылышек пролетающей мимо стрекозы. Всё это показалось мне столь стремительно удаляющимся от меня, словно бы я уже стоял на пороге своего земного существования.

Ринат, сидевший на корточках, резко вскочил, размял конечности, и деловито поинтересовался:

- Так какой у нас, говоришь, резервный план?

Саша тоже медленно поднялся, опираясь на ствол своего автомата, поставив его прикладом на землю. Он вытащил из ножен на правой брючине армейский кинжал и резким движением вспорол блестящую поверхность «Зодиака» из чёрного поливинилхлорида, потом обернулся к нам и сообщил:

- Я отведу вас в партизанские тоннели, о которых хайфонский молодняк ровным счётом ничего не знает.

5.

Антуан д'Эперон хорошо овладел местным этикетом и знал насколько важно было сайгонским бизнесменам «сохранять лицо» в крайне щепетильном деле обмена услугами, особенно когда речь шла об услугах того щекотливого свойства, что оказываются как бы над международным правовым полем, вне его и порой вопреки ему. Поэтому он не ожидал подвоха вплоть до тех пор, пока он не оказался

пристёгнутым пластиковыми наручниками к своим сайгонским партнёрам после неожиданного налёта незнакомцев на охотничий домик, затерянный посреди непроходимых джунглей.

Месье д'Эперон привык к той мысли, что в своих самых дальних и самых рискованных командировках он действует в интересах и от имени некоей ограниченной, узкой группы лиц, принимающей все ключевые решения, связанные с дальнейшим ходом мировой истории и развитием общественных отношений. Само собой он учитывал, что сейчас, когда счёт в азиатско-тихоокеанском регионе пошёл уже на десятки триллионов капиталооборота, и пробудившаяся Азия уже обогнала Северную Америку по номинальной массе богатства, интересы стоявших за его банком сил были сосредоточены на сохранении контроля над всеми потоками капитала в данной области земного шара. Достигнуть этого можно было, в частности, через максимальную диверсификацию региональных активов.

В числе прочего пресловутым силам, равно как и большинству самых влиятельных правительств мира, необходимо было сохранить доминирование американского доллара, но при этом традиционную роль основных посредников желательно было сохранить за европейскими банками, а ещё лучше конкретно за швейцарцами и британцами. Финансовый кризис в очередной раз спутал все карты. Конкуренты из еврозоны автоматически самоустранились. В моду вошли низкие процентные ставки и инвестиции в долгосрочные долговые обязательства, а это автоматически повысило роль местных банков, как частных, так и государственных. К тому же, здесь наметились тенденции к региональной банковской интеграции, типа центростремительного лобби Банковского союза в самой Европе. Азиатские банки начали теснить западные финансовые институты и в перераспределении долей на рынке краткосрочного кредитования в долларах США под высоколиквидное залоговое имущество. Узкий круг вышестоящих лиц, на который работал д'Эперон ответил активизацией усилий, направленных на продвижение услуг швейцарских банков по управлению частными капиталами богатейших людей региона.

Хайфонец несомненно входил в число таких людей, хотя и не являлся легальным мультимиллиардером. Он много лет уверенно действовал в сфере, лежащей над международным правовым полем и аккумулировал в своих руках беспрецедентную концентрацию фактической власти. Д'Эперон изо всех сил стремился стать индивидуальным менеджером финансовых активов Хайфонца и ради этого, казалось, готов был идти на всяческие риски и терпеть всевозможные неудобства. Ему очень нужна была личная встреча с Хайфонцем, для которого он заготовил железные гарантии и свидетельства, наглядно доказывающие, что массово тиражируемая информация об усилении влияния ЦРУ и ФБР на швейцарскую банковскую систему является не более чем мишурной дымовой завесой, а утечки касательно индийских держателей чёрного нала в wikileaks, никак не отразятся на конфиденциальности всех сведений, связанных с транзакциями подпольного треста уважаемого брата Шланга. Из приобретённого опыта сделаны соответствующие выводы – да, сэр!

Но сайгонские партнёры ходили вокруг да около, обустроивали собственные делишки, проворачивали с ним или через него подозрительные сделки, пользовались его связями, при этом организация личной встречи с Хайфонцем постоянно откладывалась на более поздние сроки. Вчера Антуана обнадёжило прибытие Джимми Вонга, личного эмиссара откомандированного Хайфонцем, как ему вовремя шепнули, но пока, вплоть до налёта тот держал дистанцию и практически ничего существенного ему не сообщал. Когда же, во время акта приёма-передачи наличности в евро, которую он лично взялся доставить в головной офис

представительства своего банка в Сайгоне, почему-то происходившего на лесных охотничьих угодьях и обставленного с ненужным, по мнению Антуана, флёром таинственного ритуала, в помещение ворвались отлично вооружённые боевики, изъяснявшиеся между собой на тюркско-русскоязычной смеси языков, д'Эперон почувствовал неладное и его нервы не выдержали. Ещё при налётчиках он начал вопить о том, что прибыл лично к Хайфонцу и, когда те уже скрылись, оставив после себя клубы едкого красного дыма, продолжил скулёж в том же духе. Сайгонцы, сидя на полу у батареи, вежливо пытались урезонить его, обещая срочное содействие, но он всё не унимался, пока, наконец, Джимми не выкрикнул, что встречи с Хайфонцем не будет, и что если д'Эперону есть что сказать, то пусть говорит ему, Джимми, с глазу на глаз, но сначала пусть кто-нибудь освободит их и вытащит отсюда. Надо отдать должное сайгонским партнёрам, те сразу же связались со своими людьми в городском департаменте общественной безопасности и смогли организовать оперативный вылет боевого вертолёт для перехвата иностранных налётчиков. Только когда вертолёт был неожиданно сбит ими, Джимми вышел лично на Хайфонца со своего сотового телефона. Антуан немного понимал по-вьетнамски и, убедившись, что Джимми действительно разговаривает лично с Хайфонцем, он немного успокоился и решил, что, пожалуй, имеет смысл потолковать с Вонгом и передать через него имеющиеся документы, предназначенные для внимания Хайфонца. Правда, со сбитым вертолёт вышла неувязка, потому что по горячим следам в ограбленную сторожку вскоре нагрянул отряд мобильных сил народной полиции CSCD. Насколько понял д'Эперон, для сайгонских партнёров это уже не были свои люди, входившие в их сеть коррумпированных связей, так что им будет весьма и весьма некомфортно отвечать последним на некоторые вопросы по поводу тайной встречи с высокопоставленным швейцарским банкиром в лесной глуши, закончившейся гибелью отборных сотрудников департамента, образцовых офицеров и отцов молодых семейств. Что же касается самого д'Эперона, то он под влиянием всех этих драматических событий впал в состояние полной дезориентации и растерянности. Он не должен был быть здесь и отвечать на чьи бы то ни было вопросы. У него было право на молчание, а также на телефонный звонок. Ему необходимо было немедленно встретиться с генеральным консулом и со своим женовским адвокатом.

IV. ПРОИСКИ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

1.

Хайфонец, погрузившись в задумчивое созерцание, сидел в старом плетёном кресле на лужайке, посреди своего сада, в окружении молочно-белых и пунцовых магнолий, которые цвели особенно буйно в это время года. Это был крепкий кряжистый старик, ещё много лет назад с почётом ушедший на покой, оставив за спиной ужасы пяти кровопролитных войн. Никто не знал в точности, сколько ему лет, но все были уверены, что больше ста. Он смотрел на распускающиеся цветы и думал о том, как безразлично ему на самом деле всё то, чем он занимался последние годы. Тем не менее, пока он бодрствовал, не было, наверное, ни минуты, когда бы он не обдумывал бы какой-либо очередной план, не решал какой-нибудь запутанный вопрос.

В конце восьмидесятых, вскоре после того, как он вышел на пенсию и поселился в уединённом домике на берегу моря, с ним связался никому не известный ханойский

нотариус. Хайфонец принял его исключительно потому что тот представился душеприказчиком «дяди Шланга», верного товарища его боевой молодости, незадолго до того скончавшегося в одной из душных и тесных камер «ханойского Хилтона», печально известной тюрьмы для особо опасных преступников. Он до конца отбыл положенное ему социалистическим государством наказание за бандитизм, пожизненный срок.

Нотариус, невысокий шустрый человечек с бегающими глазками, прячущимися за тяжёлой роговой оправой очков, передал Хайфонцу пухлый запечатанный пакет, как оказалось завещанный ему Шлангом незадолго до своей кончины. Как следует отблагодарив и спровадив гостя, оставшись наедине с самим собой, Хайфонец вскрыл пакет, в котором он нашёл документы, бухгалтерские книги, дискеты с зашифрованными данными. По мере изучения материалов, он понял, что друг завещал ему дело всей своей жизни, сложную бизнес-структуру из незаконных сделок, альянсов, безгранично преданных людских ресурсов и бессрочных взаимных обязательств, основанную на внушительной серии счетов в банках Каймановых и Виргинских островов. Хайфонец был поражён – сеть вьетнамских казино и наркоторговли, которую Шланг неформально контролировал до ареста, оказалась лишь яркой ширмой, сенсационной завесой для целой трансконтинентальной империи, которую тот денно и ночно продолжал строить и укреплять, даже отбывая пожизненное наказание в далёких застенках.

Недолго думая, из уважения к воле умершего, Хайфонец решительно взял предприятие бывшего друга в свои руки. Постепенно, занимаясь делами покойного, он ощутил, что добился такого могущества, какое ему даже и не снилось, пока он командовал армиями и фронтами. Тогда он словно бы увидел товарища в другом свете, многое понял в необъяснимом поведении своего друга и многое переоценил. Благодаря этому новоприобретённому могуществу, в последние годы у него практически не возникало каких-либо препон в его бурной деятельности, трений с системой органов охраны правопорядка, или с иностранными конкурентами. Небольшое беспокойство, пожалуй, вызывало лишь открыто враждебное отношение японского военно-промышленного концерна «Тоёсико», в числе прочего служившего зонтичной организацией для таинственного, малоизвестного, но весьма действенного клана якудза. Никаких открытых конфликтов у Хайфонца с ними не было, но их интересы начали заочно пересекаться с тех пор, как он, вышел на уровень масштабных азиатско-тихоокеанских операций, закрепив за собой собственную долю от жирного навару с растущих объёмов транстихоокеанских торговых операций и чёрного рынка. Произошло это совсем недавно.

Кроме того, время от времени, он анализировал подозрения, которые у него вызывала деятельность «сайгонского обкома», как он привык называть про себя одно из звеньев подчинённой ему цепи. «Обком» состоял из вчерашних комсомольцев южного региона, в настоящий момент уверенно делавших карьеру в партийных рядах и покровительствовавших влиятельному сегменту иностранных инвесторов и элиты местного крупного бизнеса. Буквально на днях, один косвенно связанный с «обкомом» функционер погорел на коррупции, и в ходе расследования всплыло несколько весьма интересных деталей, свидетельствовавших о существовании теневых транзакций о которых он лично уведомлён почему-то не был.

Наконец, третий момент, смущавший Хайфонца, заключался в том, что, несмотря на более чем преклонный возраст, он всё ещё не выбрал себе преемника, которому он мог бы передать дело своего друга Шланга.

2.

Джимми Вонг вырос в Монтерей-парк, одном из тех районов Лос Анджелеса, которые буквально на глазах одного поколения, по мере плотной застройки, из преимущественно латиноамериканских стали преимущественно азиатскими. Он был выходцем из простой семьи вьетнамских эмигрантов, некогда уплывших по бурному морю на утлых лодчонках в Гонконг и Америку во время великой войны. Отец его нередко вспоминал, что когда он бежал из страны, то думал, что американцы вот-вот уничтожат весь его народ, отравят и генетически покалечат его на поколения вперёд. Но при этом воевать за коммунистов он тоже категорически не хотел, потому что ненавидел их дисциплинированный образ жизни и казарменные порядки. В школе Джимми всегда, как полагается, стоял за своих, ходил вместе с другими вьетнамцами драться то через дорогу против латинос, то в центр против чёрных. Иногда они объединялись с чёрными против латинос, иногда с латинос против чёрных. В банду Indochina Boyz его взяли простым солдатом, пехотой, когда он был совсем ещё мальчишкой. Начинал он «на стрёме» у квартир старших ребят, в которых творились разные таинственные дела, как из тех, что погромче, так и из тех что посекретней.

Потом его стали впускать в самую квартиру, где с другими двумя-тремя малолетними пацанятами его за день научили взвешивать и упаковывать в пакетики героин в отдельной комнате. Это была аптечная работа, нужна была точность и концентрация внимания, хорошая координация движений и мелкая моторика рук. Он наловчился точно отмерять порошок на весах, разбавлять его тальком, мелом или мукой в строго определённой мере, ловко закатывать смесь в полиэтиленовые шарики, те что поменьше за десять долларов и те что побольше за двадцатку. Для постоянных оптовых клиентов они готовили товар унциями в виде аккуратных спрессованных кирпичиков. Следующим этапом стала розничная торговля на улице. Как и другие, он дежурил по шесть-восемь часов у подъезда или в парке, на баскетбольной площадке и на автомобильной парковке, набив рот пакетиками с товаром, которые в случае чего можно было проглотить, а потом, в укромном месте, вырвать.

Другие, перестраховываясь, умудрялись носить героин в носу, запихивая его чуть ли не в гайморовые пазухи, или в заднице. Конечно, у Джимми уже тогда было оружие, обращаться с которым ему помог научиться отец. Потихоньку-помаленьку, от процента с продаж, старшие перевели его на стабильную зарплату, по пять долларов в час. Помимо продажи наркотиков, Джимми теперь собирал деньги с людей плативших группировке регулярную дань за защиту. Это были частные наркодилеры, местные лавочники, уклоняющиеся от выплаты налогов, водители-«бомбилы», скупщики краденого, нелегализованные грузчики и другие чернорабочие, владельцы мелких магазинов и баров. Наличные он считать умел и обращался с ними аккуратно, вся выручка всегда аккуратно поступала в общую кассу. К двадцати пяти годам, после очередного повышения в своей карьере, он получил право открыть собственную точку где-нибудь в городе, с тем условием, конечно, что будет ежемесячно перечислять в общую кассу строго оговоренный процент от продаж. Репутация Indochina Boyz тогда росла и гремела по всему штату, особенно после того, как командование вступило в тактический альянс с сетевой структурой негритянских банд «Синяя семья». Джимми решил обосноваться в одном из новомодных хипстерских кварталов на Лонг-бич. Он снял квартиру, в которой самолично оборудовал лабораторию по производству амфетаминов, заселил туда

знакомого «химика», башковитого студента из семьи соседей, обзавёлся контактами и наладил коммерческий сбыт. Хипстеры, съезжавшиеся со всех континентов и снимавшие жильё в этом районе, жизни себе не мыслили без «спида», ведь без него они не могли ни писать свои длинные замысловатые поэмы, ни читать их друг другу на богемных вечеринках. Джимми стремительно разбогател.

Первый «наезд» на него со стороны ребят из Brown Pride был достаточно вежливым, даже мирным. Пако из местной «клики» поравнялся с ним на светофоре и, опустив стекло, коротко посигналил: «Yo homie keep gangbangin', huh? Gotta talk the talk, just stop over behind the lights»³, и он кинул «козу» из пальцев, как бы давая Джимми понять, что выступает официальным представителем "Brown Pride" на переговорах. Джимми сразу понял, с кем имеет дело, но согласился запарковаться за перекрёстком, чтобы поговорить. Страх он испытывал очень редко, к тому же он всецело доверял своему природному, звериному чутью. Пако оказался на редкость «ровным» парнишкой, не оскорблял понапрасну, не пытался примитивно запугать, мысли свои излагал дельно и складно. Джимми догадался, что «брауны» не хотят войны, но при этом не спускают того, что сочтут вторжением. «Я тебя понял», сказал он Пако, и они спокойно разъехались. Всю бессонную ночь Джимми провёл в размышлениях, и на утро решил рискнуть и схитрить. Такую благодарную клиентуру, бесплатно пиарившую его товар, терять было нельзя. Он вывез всё лабораторное оборудование в пригород, где арендовал фургон в трейлерном парке. В продавцы он нанял мальчишек разного этнического происхождения, в том числе пару мексиканцев. Теперь он сам возил в лабораторию сырьё, стеклотару, и сам же отвозил товар на Лонг-бич. Но на этом он, видимо и прокололся. Его выследили.

3.

Пако с молоком матери впитал в себя семейные предания и байки, в которых понятие Чести всегда фигурировало в качестве центрального. Так, например, его прадеду по отцовской линии пришлось в своё время бежать в Штаты именно из-за того, что он зарезал односельчанина в равном бою. Вызвать на бой того человека прадедушке Пако пришлось, конечно же для того чтобы отстоять честь семьи – тот позволил себе оскорбительно высказаться о ком-то из его родственников в местной таверне за стопкой текилы. О вызове, разумеется, прознала вся деревня и на рассвете, когда оба бойца по традиции сошлись на всем известном пустыре обмотав левую руку пончо и сжимая наваху в правой, недостатка в зрителях и судьях у них не было. Прадед Пако поймал своего противника на выпаде и безжалостно вонзил свой клинок прямо в его сердце. В тот же день, до прибытия конной жандармерии односельчане скинулись на дорожные расходы и отправили своего героя с проводником в «Верхнюю Калифорнию», навсегда. Дед Пако вырос и возмужал в те времена, когда с мексиканцами открыто обращались в Лос-Анджелесе как с людьми второго сорта. Конечно же, он всегда, не задумываясь, вступался за своих друзей по району, за честь баррио, когда речь шла о потасовках с соседними кварталами, или когда оскорбляли «коричневых». Однажды, во время бунтов, вызванных правом чоло одеваться по своей моде, носить «зуты», они с друзьями защитили случайно попавших под раздачу иностранных моряков от толпы озверевших расистов. Но уже во времена отца Пако представления о чести начали радикально изменяться. Теперь

³ «Чё братан всё мотаешься в своей группировке? Значит ответишь, тормозни-ка за тем светофором» (искаж. англ.).

под честью понимали эксклюзивные права на осуществление нелегальной коммерческой деятельности и получение прибылей в чётко очерченных территориальных границах. Ради этого все средства были хороши. Для того чтобы поднять себе репутацию на районе, мальчишкам теперь было достаточно подловить жертву в подворотне и расстрелять из-за угла в несколько стволов. При этом жертвами нередко становились «гражданские», совершенно не причастные к бандитским разборкам люди. Например, в школьные годы Пако, у чиканос из его баррио было принято охотиться на всех поголовно чернокожих, вне зависимости от их возраста или половой принадлежности. Это было нечто вроде планомерной этнической чистки заново освоенных городских трущоб, в которых всё ещё попадались иногда их прежние обитатели. Один из одноклассников Пако до сих пор мотал свой срок за то, что застрелил чёрную девчонку, спешившую в соседний колледж. Хуанито потягивал пиво, сидя на крылечке, когда та проходила мимо со своим розовым рюкзаком, набитым учебниками и тетрадками. Он признавался потом своей подруге на свиданке, что даже не успел толком ни о чём подумать, перед тем как достал ствол и нажал на спусковой крючок – сработало что-то вроде условного рефлекса. А ведь когда всё начиналось с уличной войны против негритянских банд, торговавших здесь крэком аж с восьмидесятых годов, никто и не предполагал, что честь и репутацию района будут когда-то защищать подобным образом. Впрочем, на исторической родине, в Мексике, судя по рассказам кузена Пепе, дела обстояли ещё печальнее. Когда Пако навещал на каникулах родственников в Хуаресе, Пепе рассказывал ему на ночь перед сном леденящие кровь городские истории. Наёмные «сикариос» некоторых картелей похищали ни в чём не замешанных гражданских лиц, не причастных к бизнесу и казнили вперемежку с действительными участниками или коллаборационистами соперничающих картелей. Они отрезали им руки, ноги и головы, вывозили обезображенные тела, не подлежащие идентификации, на самосвалах и разгружали их на виду у всех в публичных местах, сваливая в кучу. Эти акции устрашения были направлены в качестве посланий, как конкурентам, так и правительству, и именно поэтому наёмников больше заботило собственно количество мёртвых тел, чем их фактическая причастность к делам вражеских кланов. В других случаях, заподозрив кого-либо в связях с врагом, неважно с другой бандой или с полицией, «сикариос» вырезали под корень всю его семью, включая стариков, женщин и грудных детей, опять же в целях устрашения и поддержания репутации заказчика. В самих США такие крайности в конфликтах пока были редким исключением, но Пако знал, что рано или поздно спираль может раскрутиться и здесь, ведь рамки допустимого и дозволенного становятся всё более размытыми с каждой новой уличной эпохой. В один прекрасный день Джимми застал на месте трейлера лишь пепелище. Сомневаться, кто забросил бутылку с зажигательной смесью прошлой ночью, не приходилось. Действительно, в тот же вечер, он повстречал Пако с парой его дружков на парковке гипермаркета Wal-Mart. Он увидел их издали, пока шёл с авоськами в обеих руках. «Теперь уж и за хлебом спокойно не сходишь», промелькнуло у него в голове. Он действительно нёс в авоськах хлеб, хлопья, молоко, литр пива. Самый обычный мирный американец. Пако сидел на капоте машины Джимми, его дружки в чёрных очках-«капельках» картинно стояли с обеих сторон, как телохранители, важно скрестив руки на груди. Пако курил марихуану. И опять чутьё не подвело Джимми. Он понял, что эти громилы пришли всего лишь сделать ему последнее китайское предупреждение. Поэтому он смело шёл прямо к ним, не выказывая никаких эмоций. Как ни в чём не бывало не доходя несколько шагов, он, как бы невзначай, выронил обе авоськи,

вдребезги разбив пиво, и тут же выстрелил Пако в грудь. И никто не понял, откуда у него в правой руке, наготове, оказался ствол. Верзила с разрисованной мордой справа от Пако резко выхватил из-за пояса свой пистолет, но Джимми, конечно, его опередил. Попал, не целясь. Тот, что был слева, к тому времени уже убежал, согнувшись в три погибели, ныряя за капоты припаркованных внедорожников и выкрикивая бессвязные богохульства на испанском. Времени гоняться за ним не было. Джимми бросился в другую сторону.

Через неделю он вылетел из Ванкувера во Вьетнам по поддельному паспорту. Уже прибыв на историческую родину, он вытатуировал себе под глазом слезу, в память о Пако, первом из двух собственноручно им убитых людей. Однако, в действительности Пако не умер. Звериным чутьём и уличной мудростью природа не обделила и его самого. В тот день он зачем-то машинально сунул мамину сковородку под свою фланелевую рубашку. Ему и раньше доводилось предпринимать эту меру безопасности, но теперь она впервые спасла ему жизнь. Пуля застряла в грудной кости, хирург её вырезал в тот же вечер. Пако, едва оклемавшись, принёс страшную клятву «найти и убить гада».

Главари Brown Pride дали своей армии добро на отстрел наркоторговцев из Indochina Boyz. Уличная вендетта начала набирать обороты. Уже через месяц с начала войны командование Латинской Мафии дало своим «зелёный свет», и тогда во всех тюрьмах штата начались зверские групповые избиения заключённых азиатской расы, вне зависимости от их отношения к Indochina Boyz или даже этнической принадлежности. Плавильный котёл забурился. Латиноамериканцы к тому времени уже стали большинством в Калифорнии, но азиаты успели стать иммигрантским большинством по всей стране, и от этого жизнь простых граждан на улицах безопаснее отнюдь не стала. Из разномастных уличных банд спонтанно начали складываться самые немыслимые «священные союзы». ФБР объявило спецоперацию, но от этого реки крови полились ещё обильнее.

В конце концов «Синяя семья» созвала на своей территории мирную конференцию. «Научитесь считать лучше, сосунки», прокричал, открывая её Сионский Лев, патриарх «синих», обращаясь к главарям обеих банд. «Когда пацаны всех цветов объединятся, мы будем непобедимы».

4.

Джей Кей вырос в Аркадии, соседнем районе, почти граничащем с Монтерей-Парк. Он знал Джимми с детства, общался с ним, но и представить себе не мог, что волею судьбы он когда-то отправится искать его за тридевять земель по поручению самого У Си Пая, негласного короля Чайна-тауна.

Сам У Си Пай всегда держал нос по ветру. Когда мятежи, войны и стихийные бедствия начали всё стремительнее выбрасывать увеличившиеся потоки иммигрантов на калифорнийские берега, У Си Пай пристально отслеживал демографические тенденции, изучал статистические сводки и проводил скрупулёзные расчёты. Результаты он использовал в комплексной оценке экономической эффективности своей организации. В итоге он пришёл к недвусмысленному выводу: «В наше время контрабанда мигрантов становится более прибыльным бизнесом, чем продажа наркотиков». В самом деле, наркоманы всего мира выносят вещи из дома ради дозы, воруют, кидают своих друзей, и это приносит стабильные доходы известным организациям. Но ведь при этом никто не сказал, что валовая выручка от наркооборота – предел роста таких организаций. Мигранты тратят сбережения всей жизни, влезают в многолетнее долговое рабство

ради мечты о лучшей жизни для себя и своего потомства, при этом их число неуклонно растёт по мере роста пропасти между развитыми странами и остальным миром. Поэтому мы словно бы вновь переживаем времена Великого переселения народов.

После этого озарения У Си Пая, сразу несколько фирм успешных бизнесменов китайского происхождения, заключило меморандумы о взаимопонимании с управлением гражданской обороны штата, службами социальных услуг и департаментом здравоохранения, застолбив за собой сектор услуг по размещению и социальной интеграции новоприбывших беженцев. У Си Пай был негласным покровителем, а иногда и держателем акций этих фирм. Через какое-то время, когда федеральный бюджет выделил на иммиграционные нужды Калифорнии свыше миллиарда долларов, У Си Пай понял, что начали сбываться его прогнозы. В те дни Америка отчаянно отстаивала свободу навигации и перемещения через мировой океан. На периферии охваченных гражданскими войнами азиатских стран начали спешно открываться американские, канадские и австралийские центры приёма беженцев. Закрыв очередной годовой баланс с абсолютным приростом валовой выручки, У Си Пай подошёл к настенной карте и невольно застыл, в который раз изучая неровно выщербленную береговую линию Малаккского пролива.

Все нити вели к таинственному старцу из Хайфона. В отличие от других криминальных боссов региона, он пребывал в полной недостижимости для агентов ЦРУ, Интерпола или эмиссаров заокеанской мафии. Возможно, сам того не ведая, Хайфонец полностью контролировал через доверенных лиц полный цикл кругооборота «грязного» денежного капитала, незадекларированного в фискальных органах тех государств, с чьей территории он стремительными потоками утекал в офшоры. Рано или поздно этот таинственный старец должен был обзавестись надёжным партнёром на Западе, вместе с которым они будут делить земной шар, чтобы править трущобами всего мира...

Правда, до этого предстояло избавиться от ближайшего конкурента здесь в Америке, от этого рыжего дьявола Фила Бутмэна. Это человек безжалостный и бесцеремонный, вторгающийся буквально во все сферы подпольного бизнеса повсюду, где ему только не заблагорассудится. Иногда У Си Пай размышляя о своём оппоненте всерьёз думал, что Фил появился на благословенных американских берегах буквально из Преисподней. Говорят, что его настоящее имя – Филипп Башмачков, и что он рос крайне одарённым мальчиком в каком-то провинциальном советском городе, где ему не давала житья уличная шпана. Будучи доведённым до отчаяния, он пристрелил жожака местной кодлы и ушёл по этапу в колонию строгого режима на дальние берега Охотского моря. Оказавшись за решёткой, Филипп впервые проявил ту дьявольскую изобретательность, которой впоследствии характеризовался фирменный почерк его самых громких дел. Невесть как, он смог бежать из лагерного ада и через пару месяцев объявился на берегах Аляски, истощённый, наполовину обмороженный, но с живейшим блеском в пронизательных глазах пострадавшего человека. Получив статус беженца и эксперта в модной на тот период науке гулаго-ведения, он начал набирать вес в академической среде Бостона и, одновременно, собирать вокруг себя самый разнообразный сброд из стран только что распавшегося Советского Союза. Громкие дела начались, когда его заподозрили в авторстве растущего числа схем по крупному хищению государственной собственности и распилу федерального бюджета. Впрочем, этим подозрениям никогда не хватало доказательной базы, а ключевые

фигуранты исчезали бесследно, либо кардинально меняли свои показания на слушаниях в судах разных уровней.

Точно так же и У Си Пай теперь не мог быть абсолютно уверен, что именно Бутмэн постепенно теснит его на северо-западном побережье и едва ли не монополизировал всю Флориду, где оба знали, что открытая война между ними маловероятна. Он лишь догадывался об этом, благодаря своему звериному чутью, так же как и благодаря некоторым признакам, безошибочно выдававшим фирменный почерк Филадельфии. Например, кто-то фактически обездвижил турецкую агентуру У Си Пая, гениально распиарив неведомого и недоступного производителя резиновых лодок по всему эгейскому побережью. Внезапно толпы безграмотных сирийцев и афганцев начали упорно отказываться тратить свои последние гроши на перемещение по морю каким-либо иным видом транспорта – это была самая настоящая эпидемия, наподобие массового помешательства. Доверенные лица У Си Пая сделали ответный ход в Марокко, но это была пиррова победа. Турция, особенно Чешме, в свете последних событий стала гораздо важнее.

Теперь вот лучшие лоцманы Малаккского пролива вдруг начали проявлять подозрительные признаки нелояльности. Неужели рыжий бес добрался и до тех краёв? Если это так, то альянс с Хайфонцем становился насущной необходимостью, никак не менее.

5.

Джей Кей проснулся в то достопамятное утро, разбуженный криками школьников на баскетбольной площадке за окном. Недолго думая, он выскочил из дома и вмешался в их игру, добросовестно стараясь передать им азы стритбола. Его команда действительно сразу повела, но школьники начали мало-помалу по одному, уходить с площадки с недовольным видом. Они считали, что этот здоровый лоб испортил им всё удовольствие от игры. Но Джей Кей не унимался. Увидев, что его аудитория редееет, он, недолго думая, отобрал велосипед у одного из них, наорал на него, когда тот попытался протестовать, и уехал кататься по району. Больше всего он любил торчать у китайского рынка, наблюдая за тем, как народ таскает туда-сюда свежие фрукты, крабов, соевый сыр, доставленные накануне напрямик с той стороны океана, из Азии. Когда-нибудь он будет контролировать этот рынок и купит себе яхту, на которой сможет отправиться в далёкие странствия по океану, захватив самых симпатичных девчонок из местной школы, мечтал Джей Кей. Завидев знакомого, выходявшего из «Бургер-кинга», он выклянчил у него пакетик жареной картошки с половинкой воппера и, счастливый, снова укатил к спортивной площадке у своего блока. Бросив велик на асфальт в том же месте, где он подобрал его, он с ловкостью лемура запрыгнул на турник и начал вращаться на нём, делать полусиловые, перевороты без рук и солнышки на турнике, точно зная, что школьный звонок прозвенел десять минут назад и старшеклассницы вот-вот начнут проходить здесь резвыми, хихикающими стайками. Он толком не успел переварить свой скудный ленч и именно поэтому буквально чуть не блеванул на землю, когда перед турником резко затормозил новенький, ослепительно сверкающий на калифорнийском солнце чёрный «эскалад». С перепуга он решил, что это были «брауны», решившие пошмалить азиатов на чужом районе. Такой отстрел практиковался время от времени в период войны между бандами, потому что представлял собой относительно безопасное времяпровождение, но в то же время гарантированно поднимал репутацию стрелков. Едва подавив рвотный инстинкт, он понял, что вот-вот наложит в штаны. Но нет, это были люди У Си Пая. «Ты же знаешь

Джимми Вонга?», Утвердительно кивнув, Джей Кей покорно, как овца, прошёл в машину, позволил усадить себя на заднем сиденье, посередине между двух здоровых битюгов и умчался с ними в неизвестном направлении.

Дело в том, что дружок его, Джимми Вонг, тем временем, делал довольно неплохую карьеру в криминальном мире Северного Вьетнама. Благодаря знанию английского, особенно обширного в области бандитского арго, его взяли под крылышко люди Хайфонца, контролировавшие местный порт. Его прилично приодели, подстригли, причесали и даже снабдили «коряной», удостоверением служащего одного из органов исполнительной власти с красной корочкой. Всё это было предпринято для того, чтобы он мог беспрепятственно слоняться по порту, среди контейнеров, кранов и эстакад, наблюдать за судами, их командами и грузами, заводить знакомства с моряками, вербовать сообщников для операций по контрабанде в основном небольших, но абсолютно нелегальных грузов. Он небезосновательно полагал, что в нём пропадают таланты успешного коммерсанта, которые могли бы быть прибыльно реализованы, пойдя он в жизни правильной дорожкой.

Тем не менее, когда его представили, наконец, Хайфонцу, он старику совершенно не понравился. Внимательно выслушав его историю, Хайфонец подытожил:

- В общем, ты убил тех людей и подставил своих исключительно из-за своей жадности.

- Нет, нет, что вы, что вы, - попытался возразить Джимми. Мотивы его, дескать, были продиктованы исключительно чувством чести и собственного достоинства. Кто они вообще такие, эти чоло, что они возомнили о себе и почему это вдруг они считают Лонг-бич своей землёй.

- Правильно считают, - голосом не терпящим возражений проскрипел старик. – Это земля их предков, которая принадлежит им по праву. Мне об этом давным-давно рассказал один очень умный и образованный человек, которого я очень уважаю... Внезапно замолчав, он словно бы углубился в воспоминания, потом повернулся к Джимми и сказал, пронизывая его своим сверлящим взглядом из-под густых седых бровей:

- Мексиканцы – хорошие ребята. Однажды они крепко выручили меня и моих лучших друзей. И было это как раз в Лос-Анджелесе. Кто знает, может быть, среди них был дед твоего Пако... - пожевав губами, он добавил, - мне не нравится твой менталитет. Мне не нравится твоя американская история. Посмотрим, как ты проявишь себя здесь.

Собственно за этим его и вызвали в дом Хайфонца, настало время проявить себя с положительной стороны. В Сайгон прибыл нарочный из Швейцарии за небольшой суммой чёрных наличных, которая должна была стать пробным шаром, контрольным тестом для развивающегося сотрудничества с женевскими финансистами, активно изучающими формирующийся в данный момент интегрированный кредитный рынок стран АСЕАН. Хайфонец решил уделять особое внимание этому визиту ввиду того, что принимающей стороной на этот раз выступал тот самый «сайгонский обком», который должен был передать банкиру контрольную сумму налом.

Ему теперь позарез требовался доверенный человек, владеющий языком, для сопровождения и контроля над всей церемонией приёма важного гостя. Он лишь болезненно поморщился, когда помощник доложил ему, что на французском в городе теперь говорит лишь старорежимное старичье, вряд ли способное контролировать какую бы то ни было обстановку, не говоря уже о столь деликатном деле. Есть, правда, парнишка, в порту работает на подхвате, из Америки, отлично говорит по-английски. Ну и отправьте его, английский или французский, разве это

не одно и то же, в конце концов? Да, и накажите ему, что если швейцарец будет просить о личной встрече, пусть скажет ему, что я готов встретиться с одним из тех, кто его сюда в этот раз направил, то есть с кем-то выше уровнем, а если ему есть, что сказать, то пусть передаст, ну, хотя бы через этого Джимми, или как его там.

Вот так Джимми и оказался пристёгнутым пластиковыми наручниками к целой группе «обкомовцев», со швейцарцем в придачу, в той охотничьей хибаре, когда в окно влетел пышущий клубами ядовито-алого дыма фальшфейер Миши Пака. Тем временем, непонятно откуда взявшиеся налётчики, изъяснявшиеся между собой на грубом, лающем языке северных варваров, явно либо монголы, либо маньчжуры, уже успели скрыться в непроходимых чащобах субтропического ливневого леса.

Позже, когда те северные варвары сбили вертолёт местного ОМОНа, а прибывшие на место спецслужбы учинили всей честной компании допрос с пристрастием всё в той же хибаре, «обкомовские» лишь угрюмо молчали дожидаясь каждый своей очереди, а швейцарец истошно вопил, что он должен немедленно встретиться с омбудсменом, до тех пор пока не получил под дых прикладом АК-74. Разумеется, никто кроме Джимми не заметил, что тот успел сожрать распечатку с графиком и точной датой восьмидесятипятипроцентной девальвации донга, предстоявшей в следующем месяце – кто знает, может быть, именно за этой информацией он и прибыл в «обком», согласившись оказывать им дальнейшие услуги.

Когда самого Джимми завели в прокуренный кабинет, капитан CSCD лишь молча ткнул ему под нос фотографию с растерянным ликом до боли знакомого ему Джея Кея и вполголоса, значительно заглянув ему в глаза, дал ему понять, что Хайфонец поручает ему немедленно встретиться с этим человеком.

6.

У перепуганного не на шутку Джея Кея, который, втянувшись во всю эту историю, растратил последние остатки своего и без того скудного мужества и былой уверенности в себе, всё складывалось совсем иначе. Конечно, гонять курьером по международным рейсам с щепетильно зашифрованным посланием от главы одного криминального синдиката королю преступного мира другой страны – это тебе не баскетбольный мячик у школоты малолетней отбирать, и даже не велосипед. Это уже местные СМИ, падкие до сенсаций, сделали из него чуть ли не главаря Indochina Boyz, «спалив» его, так сказать, по татуировке, когда его взяли на камбоджийской границе. На самом деле это был обычный дворовой гопник, всего лишь не очень прочно аффилированный с одной из местных ячеек Indochina Boyz, редко принимавший участие в серьёзных делах, хотя и мечтавший о радужном будущем с единоличным контролем над пищевым рынком в районе школы.

Добравшись до Сайгона, он откровенно запаниковал. Он не знал, что делать, как выполнить данное ему поручение. Зато он хорошо знал, что случится, если он его не выполнит: не сносить ему своей буйной головы, это как пить дать. В этих печальных обстоятельствах, он занялся тем, что у него получалось лучше всего – начал бесцельно слоняться по улицам города. Из дешёвой, трёхзвёздочной гостиницы с социалистическим сервисом, через улицу Катина, беспокойные ноги вынесли его в район дешёвых забегаловок и сотен туристических бюро, вразнобой предлагавших услуги западной молодёжи, кишевшей сразу на нескольких улицах в округе. В самом деле, казалось, что западных студентов здесь было гораздо больше, чем собственно местных жителей.

Джей зашёл в одно из бюджетных кафе, с трудом протиснулся среди накрытых одноразовыми бумажными скатертями длинных столов, отыскав себе местечко под

телевизором с DVD-плеером Samsung, по которому эхом с далёкой родины беспрерывно крутили «Гриффинов». Джей Кей уже заказал себе похлёбку из крабовых клешней, когда он внезапно услышал родной говорок с калифорнийским акцентом и живо обернулся. За соседним столиком притулилась самая обыкновенная для этих мест троица: длинный доходяга со светлыми, сальными дредами, его приземистый друг с телосложением покрепче и с зелёным панковским «ирокезом» на бритом черепе и юная девчонка с неряшливой копной жёстких красных волос, тонкими красивыми чертами лица и чувственными, пухлыми губами, вероятнее всего без каких-либо добавок ботокса. С родным акцентом говорил припанкованный паренёк. Они живо обсуждали предложения, полученные от уличных торговцев турпакетами. Блондин и девчонка стремились попасть в храмовый комплекс Ангкор-Ват, калифорниец настаивал на полпотовских «полях смерти». Впрочем, все сходились на том, что после экскурсии стоило предпринять пеший переход через джунгли на пляжи Сиануквилля. Для этого у блондина была специальная карта, составленная его предшественником, кузеном из Хельсинки.

Начав с сакраментальной фразы «Западное побережье рулит!», Джей Кей бесцеремонно вклинился в их беседу, быстро разговорился с земляком, и в итоге рванул вместе с ребятами к камбоджийской границе. После обеда странная компания погрузилась в автобус и выехала, наконец, из бетонной душегубки знойного города. Сара задумалась, сидя у окна, молча восхищаясь неземными красотами окружавшего дорогу субтропического леса. Эта спонтанная поездка, этот рывок «на Югá», составляла такой приятный контраст с монотонными буднями в университетской аудитории, репетициями в театральном кружке по вечерам и рутинной раздачей активистских листовок на углу Главной улицы по воскресеньям. Больше всего ей жутко, физически хотелось бы сейчас окунуться в бирюзовые воды, омывающие Сиануквилль, поплавать в ласковых, тёплых волнах. Урс азартно фотографировал пейзажи, стараясь захватить в объектив своей зеркалки самые ржавые постройки, разбросанные тут и там вдоль шоссе, самых уродливых нищих крестьян, да колдобины на самых разбитых участках дорожного полотна. Саймон разговорился с Джем Кеем, которого мысленно окрестил «парнем из гетто», всё пытаясь убедить его, что когда-то все бедные районы Америки поднимутся с колен, отбросят крэк, метамфетамины, взаимное уничтожение, и сметут своей мутной волной последние остатки лицемерно добропорядочной буржуазной цивилизации с лица земли. Джей лишь хихикал, время от времени кидая фирменный знак IB из пальцев правой руки, и поддакивал, мол: «Да, чувак. Уважуха». Приободрившись Саймон постепенно перешёл на боевые истории о своей собственной банде. «Единая дружная семья», специализировалась на посещении концертов строго определённых рок-групп в строго определённых клубах и строго по субботам. Разгорячённые подростки из ЕДС уже несколько лет с энтузиазмом мутузили в мошпитах по всему штату не только конкурирующие банды, но и друг друга, нередко оказываясь в итоге в травмпунктах, реанимациях, а кто и в морге. Саймону показалось, что он сумел произвести должное впечатление на своего попутчика, тот даже снисходительно пообещал ему поддержку IB на случай крупных боевых операций против «саморазрушителей» с Адриатик Бич.

Однако на самом деле, в голове Саймона Ушко зрели гораздо более далеко идущие планы. Дело в том, что он уже несколько лет поддерживал тайную корреспонденцию с «Безумным отшельником», малоизвестным на тот момент, но крайне оригинальным радикальным мыслителем, в настоящее время скрывавшимся от федерального правосудия в горных массивах Северо-Запада, потому что его почему-то вдруг объявили идейным вдохновителем нескольких подрывных американских и

европейских групп. Буквально за пару месяцев до описываемых событий он издал теоретический памфлет, озаглавленный им “Clahowa”⁴, согласно которому в течение ближайшей пары десятилетий экономические интересы организованной преступности и силовых структур на чёрном рынке Северной Америки вступят в неразрешимые противоречия, и это неизбежно приведёт к полномасштабному вооружённому конфликту по сценарию уже реализованному в Мексике, где свыше декады между правительством и нарко-картелями бушует асимметричная война, в которой ежедневно гибнет больше народа, чем в Афганистане или Ираке. При этом в качестве одной из самых активных сторон конфликта там уже выступают советники и вооружённые подразделения спецслужб США. Когда это произойдёт непосредственно на территории самих Штатов, в роли детонатора выступят многочисленные местные уличные банды. При определённом стечении обстоятельств – «когда они научатся лучше считать», как загадочно пояснял «Безумный отшельник» – эти банды обретут реальные шансы на победу над своим неумолимым врагом, особенно, если по ходу развития событий они смогут завоевать симпатии широких народных масс, которые тогда начнут к ним примыкать. Такой вариант вполне возможен, например, если бандиты по примеру Пабло Эскобара воспользуются популистскими лозунгами «робингудовской» риторики и примут на себя, хотя бы на словах, имидж борцов против произвола плутократии. В итоге цунами насилия расчистит дорогу перед гением духа истории, и американский пролетариат установит контроль над ядерным арсеналом Америки, вне зависимости от того примет ли он решение о немедленном тотальном разоружении сразу или нет. Тогда уже ничто не сможет помешать созидательным творческим силам человечества вживительной реставрации биосферы и установлении справедливого Нового мирового порядка, матерью которого станет подлинная Анархия.

7.

Миновав вьетнамско-камбоджийскую границу Джей Кей дружески стукнул по плечу призадумавшегося Саймона и сердечно расстался с остальными случайными попутчиками. План созревший в его не отличавшейся бурной фантазией голове, был прост до дебилизма: он провезёт что-нибудь или кого-нибудь через границу в Сайгон и тем привлечёт к себе внимание людей Хайфонца, а если не получится, хотя бы заработает себе на расходы, может тоже съездит в Сиануквилль. Добравшись до ближайшей деревеньки, он обобрал первую встречную семью камбоджийских крестьян, пообещав им устроить их детей в американские ВУЗы: сына в Колумбийский университет, дочь в Йельскую юридическую школу. У крестьян была спутниковая тарелка на крыше соломенной развалюхи, и они тщательно распланировали будущее своих детей: сын станет новым Обамой, дочь – новой Хиллари. За эту услугу он отобрал у них многолетние сбережения, заботливо конвертированные крестьянами в пару небольших, но увесистых золотых слитков. Торговаться они перестали после того, как он предъявил им паспорт гражданина США – настоящий билет в мир фантазии, наделявший владельца реальным всемогуществом. Этим же паспортом тщетно тряс Джей Кей перед неумолимыми вьетнамскими пограничниками, пытаясь выдать подростков за своих брата и сестру. Он тогда вышел из себя не на шутку, потому что из-за такой чепухи как предъявление документов на границе срывалась уже распланированная им по

⁴ Священная классовая война (сокращ.англ.)

дороге удачная сделка. В самом деле, пробыв в Сайгоне меньше недели, он уже знал в какой именно бордель он отведёт девочку и в каком баре для транссексуалов будет трудиться мальчик. При этом из его не шибко крепкой памяти успел вылететь строгий наказ У Си Пая:

- Не вздумай ни словом, ни намёком затронуть самые неблагоприятные стороны нашего бизнеса, такие, как сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, или торговля органами, - глаз У Си Пая не было видно из-за чёрных очков, придававших ему вид киборга, при этом говорил он едва шевеля губами. Складывалось впечатление, что У Си Пай – чревовещатель. - У старика высокие нравственные устои. Если он, не дай бог, заподозрит нечто подобное, он ни за что не пойдёт на сотрудничество с нами. Тогда тебе конец.

Тем не менее, по иронии судьбы, именно на этой точке бесславной одиссеи Джея Кея ему сказочно повезло, потому что он попался на глаза рыскавшей вдоль границы группе телерепортёров регионального телеканала. За последние пару дней их поиски сюжета были безуспешными. Очевидно, всё дело было в том, что западная туристическая молодёжь постепенно приучалась вести себя спокойно и корректно, по крайней мере, в общественных местах, без крупных скандалов и излишнего эпатажа местной публики. А тут вдруг, откуда ни возьмись настоящий американский гангстер с камбоджийскими малолетками на границе. Так, угодив в вечерние новости, он попался на глаза и пресс-службе Хайфонца, составлявшей ежедневный дайджест для шефа.

Когда Джимми явился вытащить его из каталажки под залог, Джей Кей буквально бросился ему на шею. Это была определённо самая худшая тюрьма из всех, в которых ему довелось до этого побывать. Да, он пытался подкупить тюремных надзирателей, предложив им золотые слитки, но те, забрав золото, просто оставили его в той же тесной, переполненной камере. Это было неслыханно для американца.

Оказавшись, наконец, лицом к лицу с Хайфонцем, Джей Кей выпалил: «Мой учитель, У Си Пай передаёт запоздалый привет дяде Шлангу от Аббы Чена и смиренно просит вас о дружбе, которая с его стороны будет вечной». Хайфонец сразу понял смысл послания. Из материалов архива он знал, что Шланг и Абба обменивались немаловажными услугами. Абба Чен, щуплый кантонский китаец в очках, похожий на инженера и заслуживший своё прозвище благодаря нескрываемой слабости к творчеству шведского квартета, в середине девяностых выбился в самые верхи влиятельной гонконгской триады. Говорят, он лично представлял интересы Дэн Сяопина на острове перед непосредственной передачей Гонконга от Великобритании в пользу КНР. Теперь неведомый У Си Пай очевидно связанный с триадами и бывший в курсе многих самых секретных дел, предлагал Хайфонцу альянс, возможно, суливший перспективы роста для предприятия, завещанного братом Шлангом.

Хайфонец ответил ему просто:

- Передай моему другу У Си Паю привет.

V. ЗАТЕРЯННЫЕ В ШТОЛЬНЯХ

1.

- Как? Как он сказал? – настойчиво допытывался Саша, резво хромя вдоль по тропинке рядом со мной.

- Вузэт комплетманфукуа, сэларжан делайфонэ, - иностранными языками кроме английского я не владею, но слуховая память, как и зрительная, у меня отменная.
- Так и есть, все мы безумцы, - ухмыльнулся Саша.
- Что это значит?

- Это значит, что надо быть безумцами, чтобы грабить людей Хайфонца на этой земле.

- А кто это, Хайфонец?

- Он вроде Ришелье в истории этой страны, - ответил Саша. - Серый кардинал, собравший в руках все ниточки. Самый могущественный человек не только во Вьетнаме, но и во всей Юго-Восточной Азии.

В этот момент в небе над нами послышалось мерное гудение, в котором Пак мгновенно и безошибочно распознал рокот моторов военно-транспортных самолётов Ан-12.

- Это за нами, ребята, - мрачно констатировал он. – Если мы не скроемся отсюда вовремя, то когда они начнут прочёсывать местность, нам придётся устроить схрон-засаду, хотя вряд ли мы уже вырвемся отсюда живыми. Скорее всего, мы все здесь погибнем. Что ж будем отбиваться до конца.

- Мы уже на месте, - ответил ему Саша, опускаясь на четвереньки.

Это было абсолютно ничем не отличавшееся от других место в лесу, густо заросшее изумрудной тропической растительностью. Высокие широколиственные деревья устремлялись ввысь своими гибкими стволами, а их густые кроны были связаны между собой причудливыми переплетениями лиан. Грунт под ногами устилала разнотравья и плотная листовая подстилка, кишмя кишевшая диковинными насекомыми. Ползая на четвереньках, Саша по одним ему ведомым приметам искал ход в старое партизанское подземелье. Когда он его нашёл и открыл потайной люк, я глазам своим не поверил. Мне было очень трудно представить, что грузный Миша Пак пролезет в столь узкое отверстие. Однако он смог, более того полез одним из первых. Он втиснулся туда на выдохе вслед за Азаматом.

Дальнейшее я помню очень плохо. В такие моменты, когда мы, как говорится, живём на полную катушку, играем с судьбой, резво носимся за миражами по самому краю бездонных пропастей, в такие моменты, говорю я, наша память фиксирует лишь общее напряжение, а частое дыхание, сопряжённое с чувством азарта от преследования тех самых миражей, словно бы вытесняет собой логическое течение рационально организованных будней. Нам остаётся лишь страсть, ужас и триумф, пережитые нами в подобные моменты, но они остаются с нами навсегда. Детали изглаживаются из памяти подобно никому не нужной шелухе от подсолнуховых семечек. Помню, что мы долго ползли в замогильном мраке, по узким тоннелям, прорытым чьим-то упорным, чудовищным трудом на многие километры в недрах сырой земли. От чрезмерных физических усилий и клаустрофобии я действительно крайне плохо соображал. Меня мучило. Когда мы, наконец, оказались в просторном помещении, наподобие тайного бункера, мне показалось, что я вынырнул из липкого ночного кошмара. Саша зажёл керосиновую лампу, потом свечи. Это был настоящий укреплённый бункер-казарма, с двумя рядами раскладушек и гамаков поодаль, длинным деревянным столом, кухонной утварью. Я прошёлся по помещению и отметил, что на раскладушках было свежестеленное постельное бельё. Саша порылся в серванте у стены, начал доставать консервы, галеты, шоколад, и даже пару бутылок старой советской «Пшеничной» водки, эмалированные тарелки, железные кружки. Он шустро накрыл стол на четверых.

- О-о-о, хавчик! – обрадовался Азамат.
- Кишкануться самое время, - одобрительно пробасил Ринат. - Да и сива в тему, как раз навар обмоем.
- Точно, братва, мы же сегодня конкретно заработали, - поддержал его Азамат.

Мы все уселись за стол, и настроение потихоньку начало подниматься. Саша пристроился в тёмном углу и начал тщательно пересчитывать наличность, проверяя каждую банкноту, пропуская их через ультрафиолетовый детектор, откуда ни возьмись появившийся в его руках. Помню, что за оживлённым разговором, обсуждая наш удачный налёт и дальнейшее преследование, утратив счёт появлявшимся на столе бутылкам «Пшеничной», мы все основательно нагрузились. Как то незаметно меня разморило и потянуло в сон, особенно от вида осоловелых глаз зевающего напротив меня Азамата. Мне захотелось прилечь на минутку, но едва дойдя до спальной части бункера, я рухнул, как подкошенный, в гамак и провалился в глубокий сон без сновидений.

2.

Проснулся я от того, что меня настойчиво тряс за плечо Ринат. Я нехотя, кое-как продрал глаза, потёр их руками и присел в гамаке. Ринат, свежий как огурчик, стоял надо мной с озабоченным видом.

- А Санёк-то нас швырнул, - с какой-то обречённой тяжестью в голосе вымолвил он.
- То есть? – удивился я. – А где все?

- В отключке валяются – водяра с димычем была, с димедролом по ходу дела.

Миша с Азаматом действительно мирно посапывая, дрыхли на койках напротив. Когда смысл сообщённой мне Ринатом информации начал медленно, но верно до меня доходить, у меня как-то болезненно засосало под ложечкой. Более неприятную ситуацию трудно было себе даже вообразить. Мы находились неизвестно где, под землёй, посреди джунглей с целым взводом десантников над нами, рыщущих по всей округе с единственной целью нас уничтожить. Меня невольно бросило в холодный пот.

- А деньги?

- Санёк утащил, само собой, весь мешок с капустой.

Я схватился за голову. У меня было такое ощущение, что выбравшись на узкую тропинку, ведущую к пообещанному мне благополучию, я чересчур углубился в неведомую чашу, следуя по ней, и не успел заметить, что пути назад уже нет, а когда она упёрлась напрямки в глухую, непроходимую стену тупика, было уже, как говорится, слишком поздно. Оказывается злой рок всё это время следовал за мной по пятам, напрочь стирая все уже пройденные тропинки, уничтожая всякую возможность вернуться назад к моей серенькой, но безопасной жизни. Мы разбудили наших товарищей, чтобы ошеломить их этим пренеприятнейшим известием.

- Надо выбираться, - сказал Пак.

- Ясен перец. Вот только куда? – ответил Ринат.

- Понятно, что надо выбраться наружу, - задумчиво произнёс Азамат. – Но сделать это в любом месте кроме того, откуда мы пришли. То есть надо продолжать ползти в противоположном направлении.

Он вытащил из кармана свою сотку, старинный «кирпич» Nokia за шесть тысяч тенге, с его мощной надёжной батареей и фонариком, оказавшимся как нельзя более кстати, и подошёл к дальней стене. Люкообразных отверстий, подобных тому, из которого мы сюда выпрыгнули, на противоположной стене было с десяток. Узкие

лазы разбегались, причудливыми траекториями змеистых тоннелей. Рискнуть наугад?

- Я готов отправиться на разведку, - сказал Азамат. – Как вы знаете, выбираться из-под земли мне не впервой.

На шахте, в ситуации завала, куда как более малопривлекательной и опасной, чем сейчас, Азамат привык полагаться на своё собственное чутьё, и это чутьё его никогда не подводило. В отличие от меня, его, естественно, никогда не охватывали приступы клаустрофобии и неизъяснимой паранойи. Напротив, ему в чём-то даже нравилось ползти по этим тоннелям, казавшимся ему проявлением подлинного гения человеческой инженерной мысли. Здесь хорошо дышалось, чувствовалась продуманная вентиляционная система, а полная скрытость и недоступность этих штолен для вражеских глаз вызывала в нём неподдельное уважение к их строителям, неустанным отрядам партизан, их жён и детей, вложивших все свои физические и моральные силы без остатка в победу над жестоким и мощным врагом, до сих пор подавляющим своей военной силой весь мир.

Азамат лишь изредка, очень бережно пользовался фонариком, поэтому его глаза привычные к подземному мраку легко различили слабые проблески света, пробивавшиеся сквозь надземное вентиляционное отверстие, замаскированное на поверхности под термитник. Он вынул из импровизированных ножен свой мачете, привязанный к правой брючине бесформенных камуфляжных штанов, некогда снятых с безвестного американского солдата и начал старательно расчищать утрамбованную землю над собой пробиваясь всё ближе и ближе к дневному солнечному свету. Разворошив термитник на поверхности, он продолжил упорно резать слой почвы и копать, расширяя образовавшуюся нору, пока он не смог полностью выбраться головой и плечами наружу, просунув руки в отверстие и опершись на них, вылезти, наконец, из-под земли, подобно восставшему из ада мертвецу.

Лучи солнца, пробиваясь сквозь пышные кроны раскидистых баньянов так сильно слепили глаза, привыкшие к подземному мраку, что Азамат далеко не сразу заметил трёх малорослых смуглых людей в чёрной одежде, чёрных картузах, с одинаковыми красно-белыми узорчатыми шарфиками вокруг шеи, стоявших среди деревьев выставив вперёд, в его сторону допотопные винтовки с насаженными на них острыми свежезаточенными штыками.

3.

Пока его гнали увесистыми ударами прикладов в спину по утоптанной рыжей тропе, Азамат лихорадочно пытался сообразить, где же он в итоге очутился. Эти люди не были похожи на вьетнамских десантников, ни формой, ни вооружением. Так что вряд ли он попал в окружение десанта, высадившегося с тех «Андрюх», чей мерный гул в небе они с друзьями слышали перед тем как скрыться в злополучных партизанских штольнях. Гораздо больше была вероятность того, что эти угрюмые люди задержали его за вторжение на территорию какой-то третьей, неведомой стороны. Когда его вывели из леса, взору открылись широкие поля, местами залитые болотцами стоячей воды, на которых трудились скопища людей в одинаковой чёрной одежде и соломенных шляпах. Они усердно носили туда-сюда коромысла с ведрами полными раствора, мотыжили землю, пололи сорняки, стоя по колено в мутных озёрцах рисовых полей – и повсюду, рядом с каждой группой работающих крестьян прохаживался человек с такой же винтовкой, как у конвоиров Азамата, в таком же чёрном картузе и красно-белом узорчатом шарфике. Временами

они покрикивали на крестьян, тут и там отвешивая сильные удары прикладами или специальными дубинами из тяжёлого бамбука. Но люди, видимо привычные к такому обращению, продолжали выполнять свои отработанные до автоматизма действия, не поднимая головы и даже не пытаясь увернуться от этих явно чувствительных ударов. При этом вряд ли этих несчастных можно было заставить работать ещё усерднее. Казалось, надсмотрщики бьют их скорее ради собственного развлечения, от скуки, ведь скучно должно быть наверное целыми днями только и делать, что ходить за другими людьми, надзирая за их работой. Чуть поодаль слева виднелись длинные бараки, наспех сколоченные из неотёсанных досок, видимо служившие убогим жилищем для всей этой рабочей силы. Там, у этих замызганных грязью построек, стояли огромные котлы, распространяя по всей округе необычный сладковатый смрад. Наверное, этим вонючим варевом здесь кормят всю эту рабочую силу, решил про себя Азамат. Вдоль тропы, по которой вели Азамата так же неустанно, как взрослые, трудились и дети, совсем малыши. Они тщательно рвали под корень обильно произрастающую здесь траву, кропотливо, травинка за травинкой. Казалось, они пытались полностью очистить здешнюю почву от травы, и это занятие представлялось настолько же утомительным, насколько бессмысленным, ведь и за сотни лет здесь нельзя было добиться состояния идеально голой почвы, к которому они видимо стремились. Но над ними тоже прохаживался надзиратель, подросток лет одиннадцати-двенадцати с такой же увесистой дубиной из тяжёлого бамбука, к тому же безжалостно пускаемой им в ход без всякого раздумья.

Проходя среди этих причудливых полей с трудящимися массами неизвестного народа, Азамат обратил внимание на то, что хуже всего приходилось тем мужчинам, что были помоложе и посильнее – их заставляли рыхлить и копать землю голыми руками, а некоторых гоняли взад-вперёд, принуждая перетаскивать с места на место тяжёлые валуны, складывать их друг на друга в причудливые насыпи лишь затем, чтобы по прихоти надсмотрщика вновь уносить их один за другим куда-нибудь ещё. Целью было, судя по всему, доведение этих бедняг до строго отмеренной степени физического изнурения.

Вся жизнь в этом эксцентричном муравейнике была выстроена в неумолимо выверенном порядке, действовавшем подобно отлаженному часовому механизму согласно собственной абсурдной логике. Впереди между полями и окружающей их чащей, раскинулся впечатляющий древний комплекс храмовых построек, утопавший в роскошной зелени неистребимых джунглей словно бы постоянно наступавших на эту искусственную опушку со всех сторон обозримого горизонта. Азамат догадался, что рисовые поля были разбиты на лесных территориях вырубленных и выжженных этим причудливым коллективом ради обеспечения собственного пропитания и организации самодостаточного, автаркического хозяйства.

Его привели к подножию храма, под зеленоватые стены, увитые побегами дикой лианы и поросшие синеватым мхом, со статуями бесчисленных индуистских божеств и небесных танцовщиц, застывших в чудных позах на пёстрых плитах экзотических архитравов, опирающихся на замысловатые капители идеально обтёсанных древних колонн. Когда Азамат увидел, что над самой высокой из храмовых построек развевается красный флаг с жёлтым силуэтом Ангкора, другого всемирно известного храма, до него начал доходить весь ужас того положения в котором он невольно оказался. Он видел сюжет об этих людях ещё в советское время, в «Международной панораме». Это были пользовавшиеся зловецей славой «красные кхмеры», маоистские фанатики, некогда устроившие необъяснимый

геноцид собственного народа. Каким-то образом некоторые из их общин выживали до сих пор, пребывая в тщательно поддерживаемой самоизоляции от остального мира и ревностно сохраняя свои порядки. Судя по всему, Азамата угораздило занести в одну из них.

Его подвели к большой яме в человеческий рост, вырытой под одной из храмовых стен, которая была занята большой тигровой клеткой, сплетённой из толстых побегов бамбука. Внутри она была залита водой. Один из сопровождавшей Азамата троицы конвоиров, распахнул перед ним квадратный люк клетки, открывавшийся сверху, и резко что-то выкрикнул, очевидно, приказывая ему лезть внутрь. Азамат вынужденно подчинился. Он не сразу заметил, что в клетке находился ещё один узник: пожилой кампучиец с отрешённым выражением лица сидел, скрючившись, по самую шею в воде. Он лишь скользнул по новоприбывшему невидящим взглядом и продолжил смотреть куда-то в сторону, в одну точку, словно бы внимательно разглядывая нечто несуществующее в открывшейся перед ним одним пустоте.

Для Азамата потянулись часы томительного ожидания в этом самом необычайном из КПЗ всего мира.

4.

Из клетки, если подтянуться на брусках, можно было видеть, как здесь кормят народ. По сигналу гонга их всех, словно стадо овец погнали, разбив на группы, к вонючим котлам. Выстроив в очередь у раздачи пищи, их пинками и зуботычинами выталкивали по одному к поварам, а те, зачерпывая дымящимся половником в котле клейкую массу из риса и отваренных в нём сорняков, ссыпали им её прямо в сложенные горсткой руки. Отбежав в отведённое место, крестьяне жадно ели из рук, сидя на земле, а потом, почувствовав ленивое, буксующее действие наполовину атрофированной пищеварительной системы застывали в тупом оцепенении, глядя в землю прямо перед собой. После гонга, символизирующего собой окончание краткой, скудной трапезы, достаточной для поддержания совершенно определённого минимума физических сил, когда крестьян снова погнали в поля, выводя их из животного оцепенения лёгкими точечными уколами штыков, за Азаматом спустились конвоиры.

Пока он вылезал из клетки, он заметил на руке чёрную разбухшую от крови пиявку. По всему телу, на торсе и на ногах, под одеждой обреталось ещё с десятков таких же, жадно присосавшихся к нему мелких чудищ. Его передёрнуло от омерзения, но он решил усилием воли отогнать от себя все мысли о пиявках.

Тем временем Азамата подвели к главному храмовому помещению, над которым реял флаг Демократической Кампучии. Перед входом было разбито нечто вроде аккуратного патио с ярко-зелёным газоном, пересечённого ровными клумбами, на которых мирно цвели красные розы. Но посреди этих клумб с розами к ужасу Азамата высилось два шеста с нанизанными на них человеческими головами. Левая голова смотрела прямо на него из-под полуопущенных век с выражением непередаваемого страдания. У правой головы были выколоты глаза, и лицо было покрыто запёкшейся кровью. Там же, в тенистом углу патио был установлен неподвижно закреплённый деревянными колодками велосипед, сидя на котором неустанно крутил педали кампучиец с таким же отрешённым, как у остальных крестьян лицом. Велосипед был подсоединён к примитивному аккумулятору, чьи провода тянулись в сторону храмовых построек. Азамат догадался, что так он генерирует электричество для нужд храма.

В этот момент его впахнули в помещение. Здесь было тихо и прохладно, шаги отдавались гулким эхом под сводами. Со всех сторон на него смотрели пустые глаза загадочных статуй, словно бы специально выстроившихся на стенах, чтобы поглазеть на пришельца. По центру стоял массивный каменный стол, за которым подобно строгим экзаменаторам, сидели, ожидая его две старые женщины. Они были выше большинства виденных им до сих пор кампучийцев, и их кожа была светлее. Только эти косвенные признаки выдавали в них китайянок. Они были одеты в точно такую же чёрную униформу, их шеи были повязаны такими же традиционными кхмерскими шарфиками, как у других, лишь на картузе у главной, той, что сидела в центре, красовалась красная звезда. На её лице неявно проступали блеклые следы былой красоты. Из-под картузов у обеих выбивалась густая нечёсаная грива пегих, рано поседевших волос. У стены, над другим столом стоял ещё один человек, с тихим звоном раскладывая на бурой, застиранной простынке свои плоскогубцы, скальпели, ножницы, шила, лобзик, молоток, разводной ключ и другие орудия пыток. Перед столом одиноко стоял низкий табурет. Азамата усадили на него. Главная китайянка навела на него электрическую лампу, так что свет бил прямо в глаза, и резко выкрикнула что-то на вьетнамском языке. Азамат развёл руками и покачал головой, показывая, что он ничего не понимает. Тогда она кивнула своему заплечных дел мастеру, и тот с готовностью надев кожаный фартук, забрызганный потёками человеческой крови всех оттенков, взял в одну руку тесак, в другую плоскогубцы, и медленно, с жуткой ухмылочкой садиста направился к нему.

- Не надо меня пытаться – я сам расскажу всё, что знаю! – в отчаянии крикнул Азамат.

Услышав эти слова, китайянка вскинула руку и резким окриком на кхмерском остановила палача. Тот нехотя остановился, не сводя с Азика лихорадочного взгляда своих безумных глаз, и вдруг расхохотался, да так, что у Азика кровь застыла в жилах. Это был самый жуткий смех, который ему когда-либо доводилось слышать в своей жизни

- Прекрасно, прекрасно, так ты, значит, не вьетнамский, а советский шпион, - удовлетворённо констатировала предводительница красных кхмеров на чистейшем русском языке, не обращая никакого внимания на поведение своего подчинённого.

- Это не так, - запротестовал Азамат. – Я турист из Казахстана, такой страны как Советский Союз давно уже нет.

- Я знаю Казакистан, я училась в Москве, - задумчиво проговорила китайянка после невольной повисшей в воздухе паузы. – Если ты говоришь правду, то это отрадная новость.

- Конечно, правда! Уже больше двадцати лет как Казахстан обрёл независимость и суверенитет.

- Как же вам это удалось? – китайянка недоверчиво покачала головой. – Война за независимость, наверное, была очень жестокой и кровопролитной?

- Да нет, - Азамат пожал плечами. – Проснулись утром и узнали, что главы республик отстранили советского президента. Все пятнадцать республик обрели независимость.

- Все пятнадцать республик! – восхищённо вскричала китайянка. – Так значит, нам больше не грозит наш главный враг, советский социал-империализм, самый опасный очаг мировой войны!

- Абсолютно не грозит, - подтвердил Азамат.

Китайянка внезапно вскочила на ноги и затянула какую-то протяжную революционную песню на кхмерском языке. Вторая женщина и палач тоже

поднялись со своих мест и присоединились к ней на припеве. Азамат тоже встал, на всякий случай.

5.

Он чувствовал, что не просто обрадовал, а взбудоражил предводительницу красных кхмеров известием о распаде Советского Союза. По её соизволению палач, товарищ Дуч, даже снял пиявок, облепивших тело Азамата, лично присыпав их солью. Китайка, представившаяся товарищем Киу, щёлкнув пальцем, отдала команду солдатам вносить обед и накрывать на стол. Она усадила Азамата рядом с собой и продолжила жадные расспросы о дальнейшей судьбе СНГ. Обед партийной верхушки, то есть обеих сестёр и их верного палача, к удивлению Азамата, состоял из нескольких перемен блюд, прекрасно приготовленных личным поваром. Его недавние конвоиры, словно по мановению волшебной палочки, превратившиеся в услужливых официантов, заносили наваристый острый суп, рыбу, дичь, необычного, светло-оранжевого цвета мясо, зажаренное на гриле, и экзотические фрукты, разливали по изящным керамическим кружкам пальмовое вино.

- Что это за мясо? – спросил он Киу, набив рот душистым, изысканно маринованным куском.

- Смотрю, тебе понравилось мясо «маринованного агента»? – весело ответила хозяйка. – Оно у нас высоко котируется, стоит на втором месте после мяса вьетнамцев.

Палочки Азамата с сочным светло-оранжевым куском, завернутым в салатный лист и смоченным соевым соусом, застыли в воздухе – он так и не успел поднести их ко рту.

- Да-да, чужеземец, - серьёзно подтвердила Киу. – Поскольку мы считаем вьетнамцев не за людей, а за один из низших подвидов животного мира, мы не чураемся их мяса, которым запасаемся в окрестных деревнях по ту стороны границы, особенно когда охота на другие виды не так удачна. Мы также кормим вьетнамским мясом наших крестьян в голодные периоды, ведь они, к сожалению, обречены страдать от недостатка белков и хронического недоедания до полной победы наших идей. Кстати те трое, что привели тебя, как раз были посланы на охоту и думали, что поймали рослого вьетнамца.

Она залилась беззвучным смехом, глядя на оторопевшее лицо Азамата, представившего себе на мгновение не столь давние перспективы своего ареста. К счастью, товарища Киу полностью удовлетворило объяснение о том, что его, как ни о чём не подозревающего туриста завёл в партизанские тоннели и бросил там вьетнамский гид. Она сказала, что это вполне типичный поступок для представителей этой коварной расы.

- Но что это за «маринованный агент»? – спросил Азамат, медленно и брезгливо отдаляя от себя палочки с аппетитным куском дымящегося мяса и осторожно кладя его обратно на тарелку.

- Этот неизвестный науке вид хищника появился в местных лесах относительно недавно, - как ни в чём не бывало, сообщила Киу. - После того как американцы начали кампанию по распылению гербицидов и дефолиантов во Вьетнаме. Мы не знаем, от кого он происходит, как он мутировал и чем питается, но у него довольно свирепый вид и необычайно нежное мясо. При приготовлении его не нужно мариновать, оно уже обладает насыщенным утончённым вкусом. Поэтому мы так и прозвали его – «маринованный агент Оранж». Ты ешь, его, ешь, чужеземец, от него ещё никто никогда не умирал, ручаюсь – проверено.

Она криво ухмыльнулась при этих словах, загадочно и зловеще. Азамат снова подцепил палочками оранжевый ломоть. Нежнейшее мясо просто таяло во рту, ничего вкуснее он никогда не пробовал. Товарищ Дуч, громко чавкая, подмигнул ему, утёр жир со своих толстых губ и, хлопнув в ладоши, приказал долить себе пальмового вина в чашу, изготовленную из человеческого черепа.

Старуха Киу тем временем оживлённо говорила о чём-то со своей немой младшей сестрой, видимо, пересказывая той потрясающие новости, поведанные ей Азаматом. Во взгляде её младшей сестры, товарища Ниу, сквозило недоверие, смешанное с восторгом, она даже попыталась пролопотать что-то обрубком своего языка. Все эти люди свято верили в победу своего дела в масштабах всего мира и считали советский «социал-империализм» главным препятствием, стоявшим на его пути.

Теперь в будущем предстояли лишь мирные, тихие будни созидательного труда над построением справедливого общества, свободного от частной собственности, семейных уз, товарно-денежных отношений и, самое главное, социального неравенства, лежавшего в корне всех зол старого мира.

VI. КАНИКУЛЫ В КАМБОДЖЕ

1.

После традиционного десерта из батата залитого кремом из кокосового молока и тапиоки, удивительно сочных фруктов и крепкого кофе, медленно накапавшего через специальный фильтр в чашечку из слоновой кости, старуха Киу предложила Азамату выйти на прогулку по земельным угодьям её «коммуны», как она почему-то именовала этот жуткий лагерь смерти. Из стойки в прихожей, роскошно инкрустированной в национальном стиле, они с сестрой взяли по бумажному зонтику от солнца и любезно предложили третий казахстанскому гостю. Когда они вчетвером миновали окружающую патио живую изгородь из низкого кустарника, Азамат, не решаясь даже взглянуть на колья с отрезанными человеческими головами, под которыми мерно крутил педали велогенератора старый кампучиец, неопределённо махнул в их сторону и поинтересовался, что сделали эти люди.

- Тот, что с глазами, украл с поля и съел сырой батат, то есть совершил хищение коллективной продовольственной собственности в тяжёлых условиях военного времени. Ведь мы до сих пор находились в окружении социал-империалистических врагов. Что же касается того, что без глаз, - презрительно скривила рот Киу. – То он смастерил соломенную куклу для своей кровной дочери, тем самым посягнув на принцип общности детей.

- А что это за принцип? – осторожно поинтересовался Азамат.

- Мы находимся в авангарде геополитической классовой борьбы, - снисходительно объяснила Киу. – Поэтому мы ввели в нашей коммуне порядки послезавтрашнего дня, отменив буржуазный институт семьи. Мы позволяем мужским и женским особям спариваться раз в квартал, даже сами участвуем в селекции пар для наиболее эффективного разведения сельского пролетариата, но мы заранее проводим со всеми разъяснительную работу. Чувство любви между мужчиной и женщиной из старых обществ – это чувство обладания, капиталистической собственности. Чувство привязанности к своим детям – то же самое. Поэтому, мы обязаны

выкорчёвывать проявления подобных чувств, как предательство, скажем, как государственную измену. Этот человек был ослеплён, потому что даже перед казнью он всё глазел на свою физическую дочь и её мать, словно не мог наглядеться на них. Дуч выдавил ему глаза голыми пальцами, чтобы он перестал пялиться на них хотя бы перед смертью.

Внимание Азамата привлёк крупный седой европеец в чёрных кампучийских отрепьях, явно малых ему по размеру. Он медленно, с трудом, но старательно рыл руками новый канал в довольно сложной ирригационной системе коммуны, с её разветвлённой сетью, питающей рисовые и бататовые поля.

- Это Ален Вадьё, французский философ, - сказала Киу, перехватив взгляд Азамата.

Услышав своё имя, француз поднял голову. У него были тонкие губы, траурно опущенные уголками вниз, массивный средиземноморский нос и близко посаженные, маленькие глазки, в которых угас всякий огонь умственной деятельности.

- Много лет назад он шокировал французскую общественность своим радикализмом, когда начал писать пламенные колонки в поддержку нашей революции на страницах таких многотиражных левых газет, как «Монд» и «Либерасьон», - продолжила рассказывать Киу. - Но потом не выдержав нападков и упреков в непоследовательности от своих коллег по академическому цеху, он решил предпринять ознакомительную поездку в Демократическую Кампучию, чтобы сфотографироваться с Пол Потом и написать путевой очерк о достижениях нашего строя, который он считал самым подлинным коммунизмом.

Ален Вадьё внимательно слушал старуху Киу, мучительно пытаясь сконцентрироваться на том, что она говорит, собрать мысли воедино и уловить смысл её слов, произносимых на до боли знакомом языке. Но в этот момент, увидев издалека, что он стоит неподвижно и перестал работать, к нему стремительно подбежал пятнадцатилетний надсмотрщик и коротко размахнувшись дубинкой из гибкого ротанга, изо всех сил хлёстко ударил его по спине, разорвав лохмотья и оставив на коже кровавый след.

Вадьё, повинувшись выработанному годами условному рефлексу, упал на четвереньки и начал послушно рыть землю руками.

- Но когда он прибыл, - как ни в чём не бывало, продолжила свой рассказ Киу, - вместо торжественных встреч с руководством нашей организации «Ангкар», его ждала разнарядка с направлением в нашу коммуну. Мы очень последовательны в применении принципа всеобщего равенства. На самом деле именно мы довели идею демократии до вершин абсолютной реализации. Как интеллектual из буржуазной страны Второго мира он скорее подлежал физическому устранению, но поскольку он во всеуслышание заявил о том, что разделяет нашу идеологию, мы дали ему шанс доказать это на деле.

Ален Вадьё мерно рыхлил землю руками, зачерпывая её горстями и выгружая ровными горками сбоку, вдоль нового канала. Морщины на его лице разгладились и страдание, причинённое, было, шевелением атрофированной мысли, уступило место привычной бездумной покорности.

2.

Прогулка по лагерю, тем временем продолжилась под припекавшим тропическим солнцем, вдоль полей смерти этого невероятного людского муравейника.

Когда прогуливающаяся под предводительством Киу группа миновала громадное рисовое поле, где не покладая рук трудились местные женщины и дети, они вышли на рыжую тропу, по которой в этот момент надзиратели перегоняли с одного участка на другой толпу замученных, крайне изнурённых, безвольных мужчин. Они бежали гуськом, друг за другом и, казалось, не видели ничего вокруг себя. Азамат и сёстры посторонились, давая им дорогу, но товарищ Дуч остался на месте, уперев руки в бока и глядя в упор на первого из бежавших узников. Тот, совершенно машинально, не соображая, что происходит, налетел прямо на Дуча. Это было похоже на то, как муха внезапно бьётся на лету о стеклянную стену. Товарищ Дуч в бешенстве оттолкнул его и громко что-то выкрикнул. Все остальные покорно остановились. Крестьянин сорвал с головы картуз и застыл в стойке «смирно». Дуч медленно размахнулся и изо всей силы, с оттяжкой, ударил его кулаком в лицо, так что носовая перегородка крестьянина громко хрястнула и из ноздрей заструилась вязкая кровь. Удары Дуча были слабыми, как он ни тщился изобразить физическую силу перед иностранным гостем, но для измождённой жертвы, он и впрямь был как Майк Тайсон. После второго хука в подбородок несчастный рухнул, издав нечленораздельный стон. Дуч несколько раз пнул его по рёбрам и по голове тупым носком своего кованого сапога, старательно целясь и обходя вокруг скрючившегося тела. Узник не защищался, не пытался закрыться руками, он лишь смотрел в небо и послушно постанывал при каждом ударе. На лице Дуча застыла маска жестокости, его зализанные седые волосы растрепались. Остановить его смог лишь резкий окрик старухи Киу, перехватившей исполненный ужаса взгляд Азамата, остолбенело наблюдавшего за этой отвратительной сценой.

Она тронула Азамата за рукав и, кивнув головой, приглашающим жестом предложила проследовать за ними. Почти на самой границе между «коммуной» и лесом, за рисовыми полями и гигантским смрадным септиком, перед их взорами предстал компактный местный крематорий, служивший, по словам Киу, одной из основных достопримечательностей «коммуны», чуть ли не образцовым экспонатом достижений народного хозяйства. На деле это был небольшой котлован, глубиной где-то в полтора метра, сужающийся книзу. Примерно посередине была установлена железная решётка, под которой виднелись заранее заготовленные, разложенные в аккуратном порядке дрова. У дальнего края котлована стояла бочка с неведомо откуда взявшимся горючим. Дуч самолично взялся посвятить иностранного гостя в подробности технической процедуры, которую он называл «рациональной утилизацией отработанной биомассы в целях усовершенствования коллективного хозяйства». Киу переводила. При помощи примитивного ножного насоса распластанные на решётке тела обливали горючим из шланга. Рука невидимого кочегара снизу подавала огонь, просунув через специальный отсек горящий факел из промасленного тряпья, намотанного на бамбуковую дубинку. Вспыхивало жаркое пламя. Он объяснил, что труднее всего было сжигать отощавшие тела в «голодные сезоны». Поэтому после каждой кремации в печи постоянно собирали человеческий жир, чтобы кипятить его и подливать в огонь.

- Одного сжигать легче, - пояснил он. - Лучше всего загораются волосы, хуже всего – внутренние органы. Иногда нам приходится укладывать тела штабелями. В этом случае, женщин, а также мужчин, обладающих определённым запасом жира на своём теле, кладут вниз.

Он так жутко посмотрел при этих словах на Азамата, смерив его взглядом с головы до ног, что тот невольно втянул свой пивной живот чуть ли не до самого позвоночника.

- И часто такое бывает? – поинтересовался Азамат стараясь звучать как можно непринуждённое.
- В первые годы коммуны работы было очень много – мы тогда должны были очистить новообразованный коллектив от неблагонадёжных элементов старого мира.
- По сути, у нас с тех пор наработано безотходное производство, - добавила Киу от себя. - Полученная зола затем используется в качестве удобрения во фруктовой роще за храмом.

Азамату вспомнились невероятно сочные апельсины, манго, киви и «глаза дракона», съеденные им после обеда, и его начало непреодолимо выворачивать наизнанку. Он отошёл в сторонку, согнулся пополам и его желудок мгновенно непроизвольно опорожнился. Киу и Дуч залились звонким, беспечным хохотом. До Азамата дошло, что он впервые за всё это время видит их смеющимися. До этого он даже представить себе не мог улыбки на их лицах. Он беспомощно улыбнулся в ответ и извинился.

3.

Они возвращались в сторону храма в молчании. Каждый думал о своём. Мысли мучимого неизвестностью Азамата переполнял тихий ужас от увиденных им адских картин и неясные, мрачные предчувствия по поводу собственной дальнейшей судьбы.

- Товарищ Дуч был прав, когда наказал того мужчину, - прервала ход его мыслей Киу, поравнявшись с ним и мягко беря его под руку. Азамат невольно поморщился – от неё неприятно пахло давно немытым старческим телом. - Этот человек уже не отдаёт себе отчёта в окружающей его действительности, ничего не видит вокруг себя. Он уже стал ненужным, как работник, просто ещё один лишний рот, иждивенец. Возможно, коммуна получила бы гораздо больше пользы от него в качестве удобрения для фруктового сада. Суровый урок, преподанный ему Дучем, может пробудить его сознание и подарить ему ещё несколько месяцев, или хотя бы недель счастливой жизни в нашем маленьком раю.

- Вы убиваете так много людей, - не выдержав, честно обратился к ней Азамат. – Разве вы не боитесь, что в вашей коммуне со временем не останется никого кроме вас?

- Нет, не боимся, - спокойно ответила Киу. – Каждая из казней, которые мы совершаем, оправдана. Я уверена, что будущие поколения будут только благодарны нам за ту черновую работу, что мы проводим сейчас. К тому же людей итак слишком много, целых четыре миллиарда, всех не прокормишь. Это одно из главных препятствий для построения гармоничного общества, наподобие древнего Ангкора.

- Семь, - машинально поправил её Азамат, и встретив её вопросительный взгляд пояснил - В прошлом году официальная численность мирового населения составила семь миллиардов.

- Уже семь? – непритворно изумилась Киу. - Ну вот видишь, тем более... Что же касается нашей коммуны, то кхмерская земля ещё не оскудела классово сознательными элементами, и мы регулярно пополняем её за счёт жителей окрестных деревень.

Азамат воочию представил себе этот процесс пополнения коммуны: молодых и здоровых крестьян, угоняемых вооружёнными людьми в ночи, крики их жён и детей, плач матерей.

- Расскажи мне лучше о Китае, чужестранец. Крах социал-империализма должен был стать лишь началом для смещения баланса силы в пользу нашего лагеря, стран Третьего мира под руководством нашей народной республики. Что сейчас происходит в Китае? Он смог возглавить геополитическую классовую борьбу?

- Ну, скажем так, дела у Китая идут очень хорошо, - Азамат понимал, что многое зависит от того, что и как он сейчас будет говорить. В конце концов, он до сих пор оставался целым и невредимым лишь благодаря новостям о распаде Советского Союза. - Уровень жизни постоянно улучшается, зарплаты растут. Китай стал крупнейшим в мире промышленным производителем и одним из мировых лидеров в области инновационных технологических проектов. Экономика Китая уже обогнала даже США по росту ВВП. Правда, в данный момент, наблюдается некоторое замедление, но оно связано с особенностями перехода КНР к сервисной экономике и обществу потребления. Между прочим, от этого замедления в данный момент страдает весь мир - США, Германия и так далее.

Азамат осторожно, украдкой, взглянул на старуху Киу и, увидев выражение непритворного счастья на её лице, приободрился.

- Моя страна, Казахстан, очень дружна с Китаем. Мы поделили спорные территории примерно пополам. Мы снабжаем Китай сырьём, углеводородными ресурсами, так сильно востребованными его стремительно растущей экономикой, нефтью и газом. Китай выдаёт нам многомиллиардные кредиты на наше собственное индустриальное и инновационное развитие.

- Надеюсь, в Китае сохранилась диктатура пролетариата? - с тревогой в голосе спросила старуха.

- Все эти успехи были достигнуты под мудрым руководством компартии. Россия отдала Китаю почти все территории, возвращения которых требовал Мао Цзэдун, включая острова Даманский, Большой Уссурийский, Тарабаров, - при этих словах Киу захлопала в ладоши от восторга. - Во внешней политике Китай активен в Африке, Латинской Америке, стал неоспоримым лидером в Азии, где он ведёт успешную борьбу за морские территории и острова с богатыми залежами нефти и газа против Японии, Вьетнама, Малайзии, Филиппин, Тайваня.

- Значит, мы ещё не выбили чанкайшистов с Тайваня? - нахмурилась Киу. - Кстати, как ведёт себя второй по опасности претендент на мировую гегемонию, Соединённые Штаты?

- Америка продолжает претендовать на мировую гегемонию, но очень сильно считается с Китаем. Не так давно американцы предложили Китаю сформировать G2, «большую двойку», чтобы совместно править миром, но Китай отказался.

- Они предложили нам занять место социал-империалистов в священном альянсе буржуазных наций? - возмущённо воскликнула Киу. - Конечно, партия Мао никогда бы на это не пошла!

- По-моему это было больше нужно Америке, - заметил Азамат. - В конце концов, Китай один из её основных кредиторов, Америка должна ему свыше триллиона долларов.

- Америка - это бумажный тигр, - презрительно фыркнула старуха. - Когда-нибудь она рухнет так же, как и Советский Союз. К тому же когда мы победим, денег вообще не будет. Всегда помни об этом, чужеземец, конец товарно-денежных отношений начался именно с нас! Тебе посчастливилось заглянуть в будущее.

Азамат представил себе, что порядки, принятые в коммуне товарища Киу некогда распространятся на Казахстан, Россию, Вьетнам, все страны, которые он повидал, и невольно содрогнулся от ужаса.

4.

Азамат оглянулся кругом. Истощённые люди в чёрных лохмотьях продолжали носить воду и камни, рыхлить землю, полоть сорняки. Казалось, они выполняли всю эту работу на пределе своих физических возможностей, и это представлялось небывалым чудом, редчайшим образцом самоотверженного героического труда. Ален Вадье, например, за это время закончил рытьё целого канала, по которому уже заструился поток грязной воды. Он стоял над каналом, отирая пот со лба и блаженно любуясь результатами своего труда, до тех пор, пока в его сторону не направился тот подросток, его личный надзиратель, со своей тростью из гибкого ротанга. Но на этот раз Вадье увидел его заранее и живо пустился наутёк, чтобы рухнуть в специально размеченном месте на четвереньки и снова начать лихорадочно копать землю руками, на манер собаки, намеревающейся справиться большую нужду.

Когда они вышли к храму, и им на глаза попала клетка, в которой не так давно содержали самого Азамата, Дуч распорядился вызвать сидевшего в ней отрешённого кампучийца на военный трибунал. Это было ещё более курьёзное зрелище, чем всё виденное Азаматом до сих пор. Разумеется, как он и ожидал, действие сводилось к простой физической расправе над очередным подданным этого эксцентричного квази-государства. Курьёзными были сами попытки действующих лиц сохранять видимость неуклонного и тщательного соблюдения законности. Суд проходил на территории патио, среди благоухающих алых роз, где мерно крутил педали старый, бесстрастный кампучиец под чудовищной сенью двух немых свидетелей. Все участники расселись в заранее расставленных плетёных креслах из бамбука, Дуч выложил на раскладной стол толстый потрёпанный скоросшиватель с делами, которые он сам вёл от руки. Привели свидетеля, до смерти напуганного местного крестьянина с лихорадочно бегающими, выпученными глазками. В ответ на наводящие вопросы Дуча он поведал суду, что три дня назад получил наряд на работу во фруктовом саду. В напарники ему был назначен подсудимый. Они получили от охраны вёдра с пеплом и золой из крематория, после чего отправились, в сопровождении охраны, во фруктовый сад.

- Свидетель, Вы разговаривали с обвиняемым по дороге?

- Никак нет, Ваша честь. Мы немного разговаривали в самом саду, во время работы.

- О чём вы разговаривали?

- Мы разговаривали о фруктах и их внешнем виде, об их предполагаемых вкусовых качествах, то есть разговаривал большей частью я, у меня создалось впечатление, что обвиняемый не совсем понимает, когда к нему обращаются с речью, как бы ничего не видит вокруг себя.

- Что Вы ему говорили?

- Я делился с ним впечатлениями о внешнем виде фруктов, ведь некоторые из них я видел впервые в жизни.

- Вы никогда не ели фруктов в своей жизни?

- Во взрослой жизни, никогда.

- Тем самым Вы обвиняете партийное руководство в том, что оно не делится фруктовыми запасами с населением коммуны?

- Никак нет, Ваша честь, тем самым я хочу подчеркнуть свою лояльность партийному руководству и верность делу революции – я никогда в жизни не крал коллективную продовольственную собственность, даже во времена лютого голода.

- Хорошо, - Дуч удовлетворённо кивнул. – Обвиняемый что-нибудь отвечал Вам?

- Нет, Ваша честь, он никак не реагировал на мои слова, если только не считать реакцией само преступление.

- Как Вы стали свидетелем преступления?
 - В какой-то момент он подозрительно затих, я хочу сказать, я больше не слышал, что он работает. Когда я обернулся, он ел банан.
 - Что Вы предприняли?
 - Я немедленно закричал, призывая стражу, и продолжал кричать, пока не появилась вооружённая охрана.
 - Как на это отреагировал обвиняемый?
 - Он продолжил есть фрукты. Он рвал манго и вгрызлся в плоды прямо с кожурой, по его лицу и одежде стекал сок. Он был словно одержимый, начал носиться по саду, так словно хотел успеть перепробовать все виды плодов, растущих в саду. Пока его не схватили.
 - Дело представляется суду ясным, - Дуч вопросительно посмотрел на товарища Киу, и она кивнула ему. – Вина очевидна и доказана. Подсудимый приговаривается к высшей мере наказания обычным способом.
- Он хлопнул в ладоши. Подсудимого вывели в центр патио и поставили на колени. Дуч подошёл к нему и покровительственно спросил, хочет ли он сказать своё последнее слово. Перед тем, как его увели в сторону крематория для исполнения приговора, он что-то действительно пролепетал. Говорил он очень тихо, тяжело, с придыханием. Видно было, что из-за долгих лет недоедания, речь даётся ему с большим трудом, ему приходилось переводить дух буквально после каждого слова.
- Что он сказал? – поинтересовался Азамат у Киу, синхронно переводившей ему до сих пор всё, что говорилось на суде.
 - Он сказал, что просит прощения у коммуны за нанесённый ущерб, хотя знает, что ему нет оправдания, и благодарит партию за справедливый суд.

5.

Старуха Киу вошла во вкус, играя роль радушной хозяйки. Заметив, что иностранному гостю сильно не по себе из-за всего увиденного, она объявила, что пришло время пить чай. Между тем, это был обычный будний день из жизни коммуны имени товарища №87, затерянного в густых камбоджийских джунглях аванпоста красных кхмеров, брошенного основными силами, но оставшегося недоступным для правительственных войск и мирового сообщества. С тех пор, как в Камбодже был объявлен нулевой год, эти люди не вели учёт времени, не делали даже зарубок на деревьях, они просто жили согласно раз и навсегда принятым порядкам, которые сами считали самыми лучшими и справедливыми на свете.

Киу сама заботливо заварила зелёный чай с листочками мяты, любовно собранными в джунглях её подневольными работниками. Чайная церемония была одним из важных ритуалов правящей тройцы, скрашивающей их день. Азамат рассеянно хлебал горячий напиток из своей чашки, когда старуха вновь обратилась к нему с расспросами:

- А вот скажи, чужеземец, слышно ли что-нибудь у вас о нашем лучезарном и солнцеликом вожде, товарище Пол Поте?
- Он умер, - машинально, не раздумывая сообщил Азамат, не замечая повисшей в воздухе гробовой тишины, вызванной его ответом.
- Как это произошло? – наконец, спросила Киу, совладав с собой.
- Его отравил близкий друг, по прозвищу «Мясник», хотя это и не доказано, потому что он сжёг тело вместе со всем его скарбом на автомобильных покрышках – это показывали по телевизору.

- Почему брат №4 Та Мок сделал это? – снова спросила Киу всё в той же гробовой тишине, Дуч и Ниу прислушивались к ним, узнавая знакомые имена, но ничего не понимая, потому что Киу перестала им переводить.
- Ну, сначала над ним провели суд и приговорили к пожизненному домашнему аресту за предательство революции, - Азамат начал мучительно припоминать во всех подробностях старую телепередачу, которую он видел несколько лет назад, кажется по «Дискавери». – Потому что до этого сам Пол Пот приказал убить бывшего министра обороны со всей семьёй и детьми и раздавить их грузовиками.
- Товарища Сон Сена? – удивилась Киу. – За что вождь казнил Сон Сена?
- Ну, тот договорился с официальным правительством о мире. С премьер-министром, который уже тридцать лет правит в Камбодже. На Х его зовут.
- Перебежчик Хун Сен? – ещё больше удивилась Киу и, получив утвердительный ответ Азамата, еле слышно пробормотала, - и он правит несчастной Кампучией уже тридцать лет... Это же всё равно что жить во Вьетнаме...
- Сразу после этого Пол Поту пришлось спасаться бегством, его оттуда унесли на носилках, потому что он был очень болен.
- Достаточно, - еле слышно сказала Киу, которой каждое слово, сказанное Азаматом на эту тему явно причиняло неподдельные душевные муки. Из её глаз беззвучно струились потоки горячих слёз.
- Да, за ним охотились не только правительственные войска, но и бывшие красные кхмеры, потому что к тому времени они в своём большинстве перешли на сторону правительства, того самого Хун Сена.
- Не надо дальше рассказывать, я всё поняла, - уже более твёрдым голосом сказала Киу, чья стальная воля подсказывала ей, что как бы ни складывалась ситуация, она должна всегда держать себя в руках ради своей революции.
- Кстати, всего с Пол Потом и «Мясником» тогда оставалось лишь две тысячи человек, не больше, - злорадно добавил Азамат.
- Хватит, - Киу так сильно стукнула кулаком по столу, что одна из чашек полетела на каменный пол и разбилась вдребезги.
- Почему хватит, я же не досказал главное? - упрямо продолжил Азамат. - Самого Мясника, а также брата номер два, брата номер три, их жён – всех судили в международном трибунале ООН и приговорили к пожизненному заключению за убийства трёх миллионов человек, ни в чём не повинных гражданских людей...
- Дуч! - она крикнула тому что-то на кхмерском, и потом с неприкрытой яростью прошипела в адрес Азамата, – мы предадим тебя полемому суду, чужеземный агент-provokator.

Но Азамат не стал ждать, когда начнётся это абсурдное представление. Он схватил старинный фарфоровый чайник с зелёным чаем за носик и швырнул его прямо в голову Дуча. Тот увернулся, и чайник разбился о стену напротив, обдав его брызгами кипятка. Тогда Азамат схватил свой стул и метнул в том же направлении. На этот раз он попал в цель. Дуч отлетел вместе со стулом к стене. Но Азамат этого уже не видел, потому что тут же стремглав бросился к входной двери. Старуха заголосила. Когда Азамат выскочил наружу, там дежурил один охранник с винтовкой. Он сделал классический выпад навстречу, как на учениях по штыковому бою с чучелом, целясь в сердце, но Азамат смог увернуться, убрав корпус так, что штык со свистом пролетел мимо. Не мешкая, он ринулся напролом по клумбам с розами, перескочил одним прыжком через живую изгородь и понёсся во весь опор по широкой рыжей тропе, вдоль полей смерти, в сторону джунглей. Он слышал, что старуха продолжает орать дурным голосом, знал, что за ним затевается погоня,

бежал, петляя зигзагами, ожидая выстрелов в спину. «Пусть уж лучше меня прикончат при попытке к бегству», пронеслось у него в голове.

Конечно, он предпочёл бы погибнуть в борьбе за свободу, чем покорно растрачивать свою жизнь в рабстве у этой кучки психов, или послушно подставлять свой затылок палачу по его прихоти. У него, как у сына вольных степей, присутствовало в его внутреннем складе нечто такое, какая-то пружинка, не позволявшая ему покорно принять судьбу, раз и навсегда согнуться в тот час, когда другой человек вдруг решил по своей прихоти наложить на него свои руки или волю, чтобы обратить его в рабство. Всё это время, пока его водили по лагерю, он испытывал жгучий стыд за этих крестьян, безропотно согласившихся принять навязанные им группой изуверов абсурдные порядки. Пожалуй, весь ужас ситуации заключался не столько в том, что зло в человеческом обличье оказалось способным создать подобный ад на земле – зла наш век видел предостаточно – сколько в том тихом согласии, в той покорности, с какой человеческое существо оказалось способным сносить подобные издевательства и приспособляться к ним. Он знал, что некоторые известные палачи полпотовского режима спокойно и безнаказанно продолжают жить при новом порядке среди целого народа своих бывших жертв. В то же время, чисто по-человечески он понимал, что нельзя судить другую нацию за её древнее воспитание и традиции, столь прочно въевшиеся в её генетический код. Как бы там ни было, лично он не собирался добровольно разделять эту долю. У него был свой путь, и он ни за что не согласился бы с тем, что этот путь уготовил ему бесславный конец на этих жутких полях смерти. Он чувствовал в себе решимость бороться.

Выстрелов не последовало, но затеянная им беготня привлекла внимание людей, трудившихся на полях и, в частности, их надзирателей. Некоторые из них, сообразив, что происходит, побежали ему наперерез. Со стороны храма тревожно зазвенел гонг. Кто-то даже смог дотянуться и хлестнуть его бамбуковой дубиной по спине, но Азамат от этого только ускорился. Он вложил всю свою жизненную энергию в этот стремительный бег, скрытый ресурс помогал ему всё быстрее уходить от преследователей к границе коммуны с лесом, где из ямы крематория густо валил чёрный дым, зловеще застилая небо. Но именно там, посреди тропы, преграждая ему путь, успела выстроиться группа охранников, грозно ошетилившаяся штыками. Нечего делать, Азамат ринулся в сторону, по рисовому полю, прыгая через канавы, не выпуская из глаз спасительную линию леса за полями, но здесь навстречу ему брела, раздвинув медвежьи объятия, неуклюжая фигура Алена Вадье. В голове философа, затмевая все остальные соображения, вращался спелый банан, который он мог получить, посодействовав поимке преступника. Азамат с разбега налетел прямо на француза как регбист, повалив его в грязный поток, струившийся в вырытом им же канале, шустро вскочил и перемахнул через него одним прыжком. Теперь в его сторону медленно, с опаской, шёл подросток, личный надзиратель Вадье, испуганно стиснувший в обеих руках свою трость из гибкого ротанга. В эту секунду, наконец, раздалась стрельба – сначала несколько одиночных выстрелов, потом частый стрёкот автоматных очередей. Азамат присел на корточки, зажмурился и закрыл голову руками. Впрочем, до него довольно быстро дошло, что с ним самим ничего не происходит, а стрельба продолжается где-то в другом месте. Он вновь открыл глаза и увидел, что мальчишка, бросив трость, убегает наутёк во все лопатки по полю в сторону храма. Тогда Азамат обернулся в сторону дороги, и перед ним предстало самое радостное зрелище, какого он только мог пожелать в ту минуту.

Вдоль рыжей тропы вразброс лежали тела нескольких солдат, до этого преграждавших ему путь. Остальные или панически бежали к храму, побросав оружие, или осторожно отступали, пятясь и выставив перед собой свои бесполезные ружья со штыками. Со стороны джунглей, растянувшись в цепочку, медленно приближались Аскар, Миша и Ринат. Они целенаправленно шли в наступление, на расстоянии приблизительно тридцати метров друг от друга, и время от времени вели прицельный огонь от бедра по красным кхмерам.

Азамат вскочил, в несколько прыжков вновь очутился на тропе и схватил одну из лежавших на земле винтовок. Опустившись на одно колено, он прицелился в группу отступавших солдат, поймал одного из них на мушку, нажал на курок, но выстрела не последовало. Азамат передёрнул затвор, опять вскинул винтовку, но выстрелить всё равно не смог. Так и есть: местные коммунары уже давно растратили все свои патроны, поэтому и пользовались только колющим да режущим оружием и дубинками. Он отшвырнул винтовку и отчаянно оглянулся кругом. Он был на грани психосоматического срыва, чувствуя себя вполне созревшим для беспорядочной стрельбы и массовых убийств. В этот момент подоспели ребята. У Аскара с плеча свешивался автомат Азика. На все расспросы типа: «Ты как?», он лишь мотал головой. Стиснув в руках свой АК-47, он бегом бросился в сторону храма, преследуя отступавших солдат неприятеля.

- Чувствую, сейчас будет техасская резня бензопилой, - заметил я.

- Занозили, видать конкретно, - согласился Ринат.

VII. ҚАЗЫ ИЗ АЛЛИГАТОРА

1.

Долгое отсутствие Азамата заставило нас отправиться вслед за ним по выбранной им штольне. Мы предположили, что он нашёл выход на поверхность, но, возможно, попал в неприятности. Исследуя тесный тоннель, я легко смог определить, где он разрыл выход на поверхность и дальше, выбравшись, мы уже шли по его следу: по обломанным сучьям, примятой траве и, наконец, по протоптанной рыжей тропе. Когда мы, наконец, вышли из леса и увидели, как за ним гоняется толпа вооружённых людей, решение открыть огонь было принято мгновенно – иначе могло быть слишком поздно. Нам быстро удалось рассеять неприятеля, я приблизился к Азику и протянул ему его автомат, который нёс на плече.

- Уходим, - сказал я.

Но он ни в какую соглашался, он был как одержимый – никогда ещё до этого я не видел его в таком состоянии. Он схватил свой АКМС и побежал вдогонку за своими обидчиками. Нам ничего не оставалось, кроме как бежать за ним, вдоль рисовых полей, на которых, как ни в чём не бывало, трудились по колено в воде местные крестьяне, лишь искоса осмеливавшиеся поглядывать на нас, больше никак не реагируя на всё происходящее.

Азамат привёл нас к древнему храму, перед которым выстроились в шеренгу, выставив перед собой штыки, все эти низкорослые люди в чёрном и в красно-белых шарфах. Впрочем, они сразу начали бросать оружие и сдаваться, стоило лишь Азику дать очередь по их ногам. Тогда он, матерясь как сапожник и время от времени паля в воздух, согнал всех в одну толпу под стенами храма, вокруг ямы с пустой бамбуковой клеткой, заполненной водой.

Миша кивком дал понять, что присмотрит за ними, и мы с Ринатом немедленно устремились вслед за Азиком в храм, к своему ужасу миновав три шеста с насаженными на них человеческими головами, под которыми мерно крутил педали допотопного велотренажёра старый кампучиец с бесстрастным выражением лица. Внутри мы застали двух всполошившихся старух под охраной безусого бойца и спрятавшегося под столом рахитичного старикашку. Завидев Азика с оружием и ввалившихся вслед за ним друзей, одна из старух резко выхватила у бойца его винтовку и тут же заколола свою подругу одним на удивление мощным ударом в сердце. Потом, пятась, отступая от нас в сторону огромного лежащего Будды с закрытыми глазами и блаженной улыбкой, высившегося в центре нефа, она сняла штык, одним точным ударом проколола себе сонную артерию, перерезала горло и рухнула на пол, обильно разбрызгивая по каменным плитам тёмную кровь из проделанного на собственной шее фонтанчика.

Старик, которого Азик называл «Дучем», в этот момент выбрался из-под стола и юрко пополз к его ногам, явно намереваясь обхватить их, чтобы умолять о пощаде. Но Азамат был непреклонен. Видимо, он пережил какой-то болезненный шок, подвергся тяжёлым испытаниям в этом месте, пока мы отсутствовали, дожидаясь его под землёй. Он заставил Дуча встать и увесистыми пинками погнал его наружу, где заставил его залезть в тигровую клетку на глазах у изумлённых солдат.

- Полежай туда, сволочь, ублюдок, собака, - в бешенстве кричал Азик.

Но старик не заставил себя уговаривать. На его лице читалось видимое облегчение. Судя по всему, он ожидал немедленной, жестокой расправы. Тщательно задраив за ним люк, Азик жестами заставил каждого из солдат взять свою винтовку и, подняв над головой, выстроиться в шеренгу.

Он погнал их строем на другой конец деревни. Солдаты, очевидно признав в Азамате нового военачальника беспрекословно подчинились и организованным строем побежали в указанном направлении. Здесь, разобравшись в значении красноречивой жестикуляции Азамата, им пришлось побросать всё своё оружие в яму с установленной в ней железной решёткой и заранее заготовленными дровами под ней. Тщательно облив образовавшуюся кучу горючим из бочки, Азик чиркнул спичкой и поджёг её. Вспыхнуло пламя, винтовки затрещали в костре, повалил едкий серый дым.

2.

После этого он опять погнал всю толпу пленных, на этот раз в поле, где выстрелами в воздух попытался привлечь внимание крестьян. Где-то со стороны храма сразу же услужливо зазвенел гонг и крестьяне, как бы нехотя, бросая свои мотыги, действительно начали собираться вокруг нас. Азамат дико жестикулировал, потрясал кулаком, вращал глазами, подбегал к крестьянам и тряс их за шиворот. Но ему никак не удавалось пробудить огонь мысли, изначально отсутствовавший в их глазах. Они пялились на него в состоянии немом оцепенения, пусть изумлённого, но абсолютно непробиваемого и непостижимого.

- Вы свободны! – взывал к ним Азик. – Поймите же вы, все теперь свободны! Нет больше Киу или Ниу, Дуч сидит в клетке – идите по домам, живите своей жизнью, как хотите. Вам не надо больше пахать на этих гнид, на этих эксплуататоров.

- Азик, братишка, сдаётся мне, они тебя не понимают, - попытался вмешаться я.

- Как будет «вы свободны»?

- На английском? Ю а фри.

- Юа фри! Юа Фри! – тут же подхватил Азамат.

Среди крестьян присутствовал европеец в коротких штанах и расползающейся на нём рубашонке, не по размеру, некогда очевидно бывший дородным, но отощавший до крайней степени. Кажется, он понял, что хочет сказать Азамат, потому что при этих словах он тут же начал лопотать что-то на кхмерском. Но это было бесполезно. Крестьяне всё так же продолжали таращиться на Азика с тем же видом непрошибаемого недоумения.

- Юа фри, юа фри! – продолжал кричать Азамат. – Ноу Киу, ноу Ниу, ноу Дуч.

Выкрикнув имя Дуча, он сделал из пальцев знак решётки перед лицом. Некоторые крестьяне захихикали, обнажив свои чёрные гнилые зубы. Азамат махнул рукой и повернулся к нам с беспомощным видом.

- Где Вьетнам? – обратился я к европейцу. – Where is Vietnam?

Тот машинально перевёл мою фразу. Крестьяне, оживляясь, загалдели, пытаясь что-то объяснить и показывая на джунгли, из которых мы сюда пришли.

- Туда? Вьетнам туда? – уточнил Миша.

- Вьетнам, Вьетнам, - подтвердили крестьяне, тыча пальцами в сторону джунглей и неодобрительно цокая языками.

- Окей, Азамат, мы уходим, пора, - скомандовал Миша.

Азамат обречённо кивнул, и мы потихоньку, медленно двинулись в сторону леса, в том направлении, где должен был быть Вьетнам. Уже удалившись от деревни, мы услышали за спиной частое шлёпанье босых ног по сырой глине. Обернувшись, мы увидели, что за нами спешил, слегка припадая на левую ногу, тот европеец, тайком отделившийся от толпы крестьян.

- Messieurs, Messieurs, - взмолился он, поравнявшись с нами. – Apportez-moi avec vous, s'il vous plait ! Je veux rentrer en France, mon pays, ma patrie !!!⁵

- Это Ален Вадье, французский философ, - пояснил Азамат, когда мы вопросительно переглянулись друг с другом.

- Да ты чё?! – неподдельно изумился Ринат. – А чё он тут делает?

- Приехал брать интервью у Пол Пота, а они его сразу в этот лагерь упрятали, ответил Азамат. - Ты что его знаешь?

Ринат неопределённо покачал головой и подошёл к иностранцу, смотревшему на него с робкой надеждой умильными глазами преданной собаки.

- Месье Вадье, - бодро обратился к нему Ринат, сильно хлопнув его по плечу, так что нетвёрдо стоявший на ногах философ даже пошатнулся. - Мы – во Вьетнам! А ты – в Кампучию! Ты остаёшься здесь, с кампучийским народом. Kampuchéa vaincra !⁶

При этих словах, произнесённых с рокошущим русским акцентом, Ринат, ткнул пальцем сначала в сторону джунглей, потом в сторону крестьян. Вадье вскрикнул словно от боли, схватился за сердце и с размаха уселся на пенёк, понутив голову. Мы двинулись дальше в указанном направлении, взяв курс на Вьетнам.

- Что ты ему сказал? – поинтересовался я у Рината, но тот лишь пожал плечами.

- Сам не знаю. Но уверен, что нам его тащить за собой было бы не с руки.

- Правильно, - одобрительно отозвался Азамат. – Этот гад за мной гонялся вместе с охраной.

Тем временем крестьяне в благоговейном молчании извлекли из бамбуковой клетки товарища Дуча, и торжественно внесли его на руках в тронный зал древнего храма, откуда они ещё не успели убрать безжизненные тела сестёр Киу и Ниу

⁵ «Господа, господа, возьмите меня с собой, пожалуйста, я хочу вернуться во Францию, домой, на родину» (фр.)

⁶ «Кампучия победит» (фр.)

плававшие в луже собственной крови. Они несли своего нового владыку к пьедесталу у ног спящего Будды.

- Благодарю вас, дорогие соотечественники, - со слезами на глазах повторял им старый, хитрый Дуч, пожимая тянущиеся к нему со всех сторон руки. – Я буду руководить вами справедливо и милосердно.

3.

Мы много часов шли по джунглям, пробираясь сквозь частые заросли, утратив всякое представление о времени. В окружении всей этой густой растительности дышалось с трудом, так, словно бы джунгли жадно пожирали кислород, в то время как целое море гниющей листвы под ногами усиленно выделяло углекислый газ. Каждого из нас мучила жажда, и мы проклинали себя за то, что не запаслись водой в деревне, перед тем как уйти. Случайно задев ногой диковинный цветок с крупным, многоярусным бутонем из множества фиолетовых лепестков, расположенных в несколько рядов, и пролив росу, я заметил, что в нём полно живительной влаги. Припав на колени, я осторожно сорвал яркий бутон, похожий по форме на гигантскую сосновую шишку, и с удовольствием напился из него. Это был естественный ковшик, полный свежей воды. Мои спутники последовали моему примеру, отыскивая по пути следования похожие цветы. Потом Миша Пак догадался, что по такому же принципу воду, наверное, можно добывать и из бамбука, ведь он полый внутри. Когда мы набрели на очередной овражек с частой бамбуковой порослью, он забрался в него и начал трясти стволы, прислушиваясь к еле различимому бульканью внутри них. Что-то услышав он срубил двухметровый ствол мачете, проделал в нём отверстие и жадно припав к нему губами, начал пить крупными глотками, так что было видно как дёргается его кадык. Мы попробовали проделать ту же операцию и в самом деле обнаружили, что в некоторых коленях бамбука полно свежей воды, правда, слегка отдававшей растительным вкусом, но вполне себе сносно утолявшей жажду.

- Кстати, бамбук ведь можно есть, - заметил я. – В «Принцессе Турандот» салат подают из бамбука, очень вкусный.

- Да, но его долго готовить надо, - ответил Миша. – Вымачивать около суток, потом варить.

- А может, сырой попробуем? Очень жрать охота, - предложил я.

- Попробуй, - Миша лишь пожал плечами. – Тогда уж режь только молодые побеги.

Я, поискав глазами в овражке, выбрал себе как раз такой короткий побег и круговым движением срезал его у основания. Почистив добытый початок, я вгрызся в беловатую массу. Она горчила, но была вполне съедобной. Ринат в это время, вскарабкался на дерево и, удобно расположившись на ветке, рвал какие-то незнакомые плоды, ел их и сплёвывал косточки на землю.

- Осторожней там, - крикнул Азамат. – Они могут быть ядовитыми.

- Не, - беспечно ответил Ринат. – Я их уже пробовал.

Он сбросил нам парочку на пробу. Это было что-то вроде бледно-зелёных, слив конической формы. На вкус они были кисло-сладкими.

- Всё же желательно любые плоды подвергать термообработке, варить или жарить, – посоветовал Миша.

- Резонно, - согласился я. - Давайте, пацаны, повременим с едой, даже если что-то съестное будет попадаться. Лучше устроим попозже привал и приготовим ужин как следует.

Все согласились и, поэтому, когда Азамату на глаза попался дикий батат, он решил накопать несколько клубней и взять их с собой про запас на ужин. Правда, пока он копал случилось нечто, сразу напомнившее нам о той смертельной угрозе, что таилась в этих джунглях практически на каждом шагу. Из-под раскидистых кустов алоэ незаметно выскользнула чёрная кобра и угрожающе раздув свой зловещий капюшон зависла над ногой Азика, выкапывавшего батат, стоя на четвереньках. Слава богу, Ринат отреагировал мгновенно. Он молниеносно прижал сзади кобру к земле стволом своего автомата, чуть ниже головы, и подставил свой нож под её изогнутый ядовитый зуб, жуткое орудие убийства. Выдавлив её яд на лезвие, он свободной рукой уже без опаски отшвырнул её в заросли алоэ.

Дальше мы следовали с гораздо большей осторожностью, растянувшись в индейскую цепочку, по следам друг друга, внимательно смотря под ноги. Солнце уже клонилось к закату, разливая сквозь густые кроны свой печальный багряный свет, не суливший ничего хорошего, предвещая лишь ночь полную ещё больших опасностей, чем только что прожитый субтропический день. Почувствовав в воздухе, бедном кислородом, едва ощутимый запах речной сырости, мы интуитивно пошли на него и в итоге действительно вышли к широкой реке, мерно катившей свои мутные, грязно-зелёные воды куда-то вглубь непроходимых, бескрайних зарослей, высившихся покуда хватало глаз. Мы решили сделать привал на берегу.

Азамат развел костёр, чтобы испечь вырытые им клубни батата в золе, по известной всем нам с детства технологии, как картошку. Миша вырыл в земле небольшую ямку и тщательно, плотно выложил её широкими листьями баньяна, уложенными им в несколько слоёв. Он пояснил, что попытается вскипятить в ямке речную воду, после чего начал таскать с реки и швырять в огонь булыжники. Ринат, исследуя окружавший место привала растительный мир, опять вскарабкался на дерево и обнаружил на его ветвях крупные коричневые плоды, похожие по размеру на алматинский апорт. Их мы тоже решили, на всякий случай, пожарить. Когда Миша натаскал речной воды в полых коленцах бамбука, а камни в костре достаточно нагрелись, Миша палкой скинул их в ямку с водой. Она действительно вскоре закипела. Под кожурой найденных Ринатом плодов, сваренных нами в ямке, оказалась достаточно жирная мякоть, не менее питательными были и бататы. Косточки от коричневых «яблок» тоже были съедобными и напоминали по вкусу жареные каштаны. Удовлетворив свой голод, мы беспечно заснули, кто где.

4.

После такого утомительного, насыщенного событиями дня, из всех нас только Миша долго не мог уснуть, ворочаясь на своём месте у костра, то ли от чувства тревоги, то ли от переутомления, ведь порой физическая усталость способна оказывать обратный эффект и отнимать у человека сон. Джунгли как всегда звенели, переполненные стрёкотом насекомых, уханьем и руладами неведомого зверья, шумом густой листвы, то и дело подвергавшейся стремительным нападкам порывов ветра. То и дело ему мерещилось, что к естественному шуму джунглей порой примешивается бой тамтамов, с каких-то далёких, таинственных берегов. Он встал, прошёлся к воде и омыл лицо. Вернувшись, он выбрал себе другое место для ночлега, чуть поодаль, среди густой травы, где было помягче, под стволом крупного дерева с раскидистой кроной. На удивление, теперь он мгновенно провалился в крепкий сон. Последним ощущением быстро промелькнувшим в его сознании перед этим, был странный, терпкий запах, исходящий растениями, росшими вокруг того места, где покоилась его голова.

Добудиться его на следующее утро оказалось довольно трудно. Мы все уже умылись и вскипятили речной воды. Ринат уходил в чашу, где, полазав по теперь знакомым ему деревьям, нарвал ещё коричневого «апорта». Продрав глаза, Миша почувствовал необычайный прилив сил и жизненной энергии. В этот раз он выспался на славу. Внимательно изучив растения в том месте, где он спал, он пришёл к выводу, что они содержали какое-то успокоительное, седативное вещество, вроде ротундина. Такие лекарственные средства прекрасно лечат нервную систему и широко используются в дальневосточной традиционной медицине. Но при этом западные корпорации, производящие рецептурные транквилизаторы, очень тщательно принимают все возможные меры, чтобы не допустить их на фармацевтические рынки своих стран. Разумеется, с их стороны это вынужденный шаг – ведь если допустить, что люди начнут пользоваться натуральными растительными препаратами вместо тех же бензодиазепинов, вроде «ксанакса» и «флексерила», или слоновьих снотворных, типа «пропофола», в общем, откажутся от всех тех препаратов, что каждый год убивают растущее количество населения этих стран, включая самых известных поп-звёзд, то ясное дело, будет не только упущена астрономическая выгода, но встанет под вопрос само существование рынка лекарственных препаратов и его главных действующих лиц в нынешнем виде. Ситуация на западном рынке, с его налаженными схемами поставок по разным регионам мира, зеркально отражается на странах СНГ.

Миша знал пару сведущих врачей из корейской диаспоры Актау. Он считал, что, учитывая растущие и крепнущие торговые связи Казахстана с Вьетнамом, фармацевтика, пожалуй, могла бы стать привлекательной сферой для инвестиций в ближайшем будущем. Он решил захватить с собой образец, чтобы проконсультироваться с врачами. Отыскав под венцом из щитковидной листвы, оплетающую дерево лиану, он отрезал несколько побегов и, войдя с ними в реку по колено, опустил их в воду, чтобы тщательно промыть. К его удивлению, через некоторое время на поверхности воды начали показываться тельца рыб, всплывающих своими белёсыми брюшками вверх. Миша догадался, что содержащийся в стеблях лианы алкалоид настолько силён, что усыпляет рыбу, плавающую в том месте, где это растение попадает в воду. Он обрадовался и начал швырять рыбу на берег, другой рукой продолжая держать стебли лианы в воде. Рыбы продолжали всплывать, как по заказу, на завтрак.

Миша далеко не сразу осознал, что джунгли подозрительно затихли. Насекомые, птицы, звери вдруг, словно по команде перестали издавать все свои разнообразнейшие звуки, и лес накрыло гробовой тишиной. Когда Миша спинным мозгом ощутил на себе чей-то тяжёлый, недобрый взгляд, было уже поздно. Продолжая сжимать в одной руке стебли лианы, в другой скользкое тельце добытой рыбы, он выпрямился и медленно обернулся. И тут его чуть не хватил сердечный удар. Увиденное им настолько сильно отличалось от всего, чему он когда-либо становился свидетелем в жизни, что ему вдруг показалось, что он снова спит и ему снится экзотический кошмар.

На берегу, на двух задних лапах стояло двухметровое чудовище, покрытое ярко-зелёной чешуёй, блестящей и переливавшейся насыщенными оттенками на солнечном свете. Оно смотрело в упор на Мишу своими маленькими свирепыми глазками и скалило мощные клыки, длинные и острые, с зажатой в них рыбой. Под горлом у твари хищно раздувался оранжевый мешок. Оно тянуло к Мише свои короткие передние лапки, покрытые замысловатыми, разноцветными разводами, увенчивающиеся скрюченными длинными пальцами, соединёнными прозрачными перепонками, с изогнутыми крючьями когтей. Встретившись взглядом с Мишей,

животное проглотило рыбу, зашипело, высунув длинный узкий синеватый язык, а на голове у него вздыбился хохолок из шипов, как у стегозабра. При этом, оно так переминалось на задних лапах, что, казалось оно готовится к прыжку, чтобы повалить его, Мишу Пака, в воду, и вонзить ему в глотку свои острые клыки.

В точности узнать о намерениях монстра Мише, не довелось, к его вящему облегчению, потому что танец зверя был прерван сухой автоматной очередью. На опушке, откуда ни возьмись, вырос Ринат с автоматом наперевес. Он с опаской подошёл к поверженной туше и, продолжая держать его на мушке, перевернул ногой, могучим чешуйчатым брюхом вверх.

5.

Мы с Азиком пили чай из лепестков мяты, у костра, когда услышали автоматную стрельбу со стороны речного берега. Мы переглянулись. Страшная догадка вспыхнула в моём воображении. Вспомнив, что к реке с утра ушёл безоружный Миша, а спустя какое-то время в ту же сторону направился Ринат со своим «калашом» на плече, я испугался, что они опять повздорили, и всё закончилось стрельбой. Мы побросали скорлупки кокосовых орехов, из которых пили, вскочили и побежали к реке. Там мы застали странную картину: заметно оторопевший Миша стоял по колено в воде, сжимая в руке рыбёшку, выловленную в мутной реке, а Ринат, сидя на корточках, изучал подстреленного им зверя – здоровое, жуткое страшилище, самого мерзкого из всех, когда-либо виденных мной вживую зверей.

- Кто бы это ни был, я уверен, что его можно есть, - уверенно заявил Ринат, полуобернувшись к нам, на звук шагов.

- Вполне возможно, - согласился Азамат. – Красные кхмеры говорили мне, что в здешних джунглях водится какой-то зверь, мутировавший из-за химического оружия, распылявшегося американцами во Вьетнаме. У него очень вкусное мясо, я пробовал.

- Кто же его разделает? – спросил я.

- Я могу, без проблем, - сказал Ринат. – Займи мачете.

- Ну да, кому же ещё? – едва слышно пробормотал Миша, но когда Ринат вопросительно повернулся к нему, он выдавил некое подобие улыбки, и сказал, - спасибо, что спас мне жизнь, Ринат!

- Не за что, - сухо обронил Ринат, пожав плечами, и вспорол живот чудовища.

Мы все втроём сгрудились вокруг него, с любопытством наблюдая за его операциями. Он работал, как профессиональный мясник, недаром Миша вспомнил об этих его навыках разделки мёртвой плоти, ведь Ринат сам в пылу спора неосторожно упоминал о них. Сунув руку в трепещущее брюхо, он вытащил на свет божий длинную гирлянду белёсых кишок и отшвырнул её в реку. Потом он с видимым усилием раскрыл рёберную коробку. Она была настолько упругой, что, поискав глазами по земле, он поднял палку и вставил её внутрь, поперёк корпуса, чтобы она снова не захлопнулась. Вырезав приличный ломоть из филейной части, сочащийся тёмной кровью, он протянул его нам:

- Кто будет пробовать?

- Дайте мне, - попросил Азамат.

Мы развели костёр, и Азик поджарил на нём свой кусок, насаженный на пруттик. Сосредоточенно пожевав, он с разочарованием выплюнул мясо.

- Жёсткое – совсем, не то, что я у них пробовал. Да и цвет другой.

- Наверняка от химического оружия в этих местах мутировало сразу несколько видов животных, не один, - предположил Миша.

В этот момент, я краем глаза заметил подозрительное шевеление в зарослях прибрежного тростника. Я встал и к своему ужасу увидел, как из реки медленно выползает аллигатор. Холодный, леденящий взгляд рептилии был сосредоточен на фигуре ничего не подозревавшего Рината, сидевшего на корточках у туши разделанного им чудовища спиной к реке. Очевидно, его привлёк запах крови и кишок, столь необдуманно выброшенных Ринатом в воду и послуживших приманкой для спавшей на дне голодной особи. Тщательно нацелившись, виляя всем телом от возбуждения, аллигатор вдруг очень быстро побежал прямо на Рината, часто семеня своими короткими, но шустрыми и сильными перепончатыми лапками.

- Осторожно! – крикнул я и дал короткую очередь по аллигатору, практически вслепую.

Кажется, я его задел, по крайней мере, одна из пуль точно прошла в спину, но дальше я стрелять не смог, потому что Миша с Азиком как по команде бросились на аллигатора, пытаясь прижать его к земле и обездвижить. Раненый, расвирепевший хищник завертелся на месте юлой. Он отбросил Азамата прямо в реку одним резким движением своего мощного хвоста и теперь пытался схватить Мишу, цепко повисшего на его спине, широко раскрыв свою жуткую пасть, усеянную частокотом острых жёлтых зубов. Я пытался прицелиться, но у меня не получалось – всё время мешал Пак, крепко обхвативший скользкое тело. В следующий момент, уже Ринат решительно подскочил к аллигатору сзади, изо всей силы наступил ему на пасть и вонзил в загривок свой кинжал, на который он сжегивал до этого яд пойманной им кобры. Зверь лишь дёрнулся пару раз и затих. В ране, образовавшейся вокруг лезвия на загривке, вскипела кровавая пена.

Мясо аллигатора, оказалось намного вкуснее, чем мясо первого убитого нами зверя. Мы устроили целое барбекю, возможно, подсознательно пытаясь наесться наперёд, набрать запас протеинов и белков, так сказать авансом. Ведь, кто знает, сколько нам ещё пробиваться к цивилизованному миру, если нам удастся спастись вообще? Азамат, вывернув и старательно промыв в реке кишку аллигатора, начал набивать её полосками мяса с жёлтым жирком, которые сам же на ходу вырезал из толстого отруба рёберной части. При этом он успевал напигивывать само мясо зубцами лесного чеснока, который он умудрился найти и накопать среди разнотравий на берегу речки

- Ты что там делаешь – қазы из аллигатора что ли? - поинтересовался я, поджаривая свой сочный кусок вырезки из оковалка, насаженный на мачете.

- Ага, - подтвердил Азик. - Сварим и с собой в дорогу захватим.

- Не пойдёт, - отрезал Миша. - Мясо в этом климате через час уже испортится. К сожалению, всю эту гору еды придётся здесь бросить.

- Қазы из аллигатора – это то чего в мире нет, и не может быть, - задумчиво заключил Ринат. - Это как вся наша авантюра. Расскажешь кому – ведь не поверят.

Закончив с обедом, мы начали собираться в дорогу. Было решено идти вниз по течению реки. Ринат всех в этом убедил, когда заявил, впрочем, вполне резонно, что все реки впадают в море, а значит, по этой реке мы придём во Вьетнам, он же на море. К тому же река действительно несла свои мутные воды в сторону зари, алевшей в просветах густого лиственного покрова джунглей, на восток. Миша, сверившись с ручным компасом, подтвердил.

VIII. КУРОРТНЫЕ РОМАНЫ

1.

Когда мужчины не появились в отеле и на третьи сутки, нервы Гульмиры не выдержали. Она даже попыталась поделиться своей тревогой со спутницами за обедом, но наткнувшись в ответ на полупустой взгляд бесстыжих глаз Гульбану, подёрнутых томной поволокой, многозначительно протянувшей: «Кто знает, чем они там на самом деле занимаются», она взорвалась. Для начала она назвала Гульбану сукой и блядью, которая и понятия не имеет о приличных мужчинах и о том, как они себя ведут по жизни. Получив в ответ полную порцию дайкири в лицо, она издала боевое верещание, почти полностью состоявшее из самых высоких нот колоратурного сопрано и бросилась на соперницу, выставив свои алые когти перед собой. Сауле, безуспешно пытавшаяся встать у неё на пути, чтобы разнять женщин, была буквально сметена с грохотом на соседние столики, всё ещё накрытые для припозднившихся клиентов. Гульбану резво вскочила со своего места и попятилась, пытаясь, не упуская поле боя из вида, спастись бегством, но рассвирепевшая Гульмира успела поймать её на ходу, низко пригнувшись и крепко обхватив своими жилистыми, мускулистыми руками её костлявые бёдра. В припадке ярости она оторвала Гульбану от земли и приподняла над собой, как Геракл поднимал над собой Антея в древнегреческих мифах, но, поскольку Гульбану продолжала отчаянно брыкаться своими нескончаемыми ногами «от ушей», обе женщины, потеряв равновесие и слившись в клубок, покатались напрямик в бассейн. Гульбану совершенно не умела плавать, страдала от водобоязни и, оказавшись в бассейне, проявила неожиданную силу, пытаясь вырваться из цепких объятий Гульмиры, отчаянно барахтаясь и оглашая весь ресторан криками о помощи на английском и на мандарине попеременно. Но не тут-то было. Почувствовав, что добыча ускользает из рук, Гульмира схватила её за волосы и одним резким движением погрузила голову Гульбану в воду. Теперь уже она, в свою очередь оглашала весь ресторан победным рёвом, перемежаемым угрозами в адрес противницы и поучениями на будущее. Лишь когда до неё дошло, что Гульбану уже почти не шевелится, она нехотя позволила Сауле разнять их прямо в воде. Хитрая Гульбану поняла, чем ей грозило бессмысленное сопротивление этой взбесившейся туристке и притворилась утопленницей. Изобразив предсмертную агонию, она кое-как позволила Сауле привести себя в чувство и увести в свой номер. Благо, народа в ресторане на открытой террасе в этот поздний послеобеденный час было немного, но покидая зал, Гульбану и Сауле отчётливо слышали потоки отборного мата, которым Гульмира поливала остальных посетителей за то, что они «установились» или «вылупились» на скандальную тройцу.

Сауле привела Гульбану к себе в номер и взялась выходить её, уложив в свою постель, зачем-то отпаивая водой из графина и всячески заботливо ухаживая за мнимой утопленницей. Где-то, через пятнадцать минут в её номере раздался телефонный звонок. Когда Сауле ответила, в трубке послышался возбуждённый голос Гульмиры, которая сбивчиво рассказала ей, что наткнулась в ресторане на «ту девушку, которая спала у Пака» и что она решила за ней проследить. Сауле сказала, что пойдёт с ней, а Гульбану, снедаемая нездоровым любопытством, мигом стряхнув с себя мнимое недомогание, также изъявила желание присоединиться к подругам. По-прежнему игнорируя друг друга, но словно бы забыв о недавнем скандале, все три женщины, собравшись за одним столиком в пляжном баре, не сводили глаз с прекрасной, смуглой незнакомки с миндалевидным разрезом глаз, царственно

возлежавшей в крохотном бикини на шезлонге. Когда же эта девушка, накинув давешнее полупрозрачное платьице с вызывающими разрезами до бёдер, неспешно удалилась с пляжа и отправилась в сторону фуникулёра, они дружно последовали за ней. Гульбану так заинтересовала вся эта история с таинственной любовницей неприступного Миши Пака, что она даже преодолела свой страх и, сев на фуникулёр, проехала с подругами весь путь до Ньячанга, зажмурив глаза.

В результате слежки было установлено, что девушка работает уличной проституткой на одной из главных панелей города. Видимо, она каждый вечер дежурила на набережной, прямо перед нижней станцией фуникулёра, отлавливая скучающих одиноких туристов из-за рубежа, возвращавшихся с экскурсий в древние индуистские храмы в островной отель.

- А она ничего так себе штучка, - заметила Гульбану. – Я бы не прочь с ней покувыркаться, даже за плату...

Смерив своих попутчиц, с их ошарашенными глазами, снисходительным взглядом, она небрежно бросила им: «Ждите меня здесь», и, призывно виляя своей худосочной попой, направилась в сторону вьетнамской проститутки. На глазах у всё ещё шокированных Гульмиры и Сауле, она о чём-то поворковала с незнакомкой, заставив ту похотливо оскалиться и, взяв её за руку скрылась с ней в дверях ближайшего прибрежного мотеля с почасовой оплатой.

2.

В своих скоротечных романах с дамами, Гульбану привыкла играть роль «клавы», уступать им, позволять им наслаждаться своим телом. В своё время ей очень польстило открытие, что она умеет понравиться не только мужчинам, но и некоторым женщинам. Входя в роль, она постепенно начала распознавать знаки внимания, зашифрованные послания жестов, зрительные контакты таких особ и научилась их соблазнять. Но в случае с Хоа ей вдруг безумно захотелось самой стать с ней «бутчем». Чувственная фигура вьетнамки, её ленивые движения, смуглая, коричневая кожа, раскосые глаза, не менее бесстыжие, чем у неё самой, возбуждали её и будили в ней доселе неведомые импульсы сладострастия. Хоа была афро-азиаткой, дочерью без вести пропавшего чернокожего рядового морской пехоты США и нищей вьетнамки из Сайгона, выживавшей в оные времена за счёт предоставления оккупантам сексуальных услуг. Именно этим объяснялись её пышные формы и её не сложившаяся судьба. В самом деле, для страны победившей Америку в жестокой и мучительной многолетней войне, цвет её кожи и история происхождения отнюдь не служили рекомендательным письмом для поиска благополучной синекуры.

Пока Хоа медленно раздевалась перед ней в тесной комнате мотеля в тусклом освещении допотопных ночников, стягивала через голову своё полупрозрачное платьице, плавно расстёгивала лифчик и мягко переступала через собственные трусики, которым она одним привычным движением позволила опасть на пол, Гульбану восхищалась её высокой грудью без миллиграмма силикона, её осиной талией, явно дарованной ей природой, а не отсутствующими здесь услугами по липосакции, её тяжёлыми овальными ягодицами. Она нетерпеливо набросилась на неё с самыми страстными ласками и жадными поцелуями и не успокоилась до тех пор пока Хоа не кончила под ней несколько раз кряду. Только после этого Гульбану позволила жарким волнам оргазма овладеть и своим собственным телом.

К тому времени когда они вышли из мотеля, попутчиц Гульбану уже, разумеется, и след простыл, да и кто бы выдержал столько времени ждать эту нагловатую девицу

на душной улице? Бурная ночь, проведённая с Хоа настолько захватила Гульбану, завладела всеми её помыслами, что она, не задумываясь и не торгуясь, здесь же предложила той перебраться в её номер на острове, чтобы продлить их «договор аренды» на неопределённое время.

Для Гульбану потянулись счастливые деньки, пропитанные чувственностью и негой. Она из кожи вон выбивалась, стараясь угодить новой подруге, развлечь её и сделать её пребывание на острове как можно более приятным. На следующее утро, она пригласила её на морской экскурсионный тур с охотой на крабов и лангустов, на который постояльцев настойчиво зазывали глянцевого буклеты и красочные кадры с рекламного телеканала гостиничной сети.

Рыболовный катер, управляемый услужливым вьетнамским персоналом, с которым Хоа изредка обменивалась шутливыми фразами на своём певучем языке, бороздил лазурные прозрачные воды, сквозь которые подводная морская жизнь представляла во всём своём великолепии, как на картинке. Субтропическое солнце, заставлявшее девушек прятать свои бесстыжие глаза за огромными стёклами фирменных очков, постепенно накаляло атмосферу. Гульбану так и льнула к Хоа у бортика на палубе, не обращая никакого внимания на окружающих, обнимала её за талию, гладила по бёдрам, игриво щипала за задницу. Хоа неторопливо, с ленцой, подставляла ей все свои прелести для жгучих ласк, откидывала развевающуюся на морском бризе густую копну волос для поцелуев в шею, хрипловато посмеивалась.

Наконец, капитан судна, осмелившийся приблизиться к занятой друг другом сладкой парочке, смущённо покашляв, чтобы привлечь к себе внимание, объявил о начале охоты. На самом деле их привезли на специальную ферму по разведению морепродуктов, и вся «охота» представляла собой хорошо отлаженный развлекательный спектакль, в котором добыча с превеликой готовностью сама плыла в руки наших «рыбачек», умело насаживаемая на крючки и загоняемая в ловушки невидимыми водолазами. Для начала Гульбану и Хоа была предоставлена возможность выловить парочку свирепого вида огромных рыб, наподобие зубаток, которые должны были послужить наживкой для крабов и лангустов. Весь этот процесс сразу вызвал у Гульбану дикий восторженный визг с подпрыгиванием на месте и хлопаньем в ладоши. После этого перешли собственно к крабовой ловле. Из трюма были извлечены замысловатые ловушки, похожие на продолговатые жёлтые клетки из зоомагазина, состоящие из нескольких причудливо переходящих друг в друга отделений со специальными отверстиями. Капитан с матросами сноровисто привязали зубатку к центру круга на нижней сетке и забросили в море. После этого дамам были предложены прохладительные напитки и коктейли. Но они не успели их допить, когда на борт была поднята клетка с уловом – четыре огромных краба, едва шевелясь на солнце, переваривали зубатку, чей обглоданный скелет остался прикрученными к дну сетки. Гульбану опять завизжала и хлопала в ладоши. Капитан дал команду, и катер вновь тронулся с места, чтобы через какое-то время вновь бросить якорь на строго определённом участке. Здесь из трюма были извлечены ловушки для лангустов. Последние состояли уже из двух отсеков со специальным туннелем между ними и более походили на большие клетки для гигантских канареек. Впрочем, весь процесс не сильно отличался от ловли крабов и не занял намного больше времени. Улов опять же состоял из четырёх лангустов, видимо это количество соотносилось с ценой, включенной в пакет экскурсионного тура.

Вернувшись в отель Гульбану распорядилась приготовить добычу в лучшем виде заказала в номер пару бутылок ледяного сухого токайского вина и с нетерпением потащила Хоа прямоком в постель. Лишь ближе к вечеру, насытившись во всех

смыслах и томно развалившись на батистовых простынях, новые подружки перешли к обычным бабским сплетням и откровениям. Так, например, Хоа удовлетворила любопытство Гульбану в отношении того, «каков мистер Пак в постели?». Оказывается Миша так и не тронул Хоа в течение всей той ночи, что провёл с ней перед отъездом. Он заказал ужин в номер, заставил её прислуживать себе за столом, наливать чай и вытирать рот салфетками. Потом, когда они легли в постель он немного потискал её, видимо пытаясь возбудиться, но так и не смог и вскоре захрапел. Утром он заставил её помочиться в своём присутствии, опять попытался возбудить себя вручную, опять не смог и загадочно сообщив ей, что «это всё сигареты с бромом», щедро расплатился и отбыл. Гульбану в свою очередь рассказала Хоа, что ей было очень хорошо в постели с её последним клиентом, Ринатом, и предложила той «попробовать втроём», когда он вернётся из своей экспедиции.

3.

Гульмира и Сауле пока ещё не знали о том, что Гульбану вернулась на остров вместе с Хоа, потому что повадились ходить по утрам в местный гольф-клуб, чтобы брать уроки у местного инструктора, коммерческого репатрианта с хьюстонской выучкой. Обе девушки не только делали определённые успехи в новом для себя спорте, но и открыли для себя особенности флирта посторонних иностранных мужчин. Сауле изумлённо и наивно принимала знаки внимания со стороны вьетнамского инструктора, уделявшего особое внимание положению её тела при ударе. Он то и дело вставал у неё за спиной брал её руки в свои, чтобы откорректировать угол замаха, отставлял её ножку и в целом беззастенчиво лапал при каждой возможности. Гульмира тем временем усиленно работала над своим свингом – она превратила его освоение в некий новый вызов, как при переходе к более тяжёлому весу или при увеличении заходов во время тренировок со штангой. Так, в то утро, она стремилась к точности удара на сто метров, точно так же как в предыдущее утро она добилась серии отработанных ударов до предшествовавшей отметки, послав мячик несколько раз подряд за семьдесят пять метров. В этот раз, когда её усилия при очередном ударе так и не увенчались успехом, она крепко и громко выругалась матом по-русски в знак собственного бессилия.

- Да ви есть прирождённый гольфиста, дэвүшка, - раздался вдруг за спиной Гульмиры голос с иностранным акцентом, отчётливо поставив ударение на втором слоге в последнем слове.

Гульмира обернулась и смерила недоумённым взглядом стоявшего перед ней мужчину в дымчатых «рай-банах», долговязого и узкоплечего, со слащавой улыбкой на довольно смазливом лице. Он протянул ей руку и представился:

- Рокко Далбанутти. Ви ведь из Казакистаньски? Я там работайт нэсколько лет на нефтегазовски мисторожденья.

- Гульмира, очень приятно, - она так крепко сжала его руку, что он охнул от боли и лишь после этого, сделала саркастичный реверанс. – Да, я из Алма-Аты.

- О-о, я ошень-ошень любит Альмáтты в свой время, ошень красиви город, много дэвүшка, - он подмигнул ей, но не стал форсировать тему, когда она лишь пожала плечами в ответ. – Я хотеть фам показайт адын небóлший трук.

Он выхватил из её рук её клюшку, «семёрку», и начал старательно демонстрировать ей все те азы стойки и замаха, которые она уже успела освоить в предыдущие дни, смешно приговаривая при этом:

- Кольени фот так, попа фот так, - игриво улыбаясь, он уморительно загнулся, выпятив вверх свой довольно массивный зад. Гульмира притворно зевнула, прикрыв рот рукой. – Но при замах ви немножка держайт кисти рук фот так. Он изобразил свинг, отработанный Гульмирой в течение последних нескольких дней за долгие часы тренировок.

- А надо-бэ фот так – запьястя фот так, а кисти в виде буква “V” фот так, - на этом моменте Гульмире стало по-настоящему интересно. – Ви атлэтични дэвўшка, но зашем тратишь так многа силов? Попробуй.

Он передал ей клюшку. Гульмира поставила очередной мячик на «тишку», невольно согнувшись в поясе к плохо скрываемому удовольствию Рокко. Почувствовав на себе его липкий взгляд, она резко обернулась, окатила его с ног до головы ярко выраженным непониманием и снова выпрямилась как струнка. Она плавно замахнулась, на этот раз, стремясь удерживать кисти рук в положении, подсказанном Рокко... и безо всякого труда отправила мячик далеко за стометровую отметку. Она чётко ощутила насколько верным, гармоничным и уверенным стал её свинг, потому что при всех прежних попытках её мышцы и впрямь напрягались гораздо сильнее, чем в последний раз, бессмысленно растрачивая физическую энергию. В этот раз она одарила его гораздо более тёплым взглядом с блеском непритворной признательности в её красивых верблюжьих глазах.

- Тепер нада сматрэт как ви абрацайт с паттер. Дафайте, пайдзём, - приободрившись Рокко схватил Гульмиру за руку и потащил в сторону паттинг-грин. – Фам нада попробуйт паттинг тожы. Эта не меней важна, чем фервей.

Выудив паттер из своей объёмистой профессиональной сумки, Рокко за плечи подвёл Гульмиру к лунке и начал с азартом показывать, как корректно проводить слабые, едва ощутимые удары по мячику паттером, специальной клюшкой с тупыми концами, с тем, чтобы он катился по заданной траектории, описывая еле уловимую, лёгкую дугу.

- Ви вставайт фот так, лоб суда, пряма над мячик, полоской туда, удар, але-хоп, - мастерски закрученный мячик покотился прямиком в лунку. - Наша цель – папасть в дирка. Всегда, всегда, всегда, всегда папасть в дирка.

Рокко из полуприседа обернулся к Гульмире и запнулся, наткнувшись на суровое выражение её глаз из-под нахмуренных изящно выщипанных бровей. Он густо покраснел и вручил ей клюшку.

- Нате, попробуй.

- Встаньте сюда, - Гульмира показала ему на место прямо перед собой, так чтобы он не оказывался сзади, каждый раз, как только она нагнётся.

Рокко послушно шагнул на указанное место за лункой. Гульмира нагнулась, сосредоточилась, тронула мячик паттером... и тот покотился прямиком в лунку в точности повторив траекторию мячика Рокко.

- Брера! Брависсима! – Рокко восхищённо захлопал в ладоши. – Вам нада играйт тепер на настоящий гольф-поле в настоящий игру. Я тебя приглашайт назавтра – я бранировал поле для себе на дэвўять.

- Могу прийти и попробовать, но только с подругой, - согласилась Гульмира, подумав с минуту.

- О да, да, - ваш падруга можэт бит твая кэдди-гёрл.

4.

Рокко предложил Гульмире руку и повёл её к зданию гольф-клуба, где Сауле всё ещё осваивала основы свинга с прижавшимся к ней сзади уже впритирку вьетнамским

инструктором. Рокко предупредил вьетнамца о предстоящей игре и пригласил обеих друзей пройти вместе с ними в специализированный клубный магазин. Он был очень любезен. К восторгу обеих девушек он предложил им померить форму для игры в гольф, белоснежные поло и бриджи, кокетливые шляпки. Подбрав нужные размеры, он небрежно велел инструктору завернуть товары и расплатился кредитной картой «American Express». Гульмира смущённо пролепетала, что её «муж» вернёт деньги, когда вернётся из экспедиции, но Рокко королевским жестом отнёс данное предложение: «Не стоит». Он ухмыльнулся: «То есть как это правельна – не сто́ит, а не не сто́ит, да?». К его неприкрытому удовольствию, девушки смущённо захихикали.

На следующий день, как и было условлено, все трое встретились у входа на шикарное 18-луночное гольф-поле, входившее в собственность отеля. Рокко прикатил на арендованном им гольф-каре. Игра сразу задалась. Гульмира, подбадриваемая своим новоявленным партнёром, прошла первые пару лунок с весьма приличным для новичка гандикапом -8. Третью лунку она одолела без отставаний и чтобы отпраздновать этот результат, Рокко с довольным видом извлёк из своей бездонной сумки литровую бутылку «Лафройга».

- Для гольф это как вода для велосипедист, - торжественно объявил он. – Нада чуть-чуть, потом ишо чуть-чуть, и играйт чуть-чуть карашо.

Он разлил виски по стопкам, расставленным на капоте гольф-кара и, подавая пример, пригубил из своей. Девчонки чокнулись и по-русски опрокинули дорогой, янтарно-жёлтый напиток залпом в свои желудки. Сауле опьянела практически сразу же, у неё начал заплетаться язык и закосили глаза. Гульмира тоже почувствовала приятную волну, сопровождавшую изысканный вкус, медленно оседавший на нёбе. Как-то незаметно, бутылка уже опустела к двенадцатой лунке, причём большую часть выжрали дамы, в то время как Рокко лишь зорко следил за обеими, отмечая про себя признаки нарастающей степени алкогольного опьянения каждой из них. Наконец, он дождался, когда Сауле стало совсем дурно, и она, икнув и манерно извинившись, удалилась в кусты на берегу водной преграды. Гульмира уже не слушающимися руками пыталась в этот момент установить мячик на «тишке», согнувшись пополам, как вдруг она почувствовала нечто совсем уж неправдоподобное. Рокко подошёл к ней сзади, уверенным, привычным движением скользнул ей рукой под юбку, залез в трусики и с силой протолкнул свой палец прямо ей в задний проход. Гульмира, с которой мигом слетел весь хмель, медленно, с опаской обернулась. Ей было больно и стыдно. Рокко подмигнул ей, высунул язык и старательно продемонстрировал ей технику анилингуса, который он привык выполнять в качестве прелюдии к анальному сексу с некоторыми из своих бывших подчинённых. Это всегда срабатывало в нужный момент. Теперь пора было переходить к главному номеру программы, для которого и был затеян весь антураж. Загвоздка здесь заключалась лишь в том, что работницы его бывшего предприятия в Казахстане своей феноменальной легкодоступностью и готовностью выполнять любые из самых изысканных эротических фантазий по первому-же мановению его левого мизинца почему-то убедили его в том кошмарном заблуждении, что все их соотечественницы ведут себя точно так же как они и ничем от них не отличаются. Ему и в голову не приходило, что несчастные сотрудницы опускались до всего этого из голимой алчности, ради денег и карьеры. Он свято верил в то, что прирождённая природная развратность присуща всем без исключения уроженкам Казахстана. Более того, он наивно полагал, что женатым казахстанцам хорошо известна эта черта их жён, и что они вынужденно мирятся с тем, что те время от времени спят с богатыми и высокопоставленными иностранцами (потому что они симпатичнее и

остроумнее). Рокко черпал свои убеждения из своего личного опыта и решительно отметал любые возражения в разговорах с коллегами. Но он ошибался. Всего лишь одним движением своего тренированного тазобедренного сустава Гульмира, резко высвободившись, развернулась на сто восемьдесят градусов, лицом к Рокко, отступила, и уже в следующий момент нанесла ему молниеносный удар тяжёлой клюшкой-драйвером прямо в левый висок. Раздался омерзительный хруст, и синьор Далбанутти рухнул на изумрудный ухоженный газон клубного поля, как подкошенный.

В этот момент подросла справившая свою маленькую нужду Сауле. Она присвистнула:

- Е-мааа! – встав на коленки, она приложила голову к груди Рокко, затем, разогнувшись, приставила палец к его шее. – Пульса не чувствую... Ты же его убила! -Да?! – автоматически переспросила Гульмира, слегка оторопев. – Что ж, значит, так надо было...

Не сговариваясь, обе подруги схватили незадачливого донжуана за обе ноги, оттащили его, как куль с мукой, в сторону кустов на берегу водной преграды и, впопыхах нарвав веточек олеандра и гибискуса, постарались скрыть под ними его грузное тело. Закончив, они вскочили на гольф-кар, и Гульмира изо всей силы вдавив педаль в пол, втопила в сторону отеля на всех парах.

Оказавшись в гостинице, втянув голову в плечи и ни на кого не глядя, даже на Сауле она взлетела на свой этаж по лестнице, заперлась в своём номере и, бросившись на аккуратно застеленную итальянскую кровать, разрыдалась в голос. Её всю колотило и трясло. В этот момент на внутреннем аппарате раздался телефонный звонок.

Гульмира вся так и обмерла. Утерев слёзы, она неуверенно подняла трубку:

- Алё, алё! Гульмира, это я, Лап! Аскар с друзьями заблудились на охоте... Но ты не волнуйся, мы уже подняли на ноги своих людей из МЧС. Мы их скоро найдём, вот увидишь! В отеле ни о чём не беспокойся не в чём себе не отказывайте, я всё оплатил и распорядился, чтобы все счета переправляли напрямую ко мне.

Не отвечая ни слова, Гульмира медленно опустила трубку. Час от часу не легче. Это было уже чересчур...

Рокко очнулся вечером, когда с неба накрапывал мелкий дождик. Он ощупал своё лицо – вся левая сторона была покрыта коростой запёкшейся крови. При ударе, Гульмира не только оглушила его, но и рассекла ему бровь. Он присел, помотал головой и попытался вспомнить, как он здесь оказался. У него ничего не вышло – он помнил вроде бы всё, но только до момента регистрации в отеле двумя днями ранее. Дальше его воспоминания словно бы отрезало чьей-то неведомой мускулистой рукой.

5.

Беспечность, если она и присутствовала в ком-то из нас до наступления нового дня, безвозвратно улетучилась. Теперь мы шли след в след, с утроенным вниманием озираясь кругом и смотря под ноги. Миша Пак, мягко и неслышно ступавший впереди, то и дело предостерегающе поднимал руку, когда ему казалось, что что-то идёт не так, и впереди возможно прячется очередная неведомая опасность. Мы останавливались, прислушивались, ждали, когда Миша закончит свои наблюдения и потихоньку трогались снова, вслед за ним. Ринат тащил на своём плече маленькую забавную мартышку, которую он поймал и, прикармливая, быстро приручил ещё во время привала. Он объяснил, что если на нас нападёт кобра или питон, их внимание скорее может быть сначала отвлечено на эту обезьянку, как на вид добычи, который

легче проглотить и усвоить. При всём том мартышка слушалась только Рината, проявляя удивительную агрессивность ко всем остальным. Она даже укусила Мишу за палец, когда тот пытался её погладить.

Река капризно петляла, в связи с чем мы далеко не всегда шли на восток, хотя при этом и продолжали упорно придерживаться выбранного решения – следовать вдоль русла, по течению. Один раз, когда мы вышли на одну из редко встречающихся по пути небольших полянок, Миша остановился буквально в двух шагах от вырытой человеком ямы с коварной ловушкой внутри неё. Опасливо приблизившись к краю этой ямы, мы заглянули внутрь. Там, в неестественной, фантазмагорической позе корчился переломанный человеческий скелет в полуистлевшей униформе американских «джи-ай», застрявший между двумя вращающимися брёвнами, утыканными гвоздями и тонкими стальными прутьями. Очевидно, когда этот солдат угодил в ловушку, он попал прямо между брёвен, которые под тяжестью его веса провернулись, да так, что гвозди и стальные «колючки» пронзили его тело сразу в нескольких уязвимых местах, нанеся многочисленные ранения, несовместимые с жизнью. Скорее всего, он просто истёк кровью, брошенный своими товарищами, если не умер до этого от болевого шока. Примечательно, что от него сохранились только голые кости, несмотря на то, что остов, всё ещё одетый в отрепье цвета хаки, застрявший между своеобразных жерновов, сохранял относительную целостность. Невольно создавалось впечатление, что кто-то в своё время его тщательно обглодал на месте. Я поёжился от самой мысли. С другой стороны, страшная находка могла говорить о том, что мы, возможно, незаметно пересекли границу и уже шли по вьетнамской территории, раз здесь происходили бои, стычки или облавы боевых частей армии США.

Приблизительно через четверть часа Миша в очередной раз остановил нас, вскинув правую руку в своём фирменном предостерегающем жесте. Обернувшись ко мне – я шёл как раз за ним – он пальцем указал мне на какой-то предмет, замеченный им посреди густой травы прямо по курсу перед нами. Мне пришлось долго всматриваться, прежде чем один из лучей утреннего солнца и в самом деле не помог мне различить, как в траве, среди кустов молочая, коварно блеснула проволока. Это была растяжка между двумя деревьями, споткнись о которую, мы все взлетели бы на воздух – к стволам деревьев были примотаны противопехотные гранаты.

- Может, мы пойдём по воде? – предложил я.

- Исключено, - Миша отрицательно покачал головой. - В воде тоже могут быть растяжки, мы их просто не сможем увидеть.

- Я другого опасаюсь, - добавил он, задумчиво пожевав губами. - Как бы мы не вышли сейчас на минное поле.

- Ринат, может, попробуешь выпустить вперёд своего питомца? – снова предложил я.

Ринат пожал плечами, но последовал моему совету, спустив зверька на землю. На удивление, мартышка и впрямь резво побежала вперёд, скрывшись в зарослях молочая. Правда, спустя минут пять, когда мы осторожно двинулись вслед за ней, мы расслышали её слабый писк. Раздвинув кусты, мы успели увидеть лишь её дрыгающиеся задние лапки и извивающийся коричневый хвостик, потому что верхнюю часть тела уже проглотил спустившийся с ветки бананового дерева гигантский белый питон.

Спустя считанные мгновения, мартышка уже скрылась в пасти ненасытного пресмыкающегося целиком.

6.

Мы попытались спасти нашего полезного меньшего друга, дружно схватив змею сразу в восемь рук по всей длине её скользкого туловища, но питон так сильно извивался, у него была настолько маслянистая чешуя, под которой буграми ходили весьма впечатляющие мускулы, что в итоге нам пришлось отшвырнуть его в речку.

- Надеюсь, он за нами не погонится! – воскликнул Азамат, всё ещё пытаюсь отдышаться после борьбы с рептилией.

- Может, - заметил Ринат и пальнул вслед скрывшемуся под кругами воды питону из автомата. – Он теперь на нас в обидах.

Когда мы снова тронулись в путь, я заметил, что Ринат, замыкавший шествие, стал то и дело разворачиваться и идти, пятясь спиной вперёд, словно он и в самом деле ожидал коварной атаки с тыла от обиженного питона. В это время ко мне обернулся Миша, который снова шёл впереди нашей группы.

- Асеке, - сказал он – Скорее всего, это не минное поле. Пока не вижу ни рытвин на земле, ни останков животных. Но ты тоже смотри в оба, если что, насчёт растяжек.

- Конечно! – ответил я.

Рассчитывать на то, что если Миша вдруг наступит на мину, то я каким-то чудом смогу остаться целым и невредимым не приходилось, так что я и без его напоминаний, глядел во все глаза, стараясь охватить взглядом всё обозримое пространство, расстилавшееся перед ним. Мы пробивались сквозь довольно густой участок леса, временами буквально протискиваясь среди гибких зелёных стволов и постоянно работая мачете, срубая преграждающие путь вездесущие лианы, стараясь при этом не потревожить какого-нибудь очередного смертельно опасного гада, дремлющего на ветвях. В остальном впереди всё казалось достаточно спокойно. Скорее мне не давало покоя боковое зрение. Во-первых, справа создавалось впечатление, что река как бы ускоряет своё течение и бежит быстрее, к тому же теперь её всё чаще прорезали островки, плотно покрытые густой изумрудной растительностью. Во-вторых, слева, в редких просветах между деревьями, мне то и дело чудились перебегающие с места на место силуэты, наподобие то ли крупных обезьян, то ли невысокого роста людей, смуглых и обнажённых. При этом всякий раз, стоило мне повернуться налево, чтобы пристальнее всмотреться в ту сторону, как наваждение исчезало, и джунгли как всегда представляли перед моим взглядом в виде незыблемого и невозмутимого зелёного массива.

Река тем временем, действительно ускорила бег своих мутных, грязновато-серых вод и, судя по нараставшему, смутному гулу, всё отчётливее доносившемуся с низовьев, мы, возможно приближались к крупному водопаду. Растительность на противоположном берегу всё чаще расступалась, обнажая базальтовые скалы, поигрывающие на солнце кварцевым блеском, да и сами берега постепенно становились всё менее пологими.

Наконец, мы действительно подошли к выступу, откуда воды нашей путеводной реки стремительно низвергались в неожиданно преградившую нам путь расщелину, поднимая туманную завесу из миллионов мелких брызг, которые, тем не менее, не в силах были скрыть всего великолепия развернувшейся перед нами панорамы. Глубоко внизу наша речка серебристо змеилась вдоль ущелья, причудливо пробитого её же водами, сверху казавшимися гораздо чище и синее, в этой зияющей расщелине. Повсюду до горизонта, зелёное море джунглей покрывало необъятное плоскогорье, тут и там, перерезанное бурунами речных порогов и стремнинами. Эффект зелёных морских волн только усиливался от того, что

ландшафт стал холмистым, возвышенности теперь то и дело сменяли друг друга, местами достигая высоты небольших горных хребтов, тысячников.

Когда мне в шею впился отравленный шип, метко выпущенный чьей-то неведомой рукой из духовой трубки, я даже не очень удивился, словно бы я этого постоянно подсознательно ожидал, с тех пор как мы попали в этот зачарованный лес. Прямо в этот же момент синхронно попадали на землю, как скошенные остальные трое моих друзей. Последнее, что я помню перед тем, как потухло моё сознание – это то, что, заваливаясь на спину, я теперь ясно, воочию, разглядел сидящего на ветвях дерева надо мной нагого смуглого аборигена невысокого роста, с лицом, выкрашенным в боевую раскраску, который немедленно начал бить чем-то, что казалось двумя огромными берцовыми костями в небольшой, изящно разукрашенный туземными узорами тамтам, подвешенный на его шее.

7.

Снотворное вещество, которым были пропитаны шипы, не на всех подействовало одинаково. Мы все отключились полностью, кроме Азамата. Возможно, на него пришёлся последний шип с остатками ротундина, то есть с дозой недостаточно сильной для того, чтобы усыпить, но достаточной для того, чтобы вызвать временный паралич двигательной системы, состояние оцепенения, при котором он мог видеть и осознавать всё, что происходит, но при этом не владел движениями своего тела, так же как и речевыми функциями. Одним словом, всё как в кошмарном сне. Поэтому именно он потом рассказал, как наши туши привязывали за руки и ноги к продолговатым охотничьим рогатинам, как туземцы, взвалив на плечи концы рогатин, долго несли нас, словно медведей гризли, узкими, извилистыми тропками, скрытыми от посторонних глаз завесой миллионов мощного водопада, как, наконец, нас вносили в туземную деревню, на глазах у высыпавшей на улочки толпы детворы и женщин, и привязывали к столбам на центральной площади. Правда, на этом его память отключается, потому что его, наконец, сморило. Мы же, напротив, начали приходить в сознание как раз после того, как нас привязали к тем позорным столбам посреди утоптанной площадки, когда солнце было уже в зените. Столбы были расположены симметрично, в виде правильного квадрата, так что каждый из нас мог видеть только двух соседей, ближнего и дальнего, третий оставался вне поля зрения за спиной.

Селение было скрыто от посторонних глаз, укромно расположившись на дне той самой расщелины, куда с таким шумом и мощью низвергался водопад, в окружении буйной растительности субтропического леса, с его пышным цветением магнолий и орхидей, под сенью кокосовых и банановых пальм. Дома на сваях полукружьем разбегались от главной площади к реке, непостижимым образом посиневшей и прозрачной, в то время как с тыла деревня была защищена неприступной скалистой грядой. Я отметил про себя, что население этой деревни причудливо разодето в довольно нарядные, пёстрые одежды со сложной узорчатой вышивкой самой немыслимой расцветки. На головах у большинства женщин были красные тюрбаны, с которых ровными рядами свисали целые гроздья бусинок. Тюрбаны некоторых особо знатных дам были украшены чем-то вроде больших дугообразных рогов из твёрдой материи так же обшитой красным шёлком. Женские платья состояли из длинных цветастых юбок и жакетов, перевязанных на поясе широкими красными кушаками. На шеях, кистях и икрах у них позвякивали тяжёлые ожерелья, браслеты и монисто. Большинство мужчин также было одето в нарядные длинные одежды типа халатов, чуть более строгие, чем у женщин, но так же с

многочисленными вкраплениями красного цвета, присутствовавшего повсюду в виде узоров, оторочек, манжет, воротничков, головных повязок. Только охотники, ещё не переодевшиеся после своей экспедиции, оставались полуголыми, в одних лишь набедренных повязках. Их тела, а у некоторых и лица, были густо покрыты разноцветными татуировками, в которых явно угадывались полинезийские мотивы. В рисунках преобладали сложные завитки, цветы и драконы.

- Это чё ещё за мумбу-юмбу? – сдавленно прохрипел Ринат, накрепко прикрученный к столбу тугой пеньковой верёвкой, с руками вдоль тела, отчаянно и безуспешно пытаюсь принять более удобное положение.

- Попали, - уныло констатировал Пак.

- Ничего не понимаю, - сокрушённо присоединился к разговору я. – Надеюсь, они нас не сожрут? Только этого по концовке не хватало.

- А разве в этих краях водятся людоеды, кто-то в курсе? – недоверчиво переспросил не на шутку встревожившийся Миша.

Сгрудившиеся на площади ребяташки в цветастых нарядах развлекались тем, что отчаянно дразнили нас вода большими пальцами поперёк горла и выразительно облизываясь, увы, словно бы не оставляя никаких сомнений относительно намерений взрослых.

- Где это мы? – проснувшийся Азамат, зевая во всю пасть, пытался сориентироваться в окружавшей нас фантасмагории.

- Боюсь, что в гостях у людоедов, - мрачно сообщил Ринат и с чувством оскорблённого судьбой достоинства презрительно сплюнул сквозь зубы.

- Лучше бы я остался в гостях у красных кхмеров, - обречённо протянул Азамат.

- Да какие людоеды, вы что? – не выдержав, возмутился Пак. – Это местные дехкане, наверное, они бакшиш за наши головы хотят добыть. Вот и всё. Ну что вы сочиняете!

- Да, это они... Людоеды, - словно бы нарочно издеваясь над Мишей, нервничавшим у него за спиной, повторил Ринат. – Причём если они сыроядные, то на закате они примутся рвать нас на части вживую.

Он подмигнул нам с Азиком и, высунув язык, скорчил такую уморительную гримасу, что, несмотря на тяжёлую минуту, мы все втроём невольно захихикали.

- Бред... Нашли время щериться, - Пак смачно втянув носом воздух, отхаркнул свою слизь на пыльную землю и от дальнейших попыток поддержать разговор воздержался. Ребяшня сразу принялась громко харкать на землю, пожалуй, чрезмерно усердствуя в подражании Мише Паку.

Миша попытался зыркнуть на туземную детвору как можно более грозно, чтобы отогнать их от нас, но в ответ в него полетели комья грязи.

8.

Тем временем местные жители соорудили импровизированные трибуны на дальнем конце площади, напротив наших «столбов позора». В ход пошли соломенные кресла, самодельные, грубо отёсанные деревянные табуреты из дома, походные складные стулья из брезента. Посередине возвышался самый настоящий трон, покрытый позолотой, с резной спинкой, инкрустированной фальшивыми драгоценными камнями, и ручками, украшенными массивными набалдашниками в виде оскалившихся тигровых голов. Народ всё стягивался на площадь, заполняя свободное пространство, торопясь занять удобные места поближе к трону, но с выгодным обозрением. Они обсуждали нас, тыча пальцами в нашу сторону, шутили друг с другом, смеялись. Постепенно их галдёж стал таким громким, что нам самим приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. При этом их добродушные

ухмылки и беззлобные, отнюдь не свирепые лица внушали надежду, что весь этот фарс скоро кончится и нас отвяжут.

Но вот на середину между нами и почтенной публикой выбежал полуголый охотник с одним из наших автоматов АК-47 в руках, и все немедленно стихли. Охотник разразился целым потоком гортанных воплей на своём диковинном наречии, потрясая автоматом, зажатым в обеих руках в нашу сторону. Придав своему пронзительному голосу трагичные интонации, он, судя по всему, в чём-то обвинял нас, укорял и порицал. Задрав голову, он обращал какие-то страстные призывы и мольбы к небу, но лишь затем, чтобы вновь обрушиваться на нас со своими гневными филиппиками. Видимо его речи находили живой отклик в сердцах слушателей, судя по тому какой одобрительный гул поднимался всё громче при каждой его экзальтированной тираде. Он подсказывал к каждому из нас, обращался к нам с какими-то риторическими вопросами лишь затем, чтобы в деланном ужасе отпрянуть, как бы получив в нашем молчании некий само собой разумеющийся отвратительный ответ. Искусственно накрутив себя до состояния близкого к истерике, он вернулся к публике, встал к нам спиной и вдруг начал палить в небо из автомата. Это продолжалось до тех пор, пока он не расстрелял весь рожок. И тогда со стороны границы с лесом, из глубины узкого проулка деревни показалась целая процессия полуобнажённых охотников, вооружённых длинными копьями. Они шли под ритмичный бой тамтамов, на которых искусно играли подростки в красных тюрбанах, выстроившиеся по всему периметру центральной плазы.

Посередине шествия, в окружении всех этих обильно татуированных торсов, шёл местный царёк. Это была исключительно примечательная личность. В отличие от традиционно наряженных жителей деревни и охотников в набедренных повязках, он носил современную одежду, хотя и выглядел при этом несколько несуразно. Его экзотический в здешних условиях туалет состоял из новёхонького люминесцентного костюма «адидас торшн» кричаще красного цвета, полностью расшнурованных рыжих ботинок «катерпиллар» и белоснежной ковбойской шляпы «стетсон», заливхватски надвинутой на глаза. На шее у него, помимо щегольски завязанного галстука-боло с ярко-жёлтой латунной блямбой, на массивной цепи из чистого золота болтался также огромный будильник с широким круглым циферблатом, на котором ярко блестели зелёные фосфоресцирующие стрелки и цифры. Он жевал жвачку, энергично работая челюстями. За спиной у него развевалась накидка, служившая королевской мантией, которая издали показалась мне обычной шторкой для душа. Он двигался медленно, торжественно, но живое и хитрое выражение его бегающих юрких глазок, изредка показывавшихся из-под широкой полы его роскошной шляпы, когда он то и дело поглядывал в нашу сторону, создавало ощутимый контраст с его величавыми манерами.

Он, как и полагается, прошествовал к трону и чинно занял своё царственное место. Гул праздных голосов как по команде умолк, сменившись напряжённой тишиной, изредка осторожно перемежаемой тихим шушуканьем собравшихся. Охотник с расстрелянным автоматом резво шлёпая босыми ногами по чёрно-белой плитке, который не без изящества была выложена площадь, подбежал к трону, припал на одно колено и, склонив голову протянул ему обеими руками ставшее бесполезным оружие. Царёк взял автомат и задумчиво повертел его в руках, вскинул, прицелился в нашу сторону, под восхищённый гул толпы, поводит им по нам и, наконец, с удовлетворённым видом передал одному из своих подручных.

Когда он обратился к нам, мне показалось, что мне снится очередной нелепый сон – границы между явью и воображением начали как-то сами собой сливаться, становясь неразличимыми. Вождь племени, затерянного посреди бескрайних

джунглей, заговорил с нами на чистейшем английском языке с отчётливым техасским акцентом, скорее даже хьюстонским, потому что у далласцев несколько отличаются вопросительные интонации.

- Кто бы вы ни были, незнакомцы, незаконно посягнувшие на нерушимость священных границ нашей национальной автономии, вы нарушили все мыслимые правила пребывания в тысячелетнем лесу на заповедной горе наших предков. У вас нет при себе ни документов, подтверждающих вашу личность, ни виз, ни специальных пропусков или мандатов от центральных полномочных органов. Вы появились здесь не только без нашего высочайшего соизволения, но, что гораздо хуже, вы пришли на наши земли в военной форме, вооружённые до зубов холодным и скорострельным оружием известных нам стран-производителей. Один этот факт доказывает вашу потенциальную злонамеренность по отношению к жизни, чести и достоинству местного населения, равно как и к холистической интегральности окружающей среды, местного растительного и животного мира. Вы нарушили многовековую гармонию моей мирной земли. Посему мы вправе от имени исполнительной власти нашего гордого народа распорядиться вашей жизнью в соответствии с нашими установленными, древними обычаями, то есть так, как нам заблагорассудится. Смиритесь со своей участью, осознайте свою вину и облегчите душу. Хотите ли вы сделать заявление? Предупреждаю, что мы не примем лжи и неискренних заверений в раскаянии и мнимых сожалениях.

Я повертел головой. Все мои товарищи смотрели на меня, и в их взглядах сквозило вопросительное выжидание. Никто из нас кроме меня не говорил по-английски.

- О великий вождь, - сипло выдавил я из себя, но на ум мне ничего больше не приходило, несмотря на всю отчаянность сложившейся ситуации. Я прокашлялся и, вымученно улыбнувшись, всё-таки нашёл объяснение, - мы заблудились.

Вождь величаво кивнул и начал о чём-то вполголоса совещаться со своими приближёнными. Потом он слегка сдвинул свой стетсон на затылок и сказал:

- Ты утверждаешь, незнакомец, что вы забрались в самую глубь необитаемых и непроходимых лесов Центрального нагорья по чистой случайности? Подожди минутку. Дай-ка мне перерывчик. Да ты хоть понимаешь, что это звучит как полный нонсенс? - когда он говорил всё это, глаза у него были смеющимися, и это невольно придало мне надежды.

- Извините нас, - взмолился я. - Мы больше так не будем.

Вождь расхохотался при этих словах так, что долго не мог остановиться, до тех пор пока ему не пришлось утирать невольно проступившие на глазах слёзы. Некоторые приближённые царька подобострастно захихикали вместе с ним, хотя, судя по их виду, они совсем не понимали о чём идёт речь.

- Если это правда, а мне хочется верить, что это правда, как бы несуразно она ни звучала, - наконец, сказал он, немного успокоившись и протерев глаза изящным батистовым платочком с вензелями, - тогда вы для нас будете заблудившимися странниками, и мы должны будем принять вас по всем правилам гостеприимства нашего древнего народа. Но! Перед этим вы должны будете смыть оскорбление, которое вы нанесли нам и духам наших предков, когда ступили на наши земли со смертоносным оружием в руках.

При этих словах он сделал многозначительную паузу. Глаза всех туземцев и три пары глаз моих друзей были устремлены на меня - так, словно теперь от меня одного зависела наша дальнейшая судьба. Но я опять растерялся и не знал, что путёвого можно было ответить царьку на его велеречивые, снисходительные увещевания.

- Говори, о великий вождь, - наконец нашёлся я. Царь удовлетворённо кивнул.
- Вы должны будете стать на колени и просить прощения перед моим народом и перед духами наших предков. После этого мы окажем вам должное гостеприимство, а завтра на рассвете дадим вам проводника, который выведет вас, куда вы пожелаете.

IX. МАНА

1.

У меня словно гора упала с плеч при этих словах, я как будто снова ожил и воспрянул духом. Казалось, что было проще? Как только я подтвердил согласие от лица своих товарищей, нас немедленно освободили от пут. Перед нами на землю поставили статуэтку с изображением бога земли и домашнего очага, перед которым воскурили благовония. Я встал на колени напротив этого диковинного изваяния из крашеного дерева, за мной моему примеру последовали Миша и Азик, но неожиданная заминка произошла с Ринатом. Он невозмутимо стоял у своего столба, в позе Наполеона, скрестив руки на груди и выставив вперёд левую ногу и откинув голову назад, как бы находя уместным созерцать одни лишь звёзды. Когда царёк поинтересовался у меня, в чём дело, я попытался, как мог, объяснить Ринату, что от нас требуется и что от этого зависит, но он проявил совершенно непостижимое и самоубийственное упрямство. Он лишь покачал головой и горделиво проронил:

- Не могу. На мослы не встану никогда, пусть уж лучше сожрут, так и скажи ему.

Когда я старательно перевёл его фразу, я вызвал у смешливого царька очередной взрыв неподдельного веселья. Он даже рассказал о нашем диалоге своим соплеменникам и те дружно присоединились к его раскатистому хохоту. Ринат мужественно сплюнул сквозь зубы и, не поведя бровью, продолжал стоять как глыба в своей горделивой позе.

- Мы не едим людей, в отличие от наших родичей с дальних островов Полинезии, - прозаично сообщил вождь, слегка успокоившись. – А ты объяснил своему другу, что он нарушил древние табу? Скажи ему, пусть попросит прощения, хотя бы стоя, и сохранит свою жизнь.

- Извянки, - буркнул Ринат. – Не обессудьте.

Потом, когда мы все произнесли ритуальное “Sorry”, деревянному божку налили в рюмку водки, а в кулачок засунули дымящуюся сигарету. Образовавшаяся до этого благоговейная тишина внезапно взорвалась ритмичным боем тамтамов и тимпанов и пронзительными завываниями флейт и деревянных гобоев, слегка смахивавших на закавказские зурны. Голые охотники в набедренных повязках сошлись в круг, воткнули свои копья, украшенные у наконечников ярким оперением, в землю напротив столбов и теперь ритмично двигались, то сужая, то расширяя этот свой круг. По команде вождя, они вдруг дружно, хором, закричали, высокими голосами быстро и часто закрывая и открывая рот ладонью, как индейцы из югославских фильмов, потом схватили свои копья и одновременно метнули их в деревянные столбы, к которым до этого были привязаны мы, причём с потрясающей, жуткой меткостью они сразу же превратили их в некое подобие ошестинившихся дикобразов.

Но вот «тимпаны» и «зурны» смолкли и в мигом расступившийся круг раскачивающейся походкой, вразвалочку, вошёл невысокого роста щупленький

подросток. По-видимому, это был сын царька, потому что он был также одет по-современному, в спортивный костюм, кроссовки, бейсболку – всё красного цвета, правда, в отличие от отца, производства фирмы «Найк» – и несоразмерные солнцезащитные очки в пол-лица, то и дело съезжавшие у него на кончик носа. На плече он нёс допотопный кассетный магнитофон «Sanyo», типа «бумбокса», с двумя встроенными огромными круглыми колонками. Во вновь наступившей благоговейной тишине, он нажал на клавишу «воспроизведения», и из динамиков полился залихватский мотивчик песни “Fight the Power” американской хип-хоп группы “Public Enemy”.

К нашему изумлению, в этот момент в самый центр круга выскочил сам царь. Точнее, он даже не совсем выскочил, а буквально выкатился, «колесом», как акробаты в цирке. Он прошёл таким манером по всему кругу, затем резво вскочил на ноги и начал выделять самые замысловатые па, отчаянно дёргаясь всем телом, не хуже чёрных танцовщиков Дженнифер Лопес из программ MTV. Но это было ещё не всё. Когда он достаточно разошёлся, он, весь как был, в своей шляпе, туго перевязанной тесёмочкой на подбородке, с цепями и будильником на шее, прыгнул на руки и, перейдя в партер, выдал целый набор первоклассного брейк-дэнса, завершив свой номер «геликоптером», вращая ногами в воздухе со стремительно нарастающей скоростью. Охотники племени восхищённо ассистировали, ритмично переминаясь с ноги на ногу и хлопая в ладоши. Всё это начинало до боли напоминать субботнюю дискотеку в сельском ДК какого-нибудь из многолюдных райцентров алма-атинской области.

2.

Когда вождь племени торжественно удалился под бурные и продолжительные овации, вновь послышался ритмичный бой тамтамов. Пока женщины выносили из домов заранее заготовленные угощения и накрывали длинные общие столы в тенистых беседках с топчанами на аллее за площадью, мужчины выходили в центр площади, чтобы помериться в ловкости, меткости и силе. Начались показательные состязания по стрельбе из луков и духовых трубок, по метанию дротиков и копий. Несколько туземцев шустро натянули канаты между четырьмя столбами, к которым мы до этого были привязаны, превратив эту площадку в импровизированный ринг.

Мы сидели на скамеечке под раскидистой сенью высоких пальм и потягивали через трубочки кокосовое молоко в компании того подростка в «Найках», царского сына, маленького принца. Пацан с труднопроизносимым местным именем, бегло общался по-английски, с таким же хьюстонским акцентом, как и у папаши. Выяснилось, что царская семья владеет шикарной четырёхкомнатной виллой с двумя ванными и бассейном в хьюстонском Бэйтауне. Отец получил эту недвижимость вместе с пожизненной пенсией от Госдепартамента США, «за неоценимые услуги перед американским народом» во время войны во Вьетнаме. Попросту говоря, судя по всему, когда началась война, вождь быстро осознал все выгоды стратегического положения «земли предков» его племени на труднодоступном плоскогорье, среди непроходимых джунглей и сколотил на нём целое состояние, сотрудничая со штатовскими спецслужбами во время проведения спецопераций.

Однако, после тридцати лет проведённых в Америке, царская чета вдруг начала испытывать неизъяснимую ностальгию по родным краям. Их удерживало в Америке только нежелание сына возвращаться на родину, ради того чтобы жить

первобытной сельской жизнью в джунглях, а также его учёба в средней школе. Правда, в конце концов, даже его сопротивление было сломлено настойчивыми уговорами. Кроме того местные подростки из Хьюстона, выходцы из Юго-Восточной Азии, начали втягивать его в банду Indochina Boyz. Вместо «прописки на районе», его хорошенько избила толпа подростков, да так, что он угодил в больницу с сотрясением мозга. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения родителей. В итоге, они бросили всё имущество и вновь прибыли сюда.

Они нашли своё племя в плачевном состоянии, в нужде, обложенным непомерной секретной данью со стороны коррумпированных партийных чиновников из далёкого райцентра. Зачем и почему они должны были платить эту дань никто толком объяснить не мог. Царёк живо взял ситуацию в свои руки, подключил свои связи и вскорости вывел свою деревню к небывалому процветанию. Коррумпированные чиновники отправились под суд, а древнее племя «хмын», зажило припеваючи, наладив своё традиционное натуральное хозяйство, а также коммерческие связи с другими народностями и селениями через регулярное проведение региональных ярмарок, ежеквартально организовывавшихся по инициативе царька в различных доселе изолированных селениях, разбросанных по всему плато.

- Так вы кто – кхмеры или вьетнамцы? – спросил я. – Что это за народность «хмын»?

- Мы древний народ «хмын», - гордо ответил подросток. – Относимся к большой австронезийской семье отважных охотников, воинов и мореплавателей. Наши родичи, с которыми мы говорим на похожих языках, покорили полмира, расселившись по всему полушарию, от вьетнамского плоскогорья до далёких Гавайских островов и французской Полинезии посреди Тихого океана. Вы сами-то кто, не пойму, монголы или китайцы?

- Мы казахи, - гордо ответил я, поддразнивая мальчишку. – Относимся к большой тюркской семье отважных охотников, воинов и землепроходцев. Наши родичи, с которыми мы говорим на похожих языках, покорили полмира, расселившись от Северного Ледовитого океана до Средиземного моря.

- Уважаю, - важно кивнул заметно впечатлённый пацан.

Общаться по-английски с иностранцем доставляло парню огромное, видимое удовольствие. Несмотря на то, что после возвращения его семьи прошло уже несколько лет, его по-прежнему тяготила натуральная жизнь на лоне природы, он тосковал по Америке и по западному образу жизни. Единственными его отдушинами стали американское телевидение, доступное благодаря единственной в деревне спутниковой антенне, и приставка для видеоигр. Впрочем, у его отца были совершенно определённые планы в отношении его будущего – сын должен был сменить его на престоле и возглавить народ красных хмынов, хотя парнишка пока не чувствовал никакого влечения к своему богоданному монаршему призванию.

- Кстати, объясни мне, что у вас сегодня за праздник? Какой повод? – поинтересовался я.

- Повод такой, что один из юношей нашего племени сегодня отправляется в Последний путь любви.

- А что это значит – что это за последний путь?

- Видишь ли, чужеземец, мы представляем народ «хмын», - пояснил парень. – Но наше племя называется «красные хмыны». Так вот, «красные хмыны» свыше шести тысяч лет – тому есть археологические подтверждения – живут на этом земельном участке, в этой самой расщелине под этим самым водопадом и занимаются, охотой, рыболовством, собирательством и земледелием. Между прочим, интересный, хоть и малоизвестный факт – хмыны начали возделывать землю и выращивать своё

пропитание, то есть заниматься так называемым вегетативным воспроизводством, ещё до начала неолитической революции на Ближнем Востоке. И точно так же, как мы живём здесь, на северном склоне горы Дион, примерно в тридцати километрах отсюда, живёт род «чёрных хмынов». Они тоже свыше шести тысяч лет возделывают землю на своём склоне, хотя почва у них несколько иная и соответственно методы её обработки, виды злаков и способы их приготовления у них несколько отличаются. Но самое главное – они издревле шьют одежду чёрного цвета, в то время как мы испокон веков носим красное.

3.

В этот момент на ринг вышло два бойца. Они были в одних набедренных повязках, как охотники, только руки их были перебинтованы лентами из специальной, довольно грубой на вид материи, возможно, из пеньки или хлопка. Прозвучал гонг и они сошлись в схватке. Зрелище было довольно интересным – больше всего напоминало смесь бирманского бокса и борьбы қазақша күрес.

- Продолжай, - попросил я маленького принца, заморожено следившего за бойцами с той минуты, как они вышли на ринг.

- О чем я? Ах, ну да. По сути, мы как бы один народ с «чёрными хмын». У нас один и тот же язык, одни мифы и сказания, одни поверья и, скорее всего одни предки. У нас очень много общего, несмотря на то, что мы разделились с ними свыше шести тысяч лет назад. Единственное, что нас разделяет – это цвета. Они издавна используют другие красители в своём текстильном ремесле, при изготовлении своих одежд. Поэтому у нас действует очень чёткая, хоть и сложная, система взаимодействия между нашими племенами. Это целая наука, состоящая из ритуалов с самым глубоким подтекстом, согласно которому мы представляем собой два разных противоположных природных начала, подобно жару и холоду. Как вести себя при встрече с ними, как приветствовать, как поклониться, с какой стороны сидеть на чайной церемонии, в общем, всё, практически всё регулируется жёсткой наукой ритуала. Общим правилом является, по возможности избегать всяких контактов с ними, не смотреть им прямо в глаза, только искоса или исподлобья, обращаться к ним в третьем лице. Но самое главное табу – это запрет на брачный союз между представителями наших племён. Тем не менее, изредка наши юноши и девушки влюбляются в кого-нибудь из чужого, противоположного рода.

- Насколько редко такое случается?

- Крайне редко, - он пожал плечами.- Может случиться раз в сто-двести лет, а иногда раз в пятьсот, а то и тысячу лет.

- И что же тогда происходит?

- Это не является частью традиционного канона «красных» и «чёрных хмынов», потому что философы и законники, составившие в незапамятные времена этот канон, не хотели, чтобы даже мысль такая появилась хоть у кого-нибудь в голове. Но когда такое всё же случается, такие юноша и девушка назначают друг другу свидание и уходят в Последний путь любви.

- Это что значит?

- Ну, они встречаются в условленном месте, посреди джунглей и вместе начинают искать ядовитые ягоды «винь-мау», а когда они их находят, они кормят ими друг друга и умирают рядом друг с другом. Их никто не хоронит, и они становятся добычей хищников, или падальщиков – гиен, шакалов или диких свиней. Их останки наводят на обитателей наших деревень священный ужас и трепет, если они им попадают в лесу.

- Как грустно, - промолвил я, действительно находясь под довольно тяжёлым впечатлением от его рассказа. – Но почему эти юноша и девушка, если они так любят друг друга, не могут просто уйти из этих джунглей, перебраться в другую деревню, или даже лучше в город, спокойно жениться там и жить как все люди?
- Исключено, - он покачал головой. - Они никогда не сделают этого. Нельзя.
- Ну, хорошо, а почему бы им не попытаться выжить, добыть пропитание, хотя бы просто не побыть вместе в лесу. Почему они сразу начинают искать яд?
- Да потому что они обречены. Нарушив самое священное табу, они становятся как бы проклятыми. Любой, кто их встретит, может их убить, и скорее всего так и сделает, причём это не будет считаться преступлением.
- Как же он узнает, что они нарушили самое священное табу?
- По одежде, как же ещё?! – принц искренне удивился моей несообразительности. – Один из них будет в красном, другой в чёрном. Таких пар нет и не должно быть в природе!
- Так кого же из ваших мы сегодня провожаем в последний путь?
- Вон того, - он показал мне на одного из молодых людей, игравших на тамтамах у кромки деревьев.

Это был обычный молодой человек, ничем не отличавшийся от своих собратьев по клану. Он вдохновенно отбивал обеими руками замысловатый ритм на тамтаме, но его бледное лицо при этом казалось несколько отстранённым, словно бы, впад в экстаз, он уже бродил по тенистым аллеям потустороннего мира руку об руку со своей суженой. Согласно рассказу принца, он повстречал «чёрную хмынку» на одной из ежегодных ярмарок и, случайно встретившись с ней взглядом, был поражён в самое сердце. С тех пор он начал тосковать о ней, тщательно скрывая свой любовный недуг от соплеменников, но в итоге, каким-то одному ему ведомым способом сумел объяснить своей избраннице в любви. Она ответила ему взаимностью, после чего они решили открыться каждый перед своим племенем, чтобы затем отправиться в Последний путь любви.

4.

В этот момент маленький принц отвлёкся, потому что один из бойцов на ринге добился полного преимущества над соперником. У него был очень приличный, внезапный лоу-кик, благодаря которому его соперник уже едва стоял на ногах и был вынужден искать спасения в клинче. Но в ответ первый боец теперь обрабатывал противника коленями, и тот вот-вот должен был рухнуть на землю, казалось, он держится чудом. Вот, он попытался возобновить контратаку и провести бросок через бедро. Нет, первый боец был начеку и, воспользовавшись этим, захватил и начал заламывать его правую руку. Все зрители смолкли и наблюдали за зрелищем, затаив дыхание. В наступившей тишине отчётливо раздался неприятный хруст сломанной кости, сопровождаемый истошным криком, полным мучения, и вот уже первый боец скачет по рингу под восторженный рёв толпы, а второй корчится на земле.

Миша вскочил и бросился к жертве на помощь. Судя по всему, никому из местных уже не было дела до проигравшего, который к тому времени уже потерял сознание. Осмотрев странно изогнувшуюся сломанную руку, Миша сбегал к аллее, нашёл толстую ветку и вернулся к бойцу. Размотав окровавленные ленты на его руках, он тщательно наложил шину и обездвижил конечность. Вокруг них собралась толпа любопытных во главе с местным шаманом – догадаться о его ремесле можно было по многочисленным шкуркам и лапкам зверьков и медным зеркальцам,

которыми были увешаны его длинный просторный балахон и аляповатый головной убор, вроде длинного красного фригийского колпака, а также по бубну, подвешенному к поясу. Он важно что-то провозгласил на своём языке, очевидно впечатлив всех своих слушателей. Потом он повернулся, показал рукой на нас, прибавил что-то ещё, и во главе всей толпы двинулся к нашей скамейке. Встав напротив Рината, он смерил его взглядом, и опять поведал нечто важное и удивительное, судя по восхищённым лицам аудитории. Я взглядом спросил у принца в чём дело.

- Наш великий шаман, Арики, сказал, что тот ваш друг, что лечит бойца очень хороший лекарь и воин, но что самый лучший воин из вас это он, - он ткнул пальцем в Рината, горделиво расправившего плечи при этих словах. - Потому что по пути к нам он боролся с коброй, крокодилом, питоном и победил. Более того он победил даже ки-нхонга, священного зверя «чёрных хмынов» – это их тотем, они его чтут, поклоняются ему и приносят жертвы. Это доказывает, что он избранный, что на него ещё в далёком прошлом снизошла «мана», наша высшая, божественная сила.

- Откуда он всё про него знает? – удивился я.

- Наш шаман Арики всё про всех знает, - пожал плечами принц в бейсболке. – Он читает по глазам и по жестам.

- Вообще-то с питоном, если уж на то пошло, мы боролись все вместе.

- А кто начал?

- Да, кажется, вы правы, начал он, потому что змей сожрал его ручную мартышку.

В этот момент раздался неприятный крик на местном наречии громкий и пронзительный. Это боец-победитель с ринга, крайне раздосадованный тем, что внимание всех зрителей переключилось с него на нас, выкрикнул что-то, видимо, либо оскорбительное, либо вызывающее в наш адрес. Когда он снова привлёк таким образом к себе всеобщее внимание, он прибавил выразительную тираду, также оказавшую впечатление на всех присутствующих.

- Он говорит, что вызывает вашего великого воина сойтись с ним в схватке и обещает нашему народу победить его, - перевёл принц.

Надо сказать, что Ринат заметно растаял от внезапно посыпавшихся на него похвал и комплиментов, и от внимания, которым его столь неожиданно окружили. Поэтому, услышав вызов и усилием воли согнав тень недовольства, невольно пробежавшую по его лицу, он презрительно сплюнул сквозь зубы, поднялся на ноги со скамеечки и кивнул, принимая бой.

Он спокойно дал перевязать себе руки красными пеньковыми лентами, пролез между канатами, вышел на ринг и слегка поклонился противнику. Держался он спокойно, с достоинством. После гонга, он занял боксёрскую стойку и начал профессионально двигаться вокруг туземца, как бы примеряясь к нему. Соперник воспользовался этим, чтобы поиздеваться над Ринатом. Сначала он вообще ничего не делал, потом стал демонстративно подзывать его к себе приглашающими жестами, после чего вообще лёг перед ним на ринг и снова вскочил. Местная публика была в полном восторге от его выходок. Ринат не реагировал, заходя то слева, то справа, изредка делая обманный выпад – он следил за предыдущим боем и примерно знал чего ждать от такого бойца. Тем не менее, вскоре он был заметно огорошен его коронным лоу-киком, затем вторым, третьим. На икроножных мышцах ясно проступила краснота от ощутимых, сильных ударов.

Наконец, Ринат выбросил джеб левой рукой, но не достал, потом сразу ещё один и опять не достал. Вёрткий соперник мастерски уходил от ударов и контратаковал лоу-киками, да так, что у Рината уже подкашивались колени. Тем не менее, он упорно продолжал выбрасывать джебы, до тех пор, пока и в самом деле не

зацепил его, и тогда, только зацепив, он сразу провёл ещё и мощный свинг в скулу с полного размаха. Убедившись, что соперник потрясён, он в свою очередь сам выдал мощный лоу-кик, заставив местного бойца рухнуть на колени. Правда, тот, сразу перекувыркнувшись и откатившись подальше, вскочил и выдал нечто невообразимое – в высоком отчаянном прыжке он обхватил Рината за шею ногами и повалил на землю, где начал жестоко пережимать его горло своими накачанными бёдрами. Ринат защищался интенсивно, но хладнокровно и планомерно – не без труда просунув руку между своей шеей и обвившими её ногами противника, он начал постепенно ослаблять его мёртвую хватку, поворачиваясь корпусом и разжимая тиски, в которые попал. Когда ему удалось протиснуться головой и плечом, он, затрачивая недюжинную силу, практически выкладываясь полностью начал медленно вставать, чтобы просто стряхнуть противника, как цепкого клеща. Ему в этом помогли не столько технические навыки, сколько чисто физическая сила.

Впрочем, его врага это нисколько не смутило. Оказавшись в положении стоя на руках, он совершил очередной зрелищный кульбит и вновь попытался уронить Рината своим фирменным лоу-киком. Но на этот раз Ринат был начеку и поднял ногу коленом вверх, встретив удар. Туземец вскрикнул от мучительной боли. Неудачно попав в этот импровизированный блок, он, если не сломал, то сильно расшиб свою большеберцовую кость. Это было видно из того, как он сразу захромал на правую ногу. Воспользовавшись моментом, Ринат зрелищно пнул его с разворота в грудь. Это бы рискованный, но красивый ход, толпа взорвалась возгласами одобрения. Однако его оппонент, не унимаясь, бросился Ринату прямо в ноги, пытаясь обхватить их руками и повалить его, выполнить тэйкдаун, возможно, чтобы затем снова попытаться придушить его каким-нибудь необычным, одному ему известным способом. Но и в этот раз Ринат встретил его – причём коленом аккуратно в висок. В этот раз туземный воин рухнул замертво носом в пыль и, распластавшись посреди ринга, застыл там, больше не подавая признаков жизни. Местная публика взорвалась бурными аплодисментами. Поздравить Рината на ринг вышел сам царёк племени – оказывается, шаман Арики сходил за ним и позвал его поглазеть на диковинный бой.

5.

- Вы с вашим великим воином сегодня будете ночевать у нас, - сообщил мне принц. - А ваши друзья – в доме моих тёти с дядей.
- Угу, - согласно кивнул я.
- Только предупреди их, что мои кузины несовершеннолетние и вообще наших женщин им трогать нельзя.
- Да они и не будут, с чего ты взял, - возмутился я.
- С того, что мои кузины сегодня ночью сами придут к ним в постель спать вместе с ними, - пояснил принц. - Это у нас традиция такая
- А может не надо? - спросил Миша, когда я ему перевёл.
- Надо, - безапелляционно отрезал маленький принц. - Согласно обряду, если не оказать чужеземцу должное гостеприимство, хранитель домашнего очага отвернётся от хозяев, и целый год у них не будет удачи в начинаниях. Поэтому дочери хозяев обязательно спят с чужеземцами, чтобы их сон у нас был добрым.
- А что будет, если чужеземец всё-таки прикоснётся к ним? - лукаво поинтересовался Азамат, которого эта перспектива видимо обрадовала. - Вдруг им понравится?

- Тогда у этого столба на рассвете ему отрежут его мужское достоинство серпом для кошения травы. У нас как-то уже было такое, я видел своими глазами. Кровищи так много хлестало, целое море, пока там не прижгли.

Лукавая ухмылка медленно сползла с лица Азамата. Миша заметил это и понимающе похлопал его по спине, мол, «держись, друг». Смеркалось и кривые неровные улочки селения осветились огнями факелов, искусно прикрепленных к своеобразным фонарным столбам, вроде тех, что стояли на площади. Состязания к тому времени закончились и по всей деревне начали накрывать обильную трапезу. На центральной площади установили нечто вроде длинного свадебного стола, покрытого красной скатертью и буквально ломившегося от угощений и экзотических яств. Помимо этого столы поменьше накрывались у домов, в проулках, у крылечек – гуляла вся деревня.

Нас действительно развели по разным домам. Мы с Ринатом удостоились чести быть принятыми царской семьёй. Его особняк с роскошным видом на водопад располагался в сторонке от селения, на берегу естественной тихой заводи. С виду это был обычный деревянный дом, покоившийся на девяти стройных рядах свай. Антаблемент на фасаде был украшен фризом с резными изображениями хищных зверей, сказочных демонов и всё теми же узорчатыми завитушками в австронезийском стиле. Но больше всего он отличался внешне от других домов деревни, пожалуй, своими размерами – он был значительно больше остальных – да ещё огромной спутниковой тарелкой на крыше. Перед входной дверью была разбита просторная веранда из бамбука, к которой вела декоративная лесенка. При этом внутреннее убранство дома поражало своей современностью. Входя внутрь, ты словно бы попадал из неолита в XXI век.

Мы не без удовольствия развалились в комфортабельных креслах перед плазменным телевизором. Маленький принц включил нам канал Sky Cinema, по которому шёл фильм «Крепкий орешек», где тот тип ходит по Гарлему в трусах с плакатами, оскорбительными для местных негров. Вскоре к нам присоединился и сам царёк всё в том же «адидасовском» костюме, но уже без шляпы и в мягких тапочках, в виде черепашек. Он сразу прошёл к бару в стенном серванте и предложил нам по сто грамм «Джонни Уокера». Его жена, царица, довольно-таки дородная матрона с массивным шиньоном заткнутым золотыми спицами, одетая в спортивный костюм «Рибок», принесла нам ведёрко со льдом.

- Пейте, пейте, избранные люди, - царь подмигнул нам и плеснул виски и себе, ловко подхватив сразу три куска льда щипцами. – Наш великий шаман Арики сказал, что вас двоих коснулась мана – это значит, что вы теперь избранные люди и вам во всём будет сопутствовать удача.

- Как меня тоже? – обрадовался я.

- Ну конечно, - царёк кивнул. – Тебя она коснулась ещё раньше – ведь это ты привёл всех сюда.

- Ваше, гм, превосходительство, а можно поподробнее – что такое мана вообще? – поинтересовался я.

- О, мана! – с неподдельным трепетом в голосе произнёс царь. – В двух словах о ней не расскажешь. Это таинственная, чудесная сила, при помощи которой был сотворён наш мир. Души умерших посылают её на некоторых из нас. Если тебе посчастливилось её обрести, ты можешь, умело управляя ею, добиваться всех своих желаний – богатства, могущества, власти. Но ты должен быть также достоин её. Когда ты заслужил благосклонность духов, и они даровали тебе ману, а ты пренебрёг ею, духи могут разгневаются. Поэтому отныне, когда вам открылось

знание о вашей мане, вы должны чутко прислушиваться к самим себе, к своему внутреннему голосу, и он поможет вам жить правильно.

В это время из кухни пришёл шаман Арики. Он нёс в руках кастрюльку с каким-то дымящимся варевом. Пахло настоем из трав.

- Это настой из местных трав, лиан и грибов, облечённых маной, - подтвердил царёк мою догадку. - Наш великий шаман Арики годами собирал их, чтобы предложить магический напиток следующему избранному, которого он повстречает. Конечно, никто не мог знать, что это будут чужеземцы.

Шаман поставил свой котелок на журнальный столик посреди сравнительно свежих номеров GQ и Elle. Он прочёл над ним какие-то заклинания, поводил поварёшкой вдоль и вокруг него, описал этой же поварёшкой круг в воздухе, ткнул ей в нашу сторону, поочерёдно в меня и в Рината и зачерпнул зелёное варево.

- Давай, братва, подставляй тару, - сказал царь «красных хмынов» и, без спроса схватив наши стаканы с недопитыми остатками виски, подставил их под черпак шамана. - Пейте!

- Чё это за наркота? - недоумённо спросил Ринат, принимая у него свой стакан.

- Они говорят, что это волшебное зелье, которое принесёт удачу, - объяснил я.

Ринат скептически пожал плечами, но пригубил. Я тоже выпил. На вкус отдавало горечью. Кроме того, само пошло сильно воняло. Я через силу, подавляя отвращение и тошнотный рефлекс, допил его, и вдруг меня бросило в жар. По всему телу побежала жгучая волна, на лбу и на висках проступил пот. Я хотел вытереть его ладонью, но не смог. То есть, в этот момент я понял, что уже не чувствую ни свою ладонь, ни своё лицо. Осязание пропало как таковое. При этом мой слух заполонило какое-то электронное бульканье, как из старых мультиков про капитана Врунгеля, и про Тайну третьей планеты. Звук словно бы вытягивался спиралью, от низких нот до протяжного писка. Пытаясь вопросительно взглянуть на шамана с царьком, я с трудом поднял голову и никого вокруг не увидел. Одновременно, почти параллельно этому усилию, приятный прилив начал распространяться по телу, ставшему невесомым, и я вдруг испытал эйфорию, чувство подлинного блаженства, как когда внезапно обретаешь высший мир в своей душе, отпускаешь окружающей повседневности все её мелкие недостатки, выходишь из своего маленького, ограниченного микрокосма и начинаешь, как бы, парить над вселенной в медитативном осознании гармонии, скрыто присутствующей рядом с нами всегда, но недоступной для зашоренного взгляда низовых звеньев пищевой цепи, обывателей из офисного планктона. Я чувствовал себя как Абрамович на яхте посреди океана изобилия.

Всё вокруг заволочло белым туманом, и я не сразу заметил чёрную точку вдаль, которая по мере приближения принимала всё более отчётливые черты знакомого человека. Только когда он подошёл вплотную ко мне, у меня не осталось никаких сомнений - это был мой старый кореш Баха, наш бывший рулевой, печально известный главарь «алтынкольской» банды. Именно после его нашумевшего заказного убийства распалась наша ОПГ.

- Салам, братишка, - просто сказал Баха. Он был одет как при жизни в строгий тёмно-синий костюм, с цветастым, абсолютно безвкусным галстуком. - Рад видеть тебя живым и невредимым.

- Салам, Баха, - поднявшись с места, я приветствовал его двумя руками. Ко мне вернулось осязание. Его рукопожатие было до неприличия лёгким, практически *призрачным*. - Ты какими судьбами здесь?

- Да вот, раз появилась такая возможность, пришёл тебя повидать. Оттуда, - он неопределённо мотнул головой, показывая назад. - Из ада.

Признаюсь честно я невольно вздрогнул при этих словах. Мне стало не по себе. Вспомнив, где я нахожусь и что я пил, я попытался стряхнуть с себя наваждение, сказав себе, что всё это бред и галлюцинация, как вдруг в моём сознании вспыхнула страшная догадка – а что если шаман вместе с царьком «красных хмынов» напоили меня ядом, и я уже взаправду спустился в царство мёртвых, в Преисподнюю?

6.

- Так мы сейчас в аду? – судорожно сглотнув, спросил я у Бахи.
- Нет, это я там чалюсь, - горько усмехнулся он. – А тебе ещё жить да жить, да ещё и добра наживать, ведь тебя коснулась мана. Можно сказать фартануло тебе конкретно, братишка.
- Так значит всё это правда? – искренне удивился я. – По серьёзке всё?
- Безусловно, - подтвердил Баха. – За тем ты и здесь. И друг твой, алматинец. И остальные.

Он кивнул в ту сторону, где по идее должен был сидеть Ринат, я повернулся туда, и мне показалось, что в окутавшей всё вокруг белой дымке действительно смутно проступают отдельные черты его лица. Создавалось впечатление, что он находится там же и внимательно за мной наблюдает.

- Всё это не зря было, братишка, всё не зря, - повторил Баха, и в голосе его прозвучала такая неизбывная усталость, что мне опять стало не по себе. Так, наверное, должен был звучать голос Сизифа, обречённого тысячелетия напролёт катить в гору огромный камень, снова и снова.
- Как она там, Баха? Ну, там... Где ты сейчас.
- В аду что ли? – он равнодушно пожал плечами. – Да, как у вас на земле, когда срок мотаешь. Долгий. Бесконечный...
- В смысле как на пыже что ли? – уточнил я. – Вроде «Чёрного дельфина»?
- Нет, не так, - он опять усмехнулся с горькой иронией в голосе. – Не как на пыже, ведь вечное ни в чём не сравнится с пожизненным заключением. Это совсем другое.

В его голосе звучало не отчаяние и не безнадёжность, а нечто гораздо более жуткое и не поддающееся описанию. Наверное мы на земле не испытываем ничего подобного тем чувствам, что испытывают души умерших в загробном мире. Баха был полностью такой же каким я его запомнил в жизни, но при этом в чём-то он неуловимо напоминал лишь тень самого себя, безвольную и обезличенную.

- Значит, этому не будет конца, в смысле всегда-всегда будет одно и то же, - попытался прикинуть я, не только чтобы поддержать разговор, но, кто знает, может быть даже попытаться отыскать хоть какое-то утешение для своего друга, каким бы невозможным это ни казалось. - То есть, наверное, когда-то, может через сто лет, или там через тысячу лет ко всему можно привыкнуть? Тогда это не будет так мучить...
- Нет, привыкнуть к этому нельзя, - Баха отрицательно покачал головой. – Но и конец этому когда-нибудь настанет, хоть никто и не знает когда... Да, настанет конец, потому что всё сгорит... Дотла... А потом всё начнётся по новой... Снова мы с тобой познакомимся... Наверное... - тут он усмехнулся, было, но снова помрачнел. – А потом, скорей всего, меня снова завалят.
- Скажи, Баха, кто тебя убил? Это правда были «кокандские»?
- Нет, наши. Помнишь Муху? - с трудом выговорил задумавшийся было Баха, после минутной паузы. Я кивнул. - Вот он меня и порешил. Муха.

Я хорошо помнил Муху – подававший надежды кикбоксёр из алтынкольской секции «Боец». Азамат его первым увидел и привёл к нам. Баха назначил его

смотрящим за барахолкой «Гульдала». Паренёк был дерзкий, метил в боссы, да и погулять любил, пожить хорошо. После убийства Бахи он под шумок сгинул, но тогда все наши оказались, кто где. Причём общак группировки тоже канул в лету, будто корова языком слизала. Мы думали «кокандские» у Бахи отобрали, затем и укокошили.

- В то утро я завёл свой «крузак», - тихо и монотонно продолжил Баха. - Но не проехал и ста метров, как колесо спустило. Вылез посмотреть – точно, переднее. Было такое ощущение, что кто-то его длинным шилом проткнул специально, в нескольких местах. У меня по ходу ещё шевельнулось подозрение, но я отогнал. Поднялся я тогда, как ты помнишь, конкретно. Людей вокруг уже всерьёз не принимал никого. У себя в городе, на родном своём районе – да кто мне что сделает? Кто сунуться посмеет? Так думал я, и был, надо сказать, крепко неправ. До меня даже не сразу дошло, когда та «бэха» стартанула, ещё и без глушака. За рулём Талгыч сидел, тот бродяга из соседнего райцентра, с Александровки. А на заднем Муха был, с автоматом калашникова. Они под тёлок переоделись, в париках женских, накрашенные. Но я их узнал. Успел узнать. Это были последние секунды моего земного существования.

- Баха, я... - воскликнул я в порыве негодования - Я найду их и отомщу за тебя!

- Да забудь их, - он небрежно махнул рукой и тут же как то весь поплыл, начал растворяться в тонком воздухе, утрачивать всю свою кажущуюся материальность. - Забей...

Это было последнее его слово, услышанное мной в тот раз. Он полностью исчез в той белой дымке, так же внезапно, как и появился. Вскоре и сама дымка развеялась.

7.

Шаман Арики с царьком мирно посапывали в своих мягких креслах чёрной кожи напротив. По телевизору с убавленным звуком шёл четвёртый «Терминатор», тот в котором «играет» калифорнийский губернатор Шварценеггер, воссозданный компьютерной графикой. Было очень похоже на то, в каком виде я только что повстречал Баху: по видимости вроде это был он, а на деле – иллюзия, зрительный обман виртуальное существо, сотканное воображением так, чтобы напоминать кого-то знакомого из прошлой жизни.

Я повернулся к Ринату. Он всё так же, с видимым любопытством рассматривал меня. Уже светало, и первые лучи утреннего солнца пробивались сквозь густую листву деревьев за окном и противомоскитную сетку, натянутую на рамах. Алый рассвет посреди субтропического леса, смешиваясь с изумрудной растительностью, порождал непередаваемое ощущение тоски по чему-то такому же светлому и чистому, как позабытое детство, по чему-то главному, прячущемуся от нас в повседневной жизни.

Оказывается, пока я «общался» с Бахой, за этим разговором пролетела вся ночь! Тем не менее, я абсолютно не чувствовал никакой усталости, так словно бы я отлично выспался, сидя в этом кресле. Более того, отвар шамана словно бы продолжал подпитывать меня всё новыми приливами жизненной энергии.

- Интересный типок, этот Баха, - неожиданно нарушил молчание Ринат. - Это твой друг что ли?

- Так ты всё видел?! – изумился я.

- Всё видел и всё слышал, - как ни в чём не бывало, подтвердил Ринат. - От начала и до конца. Я же здесь был.

- Так это всё в натуре что ли было, не галёники, нет? – должен признать, что одна эта мысль меня уже изрядно пугала.
- Всё в натуре было, - опять подтвердил Ринат. – Я этого Баху видел и слышал, вот как тебя сейчас. Кстати, я так всё и думал про загробную жизнь. Он лишь подтвердил мои представления.
- Ну-ка, ну-ка, растолкуй-ка поподробнее. Признаться, сам-то я мало, что понял.
- Ну, во-первых, твоя жизнь здесь в этом мире влияет на то, как ты будешь жить там. Это раз, - начал Ринат. – Так я всегда и думал, а твой друг, восставший из ада, всё это только что подтвердил. Так? Так. Значит, теперь мы знаем точно, что так и есть, всегда было и будет до скончания веков.
- А что он там, кстати говорил про скончание веков, типа всё сгорит – новая смерть что ли?
- Новая жизнь, - авторитетно поправил Ринат. – Это называется палингенезис. Об этом догадывались ещё Анаксимандр, Эмпедокл, Пифагор и, в особенности Гераклит Эфесский по прозвищу «Тёмный». Он считал, что огонь – это высшая форма бытия, поэтому всё течёт, всё изменяется, но всё заканчивается, и, что ещё важнее, всё начинается в огне, в мировом пожаре. Как бы тебе сказать, огонь, он есть и в нас с тобой, только такой, тлеющий что ли. А там у них, где-то, когда-то... Он горит! Он сжигает всё, но он и вдыхает во всё его жизнь, его существование. Он то угасает – и это, к примеру, на какой-то стадии наша обыденная жизнь, то разгорается со всё большей и большей силой, и тогда его уже не остановить. Таким образом, всё, что мы видим в течение отведённого нам срока, как в этой, так и в той, иной, жизни – это лишь разные стадии разрежения и сгущения огня. Гераклит говорил, что «огонь есть душа, источник жизни, движения, питания и роста», что «огонь способен мыслить», что «огонь есть бог»...
- Ну ладно, допустим, с огнём разобрались, - нетерпеливо прервал его я. – Что дальше-то? Баха сказал, что «всё сгорит», а потом, типа, «всё начнётся по новой». Что это значит?
- Так я к этому и подвожу, - невозмутимо продолжил Ринат. – Это называется апокатастасис. О нём учил другой древнегреческий философ, более поздний – Ориген. Как бы это в двух словах... Суть здесь вкратце в том, что мучения грешников на том свете, в аду, не вечны. Когда-то разгорится вселенский пожар, и страданиям всех без исключения грешников, которые к тому времени успеют раскаяться более чем сполна, наступит конец. Ты понимаешь, в чём великий смысл этой идеи, этого гениального предположения? Предположения, которому мы, ко всему прочему только что получили наидостовернейшее подтверждение из первых рук, так сказать. Смысл в том, что у самого распоследнего негодяя где-то там в вечности, есть шанс на прощение, шанс на то, что он когда-то обретёт мир.
- Даже у Чикатило?
- Даже у Пол Пота, даже у Эйхмана. Я тебе больше скажу – сам Сатана, то есть наш, мусульманский Иблис, будет прощён и обретёт мир.
- И всё это произойдёт после мирового пожара? Или до него?
- Думаю после, - серьёзно ответил Ринат со вздохом. - В Евангелии от Матфея, Иисус, то есть наш мусульманский пророк Иса, говорит о том, что те, кто последует за ним вплоть до палингенезиса, будут восседать с ним одесную, на тронах.
- Но после пожара, что будет после? Баха говорил, что всё опять будет так же как раньше...
- Понятия не имею, что будет после. Баха и сам этого не знает. Ты заметил, что когда он говорил тебе об этом, то всё время добавлял «наверное», или «скорее всего»? Кто

знает, почему – может быть, он там в аду чалится с Фридрихом Ницше... В любом случае, думаю, это его, Бахины, персональные догадки и представления.

- Честно говоря, я просто поражён, Ринат, и сбит с толку тем, что ты всё это знаешь, - признался я. – Я был, конечно, поражён встречей с Бахой, но тем, что ты мне всё это сейчас говоришь, я поражён не меньше.

- Это как бы часть моей работы. У меня ко всем этим вопросам чисто прикладной, рабочий интерес, - загадочно ответил мне Ринат, и в его глазах вспыхнул странный огонёк. Его суровое лицо с правильными, жёсткими чертами лица, обрело глубокомысленное, одухотворённое выражение, какого я никогда прежде за ним не замечал. При этом он как-то весь сразу постарел.

Х. МИЛЛИОН ЕВРО

1.

Мы бы ещё долго с ним проговорили по душам, если бы царёк с шаманом не заворочались и не начали просыпаться, сладко зевая и потягиваясь. Полностью стряхнув с себя сон, шаман окинул нас пронизательным взглядом своих умных, колючих глаз. Потом, он что-то сказал царьку, довольно похлопав его по плечу.

- На мой дом сегодня снизошла мана, благодаря вам, чужеземцы, - будничным тоном сообщил нам царёк. – Теперь мой род будет править «красными хмынами» ещё, по крайней мере, шесть тысяч лет.

- Мои поздравления, - сказал я.

- Спасибо, - просто поблагодарил царь. – Завтракать будете?

- Будем, - сказал я. Кушать из-за неослабевающего воздействия «энергетического» отвара совсем не хотелось, но мы осознавали, что заправиться дозой протеинов перед предстоящим нам переходом было необходимо.

Хозяйка, царица накрыла на стол блюда для целой трапезы из остатков вчерашнего пиршества. Завтракали мы в её просторной, приветливой кухне, со стенами, выкрашенными в жёлтый цвет, за массивным столом из каррарского мрамора. Деревянные полки были заставлены горшочками и банками с различными экзотическими приправами и кореньями. С них свисали гирлянды острых красных перчиков и дикого чеснока. Кухня была оборудована самой современной техникой: электроплитой, стиральной машинкой, вытяжкой для дымов и запахов. Очевидно, что дом был снабжён водопроводом, канализацией Столешница, также под мрамор, была заставлена яствами не меньше, чем сам стол. В американской кофе-машине, приветливо булькал натуральный кофе из молотых зёрен. Надо сказать, дом мне в целом понравился, и я задумался о том, что если бы наши дела пошли более успешно я, пожалуй, мог бы вложить деньги в планировку и строительство элитного посёлка туземных домиков на сваях, где-нибудь в долинах Тянь-Шаня. Мы заказали себе просто яичницу с луком и картошечку в мундире. Царёк с шаманом тем временем азартно уплетали консервы “Happy Dog” – они получали их, как и прочую подобную снедь с бытовыми принадлежностями, от американского благотворительного фонда, аффилированного с Госдепом, в рамках специальной программы гуманитарной помощи бывшим союзным племенам.

После завтрака мы выдвинулись на поиски пути обратно во Вьетнам, как нам и было обещано. Нам выделили в провожатые царственную особу, самого принца. Правда, видимо, для того чтобы приглядывать за мальчишкой, с нами отправился ещё и один из взрослых охотников. Идти с проводниками по джунглям оказалось

гораздо проще и удобнее, чем самостоятельно. Они выбирали такие невидимые тропинки, благодаря которым мы, казалось, просто спокойно прогуливались по лесу, скользили сквозь туман вдоль круч, минуя выраставшие на пути уступы. В какой-то момент мы как будто бы спугнули крупную дичь в зарослях. Когда у Миши под ногой хрустнула ветка, два силуэта, едва видневшихся в просветах между деревьями чуть поодаль, панически бросились прочь, стремясь как можно быстрее скрыться с глаз долой. Один из них бы в красном, другой в чёрном.

- Это та сладкая парочка, - пояснил принц. - Нарушители табу. Хотите их убить? Вам за это ничего не будет.

- Нет, спасибо, - вежливо отказался я.

Но в жестоком мальчишке, видимо, проснулся какой-то необъяснимый кровожадный инстинкт, потому что он долго ещё о чём-то спорил с охотником, пытаясь вырвать у того из рук короткое метательное копьё из кремния с бамбуковым древком. Почтительно склонив голову, охотник, тем не менее, твёрдо отказывался, не выпуская копьё из рук. В конце концов, после довольно долгих препирательств, подросток уступил воину, и пошёл вперёд, недовольно срубая сучья и переплетения священных лиан перед собой резкими ударами мачете. Я нагнал его.

- Всё нормально?

- Да, всё окей, - пробурчал принц. - Это всё из-за вас. Он сказал мне, что раз вы их отпускаете, то пусть бегут, ведь вас двоих коснулась мана. Ну, попадутся мне они на обратном пути, я уж их не упущу.

- Зачем это тебе? - удивился я..

- Как зачем? Это ведь уникальный шанс поохотиться на самого опасного и хитрого из всех зверей - на человека! Вскоре, когда мне исполнится пятнадцать, мне предстоит пройти обряд инициации - посвящения в охотники и воины племени. Если у меня среди трофеев будет две человеческие головы, я могу стать одним из величайших охотников в истории рода. Ведь я тоже хочу, чтобы на меня снизошла мана...

- Не нужно тебе это, братик, поверь мне. Ты и без этого станешь одним из величайших охотников и воинов своего рода.

- Правда? Ты так считаешь? - воскликнул обнадёженный мной мальчишка.

- Я это знаю, потому что меня коснулась мана, - важно заверил его я. - А ты должен слушать меня и верить мне на слово.

- Ну ладно, - неожиданно легко согласился маленький принц. - Не буду убивать этих неудачников, раз ты мне это говоришь.

2.

Когда мы вышли на более-менее открытую площадку ровного плато, мы увидели как вдаль, на горизонте, засинел высокий отрог, мечтательно уходивший своей остроконечной вершиной под низко нависшие облака. Принц и охотник ритуально погрозили ему кулаком и четырежды плюнули, как можно дальше в его сторону. Когда они закончили свою пантомиму ещё одним крайне неприличным жестом, принц объяснил:

- Это гора Дион, на которой живёт племя «чёрных хмынов».

На спуске с плато в долину мы попали в самый настоящий эвкалиптовый лес: исполинские стволы, покрытые потёками пахучей смолы, горделиво устремлялись ввысь, так что терялся глаз. Высокие, как восемнадцатипятиэтажные дома в московских микрорайонах, они увенчивались на вершинах могучими кронами, похожими на капители колонн коринфского ордера. Оказавшись посреди этого причудливого

леса, я не без удовольствия вдыхал ароматный воздух, источаемый толстой смолистой корой гигантских деревьев. Здесь царил полумрак, словно в комнате сайгонского отеля, когда жалюзи на окнах приоткрыты, но не подняты. Это была совершенно особая игра бликов света, не без труда, просачивавшегося сквозь раскидистые капители крон, и теней отбрасываемых их своеобразной листвой.

Сделав привал около полудня, мы перекусили сэндвичами с тунцом, заботливо приготовленными царицей для нас в дорогу, причём проводник с принцем опять же налегали в основном на американские консервы “Happy Dog” с паштетом, вроде бы из мяса индейки. Когда мы снова отправились в путь, чисто лесистая местность уже потихоньку изменялась, там и сям перемежаясь гранитными скалами. Снова начинало потихоньку тянуть речной сыростью. Насыщенный воздух хвойного леса постепенно становился более разреженным. Кое-где попадались невысокие мимозовые деревца и кустарники с пушистыми, ярко-жёлтыми веточками. От спуска мы плавно перешли к подъёму по узкой тропинке среди становившихся всё более частыми и высокими гранитных скал.

Издали уже доносился шум очередного водопада, которых в здешних краях, как я понял, немереное количество. По мере нашего продвижения вдоль змеистой тропинки, едва заметной в густой траве, он нарастал всё отчётливее. Внезапно охотник остановил всю нашу группу и вышел вперёд задрал голову и тщательно принюхиваясь, старательно раздувая свои широкие ноздри. Он повернулся к принцу и поднёс ко рту руку, выставив вперёд большой палец и мизинец и согнув все остальные пальцы. Мы тоже попытались разобраться в гамме окружающих нас лесных запахов и вскоре сами различили так называемый «маяк», запах анаши, очень слабый, но характерный – такой сладковатый, дурманный, как в подъезде алма-атинской новостройки, его ни с чем не спутаешь.

- Это марихуана, – подтвердил принц мою догадку. – Мы вывели вас к местам, где часто водятся тэйбало.

- А кто это такие?

- Ну, «тэйбало» буквально означает – «белый человек, который ходит везде и повсюду пешком, с большим рюкзаком за плечами». Это небогатые западные туристы, как правило, студенты, или начинающие офисные работники, которые в последнее время очень любят отдыхать в наших краях. Даже в самых непроходимых джунглях сейчас стало реально наткнуться на тэйбало. Они вездесущи и всё про всё знают...

Охотник крадучись пробрался вперёд по тропинке и замер, спрятавшись за стволом поваленного дерева. Мы точно так же осторожно прокрались к стволу вслед за ним. Перед нами открылась идиллическая картина. На опушке мимозового леса, на берегу небольшого живописного водопада, стояло две палатки, между которыми был сложен костерок с подвешенным на ветке котелком, на земле были расстелены клетчатые пледы, поверх которых были разбросаны книжки, раскрытый лэптоп и шестиструнная гитара. Двое парней и девушка европеоидной наружности плескались в речке – абсолютно голые!

Охотник с маленьким принцем тем временем затеяли немую перепалку при помощи самых немыслимых жестов. Суть была более или менее понятна – маленький принц очень хотел препроводить нас до палаток, чтобы самому немного пообщаться с голыми «тэйбало», но охотник, став на время каменной стеной, ни за что не отпускал его, очевидно ссылаясь на некие веские запреты, возможно даже на сам священный канон «красных хмынов». В конце концов, маленький принц сдался. Он сказал нам, что их с охотником миссия на этом считается завершённой, потому

что «тэйбало» в любом случае выведут нас или подскажут нам, как выбраться к цивилизации. Мы обнялись на прощание.

3.

Когда мы вышли из леса и приблизились к стоянке «тэйбало», те уже вылезли из реки, надели трусы и сидя на пледах, обтирались махровыми полотенцами. Завидев группу незнакомых мужчин, вышедших из леса в изодранной камуфляжной одежде, поросших щетиной, они приветливо и радушно поздоровались с нами по-тайски, почтительно поклонившись, молитвенно сложив ладони перед носом. Я объяснил им, что мы заблудились во время экскурсии в южном Вьетнаме и уже трое суток бродим по джунглям, пытаясь найти выход. Они ответили, что уже и сами собирались сниматься со стоянки и уходить, и предложили нам разделить их скромную трапезу, после чего они выведут нас к ближайшему городу, в котором к тому же есть международный аэропорт.

Это была самая типичная современная молодёжь. У одного парня длинные обесцвеченные сальные волосы были безобразно завязаны в лоснящиеся от жира косицы, на манер ямайских «дрэд-локсов», у второго вообще полбашки было выбрито, а на макушке красовался запорожский чуб зелёного цвета. Деваха носила неопрятную, непричёсанную красную шевелюру, вела себя как парень, абсолютно без тени кокетливости, жеманства или каких-то иных типично женских повадок, хотя при этом спала, попеременно с обоими своими друзьями, по крайней мере, так почему-то утверждал впоследствии Миша Пак. Тела у всех троих были проколоты пирсингом в самых неожиданных местах и густо покрыты татуировками, причём, в отличие от циничных и жестоких синих разводов на Ринате, с их точными тюремными значениями, разноцветные рисунки, забитые на этих ребятах отражали скорее полёт фантазии и романтический склад души. Кроме того, у всех четверых ногти на руках и на ногах были выкрашены в чёрный цвет, а в мочках ушей торчали одинаковые серьги, вроде глянцево-чёрных пуговиц. Они представились и вкратце рассказали о себе. Оказалось, что все они вместе учатся антропологии и религиоведению в лос-анджелесском университете, хотя и происходят из разных стран. Саймон Ушко с чубом был родом из Санта-Моники, блондин Урс из Гётеборга, а Сара из Цюриха. При этом к учёбе своей они относились как к чему-то достаточно второстепенному. Главными своими занятиями они считали творчество и то, что они сами называли «левым активизмом». Все втроём они играли в одной и той же группе под названием «Клуб Человеколюбия к Крупным Скотам», стиль которой они определяли как «брутальный металкор со вкраплениями мелодичного дэа и веганской лирикой». Причём Сара играла на барабанах, Урс пел и играл на басу, а Саймон на гитаре.

Что же касается «левого активизма», то, как я понял, большую часть времени, свободного от занятий, они проводили на всяческих массовых мероприятиях, так или иначе связанных со злободневной социальной тематикой и протестной деятельностью. Так, например, последние пару лет, они без остатка посвятили участию в анти-банковском движении «Захвати Уолл-стрит», после чего решили сделать перерыв на несколько месяцев в Юго-Восточной Азии, с тем чтобы, отдохнув и набравшись сил, примкнуть к протестам против расизма и полицейского насилия в Фергюсоне. В данный момент, позагорав и отлежавшись на девственно-белых песчаных пляжах Сиануквилля, вся троица направлялась в лаосский Ваньенг, столицу эконом-вечеринок для праздных подростков и тусовщиков всего мира, по их же собственному определению. На вопрос, что там интересного они туманно

сослались на то, что в том местечке, якобы, самые доступные и дешёвые в мире наркотики, и что люди там сутками напролёт гоняют на резиновых баллонах по реке, пьют рисовый виски и танцуют полуголыми в окружении бесподобных карстовых пейзажей.

- А я вот не доверяю «левым активистам», - честно признался Азик. - Я считаю, что это очень опасные люди.

- Почему? – удивился Урс.

- Просто он побывал в плену у красных кхмеров, - объяснил я. - Много жути у них насмотрелся.

- Ну, мы – это совсем другое, - не согласился Саймон. - Мы против капитализма, но мы не приемлем тоталитаризм и государство вообще, в любой форме.

- Как это? – не поняли мы. – Так за кого вы?

- Мы леворадикальные революционеры и анархо-коммунисты по убеждениям! – гордо и с некоторой воинственностью в голосе ответила Сара. - Мы за то, чтобы в мире не было никакой власти.

- Это означает, что вы за беспредел что ли? За то, чтобы все могли друг друга безнаказанно грабить и убивать? – наивно изумился Азамат. - Значит вы вроде красных кхмеров – я так и думал!

- Да не бойтесь вы нас так, вовсе нет, - терпеливо объяснила Сара. - Просто мы верим, что все люди в глубине души хорошие, только нынешняя система делает их злыми и алчными, а если не будет власти ни у кого ни над кем, то всё у людей само собой образуется и всё будет по справедливости.

- Что-то трудно себе такое представить, - скептически отозвался я. - Людское общество, особенно в наше время, привыкло жить как в курятнике: «клюй ближнего, сри на нижнего». Вон, когда на перекрёстке светофор отключается, например, все так и лезут друг на дружку, полный бардак. До тех пор, пока регулировщик не придёт, или светофор не включится. Если людское общество не будет регулироваться властью и законами, каждый просто будет стремиться околпачить или уничтожить своего ближнего, вот и весь сказ.

- Ну почему вы в этом так уверены? - возмутилась Сара. – Вы же не можете знать наверняка – ведь вы же в своём отсталом Казахстане никогда в своей жизни не видели и не испытывали прямую демократию в действии, в отличие от нас. Вот мы, например, участвуя в прогрессивном движении против крупных банков «Оккупай Уолл-стрит», стали свидетелями и активными участниками того, как функционирует ассамблеарно-консенсусная форма организации общества. И это вполне может служить прообразом будущего.

- А что это значит, можно попроще объяснить? – попросил Азамат.

- Это значит, что у каждого там было право голоса, и решение должно было быть принято только после того, как все рядовые участники собрания достигнут единодушия. Точно так же будет в подлинном коммунизированном обществе, без иерархии и без государства – господствующей формой организации общества станет прямая демократия.

- Вы противоречите сами себе, - неожиданно вмешался молчавший доселе Ринат. - Вы говорите о взаимоисключающих вещах.

4.

Его голос прозвучал настолько веско, что все невольно повернулись к нему и застыли во внимательном выжидании, желая услышать, что именно он хочет заявить. Всем показалось, что он сейчас сообщит нечто существенное. Что до меня,

то я всё никак не мог привыкнуть к его обширным и глубоким познаниям в области философии. Это абсолютно не вязалось с его образом бывшего гопника, простоватого и циничного.

- Если вы коммунисты, вы не можете быть за демократию, - авторитетно объяснил он. - В философии это основная дихотомия, противопоставляющая материализм идеализму.

- Не вижу никакого противоречия, - упрямо перебила его Сара. - На наших специализированных интернет-форумах для леворадикалов все знают, что прямая демократия – это и есть коммунизм. Поэтому все левые активисты и участвуют в массовых движениях протеста и стараются подчинить их себе... То есть, я хочу сказать пытаются повлиять на массы и повести их в нужном направлении – за собой.

- Это говорит только о том, что на ваших форумах переписываются сплошные дилетанты. Я уверен, что там не встретишь мнений самых прозорливых и честных из ваших единомышленников, - терпеливо продолжил объяснять Ринат. - Демократия, как понятие, это плод эпохи Просвещения чистой воды, идеалистическая концепция, согласно которой все люди без исключения равны, и что моё, к примеру, мнение, так же важно, как мнение какого-нибудь американского конгрессмена. Это как идея стола у Платона. Такое равенство вроде бы где-то есть, где-то парит в виде идеи, а на деле его нет, никогда не было, да и быть не может. Это мистификация, предназначенная для бесперебойного управления массами, согнанными в нации и государства. На этой идеалистической концепции зиждется современное общество, против которого вы якобы выступаете. Если же вы придерживаетесь материализма, тем более диалектического, вы не можете не признавать, полное отсутствие всеобщего равенства в эмпирической действительности. Грубо говоря, есть богатые и есть бедные – это факт. Богатые пользуются бедными, и всё всегда устраивают в собственных интересах. Для этого и нужна ваша демократия.

Саймон согласно кивнул, но не стал высказываться, чтобы не перечить Саре.

- Ну и что? – опять нетерпеливо перебила Сара.

- Да то, что весь ваш левый активизм сводится к развитию демократической фикции. Мне знакомо по старинным книгам великое учение анархизма, и я его глубоко чту и уважаю. Я сам ненавижу и не признаю над собой ничью власть, - он зачем-то задрал ворот и продемонстрировал озадаченной троице вытатуированный под правой ключицей погон, как если бы это им о чём-то говорило. - Мне не по душе лишь ваше толкование. Если я правильно понял, вся ваша «активная гражданская позиция» заключается в том, что вы регулярно участвуете в каких-то массовках, когда толпы зависимых от государства людей собираются на площадях с целью добиться каких-то подачек от правящих классов, или заменить одного из своих правителей на другого. Но сколько бы лет вы не потратили на такие свои либеральные иллюзии, вы ни на йоту материально не измените господствующий порядок.

Троица беспомощно переглянулась. Урс до этого несколько раз порывался, что-то добавить, но Сара останавливала его либо властным жестом, либо пронзительным взглядом своих зелёных глаз, буквально искривившихся электрическими разрядами. Однако на этот раз, когда сама Сара на мгновение растерялась и замолчала в поисках наиболее остроумного возражения на доводы этого странного человека родом из Третьего мира, да ещё и без западного образования, осмелившегося рассуждать со знатоками о левом активизме, Урс выпалил:

- Мы леворадикальные революционеры ещё и потому что мы выступаем за рабочий

класс, защищаем права трудящихся масс.

- Точно, чувак, - сразу поддержал его Саймон.

- И как же вы их защищаете? – восторженно Азамат, невольно выдавая, насколько он равнодушен к этой теме.

- Например, несколько лет назад мы все витрины побили в магазине «Найк» в одном из городков Айдахо. Его потом закрыли!

Урс победно, с вызовом оглядел нас, так, словно бы он считал, что действительно рассказал нам о каком-то реальном достижении, о чём-то хорошем, что они построили или изготовили своими руками. Какие же они всё-таки дети!

- Вот вам настоящий рабочий класс, - сказал я, похлопав Азика по спине. – Шахтёр с двадцатилетним стажем. Правда, его уволили за участие в организации несанкционированных забастовок.

- Вау, чувак, круто! Дай пять! – вся троица поочерёдно пожала удивлённому Азамату руку, с видом неподдельного уважения. – Желаем тебе возглавить рабочее движение в твоей стране и привести её к социализму!

- Нет уж, спасибо, мне бы лучше работу найти, - помотал головой Азик.

- Или денег побольше, - добавил я.

- А причём здесь, что вы бомбанули «Найк»? – не понял Ринат. – Вы в смысле штопорите что ли? Лавки вставляете?

- Это же наша классовая борьба, чувак! – живо ответил Саймон, донельзя довольный тем, что отыскался аргумент, доказывающий резонность и аутентичность взглядов группы. - Тем самым, мы сделали вклад в закрытие их «потовыжималок» в Сайгоне. В этих ужасных ателье детей заставляли работать за пятьдесят долларов в месяц.

- И обрекли их этим на жизнь в нищете, попрошайничество или голодную смерть, - задумчиво проговорил Ринат.

- То есть? – не понял Саймон.

- Пятьдесят долларов в месяц в этой стране – большие деньги. Вы сами прекрасно об этом знаете, ведь именно поэтому вы и другие «тэйбало» наводнили в последнее время этот регион – вам здесь хорошо живётся за копейки, не правда ли?

- Ну, допустим, - нехотя признал Саймон.

- Предполагаю, что вам кто-то посоветовал разбить витрины магазина?

- Не, ну просто в «Найке» как-то принято бить витрины... Ещё в «Старбакс» и «Макдональдс», - появившись, неуверенно ответил Сай.

- Вы разговариваете, как типичные пешки в чьей-то игре, которые даже не знают своих кукловодов – к примеру, это могут быть крупные профсоюзы вашей страны. Ведь впоследствии, наверняка ваши действия получили освещение в прессе и привели к конкретным материальным итогам: к выводу производственных мощностей из развивающихся стран и их возвращению на родину, чтобы вдохнуть новую жизнь в очередной депрессивный «Ржавый пояс». - зачем-то ввязавшись в этот спор, Ринат говорил все эти нелицеприятные вещи совершенно бесстрастным голосом, что должно было лишь выводить его оппонентов из себя ещё больше. – Наличие обширного пула дешёвой рабочей силы – одно из базовых конкурентных преимуществ этой страны на глобальном рынке, где как вы знаете, игра идёт жёсткая, особенно для новичков. Поверьте, я не сторонник этой модели общественного устройства, и говорю вам всё это лишь в качестве постороннего наблюдателя, для объективности, так сказать. Если лишить бедные страны инвестиций и собственной мелкой доли во всемирном разделении труда, их перспективы когда-либо достичь уровня жизни, сравнимого с вашим отодвигаются на многие поколения вперёд, тому есть примеры в Африке. Таковы правила. Они действуют для всех. Низкие зарплаты – необходимый этап в развитии их

национальной экономики, этим же путём до них прошли азиатские «тигры», новые индустриализированные страны, где среднее благосостояние населения значительно повысилось за это время. Добившись закрытия этих «потовыжималок», как вы говорите, в Сайгоне, вы лишили этих самых детей единственного источника пропитания для них самих и для их семей, Вы просто помогли и дальше жить сыто и спать сладко их конкурентам, своим соотечественникам, которым платят за ту же работу в сто раз больше. То есть, исходя из результатов, с вашей стороны это не классовая борьба, как вы говорите, а обыкновенный национализм, или протекционизм. Заметьте, я вас не осуждаю, это нормально для западных студентов из среднего класса, просто мне хочется внести некоторую ясность.

Только выговорившись, Ринат осознал, что никто его не понимает, потому что я перестал переводить.

- Что? Что он говорит? – нетерпеливо спросила Сара.

- - Извините, ребята, но у моего друга такие глубокие мысли, что я их сам с трудом понимаю, - объяснил я. – Боюсь я не смогу всё это правильно перевести.

- Нет, ну у меня просто «два плюс два» в голове не складывается, - возмутился Урс. - Вот он говорит, что он против системы, но при этом только и делает, что критикует тех, кто выступает против неё. Тех, кто хоть что-то делает, чтобы изменить этот гнилой мир к лучшему. Критиковать всегда легко. А что делать-то? Что делать?

- Если что-то и изменит мир к лучшему, так это только труд, Простой человеческий труд, - неожиданно вмешался Азик. Он тяжело вздохнул. – Работать надо!

5.

После долгой паузы, внезапно наступившей в разговоре, Сара, как ни в чём не бывало, заговорила с Урсом то ли на немецком, то ли на шведском. Саймон взял гитару и начал брэнчать песню Леонарда Коэна. Они молча, не сговариваясь, приняли единственное решение, остававшееся доступным для них – игнорировать Рината с его безжалостной правдой, сделать вид, что его не существует и что сами они никогда не слышали его слов. Ринат это хорошо понял, потому что сталкивался с подобной ситуацией не впервой.

Самой сильной страстью, самой живой эмоцией этих молодых людей было чувство собственной правоты, и стоило его так бесцеремонно поколебать, как они немедленно проявили защитную реакцию на своём психосоматическом уровне, как животные, спасающиеся от хищника. Ведь они уже давно выбрали свою нишу в этой жизни, наиболее комфортный для себя образ жизни, и поэтому поддержание определённых иллюзий, превращалось для них буквально в вопрос выживания. Они нутром чувствовали, что надо всеми силами сторониться правдоискателей подобных Ринату, которые всегда живут так, словно ходят по лезвию бритвы. Ведь в отличие от него, они никогда не коснутся «самого дна океана скорби». Да что уж там говорить, им пережитое Ринатом никогда даже в страшном сне не приснится.

Эти достаточно молодые люди, впрочем, уже сформировавшиеся как взрослые личности, привыкли ставить себя над толпой, считать себя выше массы обывателей, которых они между собой называли «овощами» и считали в большинстве своём консервативными и пассивными конформистами. В лучшем случае людям из более бедных стран и социальных классов они отводили роль «наивных аборигенов» или потенциальных неопитов для вербовки, которые должны заглядывать им в рот, пока они, подобно миссионерам, вещают о свете истины, в виде своего личного толкования действительности, усвоенного из книжек и от авторитетных товарищей постарше из форумов собственной «движухи». Им не

составляло труда переспорить любого из таких «аборигенов» или неофитов, потому что они набили себе на этом руку, проводя свою жизнь в вечных «ассамблеарно-консенсусных» прениях, на регулярных сессиях своих мини-парламентов и квазисенатов в сквотах, комично воспроизводящих институты законодательной власти, с их варьирующимся представительством активистских кружков. Познакомившись с Ринатом, они сразу мысленно отнесли его к категории потенциального слушателя лекции о том, почему нельзя бить женщин или почему нехорошо питаться говядиной, но теперь, выслушав отповедь от него самого, невольно призадумались. Слова Рината приоткрыли перед ними экзистенциальную чёрную дыру, самую настоящую бездну под ногами, грозящую полностью поглотить их искусственную систему жизненных координат, разрушить её как карточный домик. Любое размышление над его словами сулило отныне лишь поиски вслепую в потёмках настоящего, да бескрайнюю, непроглядную ночь в необозримом будущем. Слегка опомнившись от первых приступов панической растерянности, ощущения уходящей из-под ног почвы, они прислушались к своим инстинктам, сделали краткий мысленный обзор всей своей жизни и решили, что необходимо немедленно вернуться к привычному чёрно-белому пониманию действительности, игнорируя все доводы «против».

Они предложили нам свои «бич-пакеты» с корейским рамёном, лапшой быстрого приготовления. Ринат о чём-то призадумавшись, сидел на берегу на корточках. Мы с Мишей и Азиком как могли постарались сгладить неприятную ситуацию. Постепенно мы вновь разговорились с «тэйбало» о Центральной Азии вообще и о Казахстане в частности, смогли заинтересовать их и снова вовлечь в общение. Оказывается в последний десяток лет активно путешествующая западная публика испытывает жгучий интерес к нашему региону и пристально следит за новостями о послаблениях визового режима и открытии новых бюджетных авиарейсов. Дело в том, что Центральная Азия, после освоения профессиональными путешественниками Камбоджи, Лаоса и Бирмы, остаётся последним белым пятном на их карте, лишь скудно описанном изданиями «Одинокой планеты». Судя по всему в ближайшие годы нам грозит настоящее нашествие «людей с рюкзаками», стоит только нашему малому и среднему бизнесу озаботиться созданием минимальных удобств для этой публики. Всё чего нам не хватает, на их взгляд – это сети дешёвых апарт-отелей, доступной для бронирования англоязычными сёрферами всемирной паутины, удобного междугороднего и муниципального транспорта, дешёвых закусочных и мини-маркетов с вежливым англоговорящим обслуживающим персоналом, качественных автобанов с инфраструктурой, и тогда новый поток доходов постепенно начнёт пополнять государственную казну. Ведь смогли же превратиться копеечные расходы скупых «тэйбало» из тонких ручейков в мощные финансовые потоки по всей Юго-Восточной Азии за последние несколько лет. Подобно разведчикам, исследовав эти края и введя их в моду, они привели за собой массы гораздо более состоятельных путешественников. Я постарался обнадёжить их, сказав, что у нас, всё видимо так и начнёт обустраиваться в этом направлении в весьма скором времени и заверив их, что казахи – один из самых гостеприимных народов на Земле, что мы любознательны и открыты по отношению к представителям иных культур.

6.

Подсев к Ринату, я дружески похлопал его по спине. Наговорившись вдоволь, он теперь спокойно и безмятежно созерцал два идентичных водопада-близнеца,

спадавших с высокой, изящно отточенной брызгами карстовой скалы, параллельно друг другу, посреди роскошной растительности лаосских джунглей.

- Ну ты их грузанул, дружище, - сказал я ему. – Я не смог дальше переводить, не для таких средних умов, как я, всё это.

- Ничего страшного, - пожал он плечами.

– Видать, ещё с того отвара шаманского бодряк поймал не по-детски, - заметил я и протянул ему самокрутку с марихуаной. – На вот, это тебе на попуск, нормально сейчас покатит.

Он принял косяк, сделал пару глубоких затяжек и одобрительно кивнул. Слегка сощурившись, с лёгкой усмешкой он прокомментировал сдавленным голосом:

- А беспонтовку здесь на шабят, наверное, да?

- Однозначно, - согласился я.

Вскоре мы снова выдвинулись под предводительством наших «тэйбало» по направлению к ближайшему городу с международным аэропортом, как они и обещали. Сара, Урс и Саймон по дороге сосредоточенно молчали. Тайком друг от друга они всё-таки думали о том, чего же на самом деле они хотят добиться в этой жизни, к чему же на самом деле ведут все их действия, которым они привыкли придавать такой глубокий смысл и высокую моральную ценность? Вели они нас одним им ведомыми тропинками, которые явно были проторены целыми ордами других травеллеров из северного полушария, эко-дружелюбных и не очень. Тут и там встречались участки буквально усеянные урбанистическим мусором, настоящие мини-свалки из пластиковых бутылок от «кока-колы» с прожжёнными в них отверстиями, из которых у нынешних подростков принято курить гашиш, смятых упаковок от лапши быстрого приготовления, однокубовых шприцов-«инсулинок», ватных тампонов с остатками крови и использованных презервативов. Целлофан, плексиглас, поливинилхлорид, скапливаясь и сохраняясь без перегнивания на тысячи лет вперёд, смешивались в одну тошнотворную массу, под которой уже скрывались обширные площади джунглей: превращались в новый техногенный слой, мешающий земле дышать и пить, а листве формировать необходимый для жизни леса перегной.

Примерно через пару часов наши новые друзья действительно вывели нас на просёлочную дорогу, и мы побрели вдоль неё в сторону города. Надо сказать, что сами мы с компаньонами были неимоверно счастливы опять оказаться в цивилизованной среде – увидеть асфальт, бетон, немногочисленные постройки, вокруг которых были разбиты органические плантации для выращивания кофе. Время от времени мимо нас проезжали местные крестьяне на мопедах и туристы на тук-туках – всё указывало на то, что уже скоро мы выберемся из того липкого зелёного кошмара, в котором невольно очутились, и, наконец-то, обнимем наших подруг.

Через часик-другой, мы набрали на сельскую автобусную остановку, где смогли погрузиться на допотопный ПАЗик, наполовину заполненный западными «тэйбало» и местными крестьянами в традиционных одеждах, слегка смахивавших на одеяния «хмынов». Водитель во всю мощь крутил оглушительную местную попу – довольно плаксивые завывания на лаосском, наложенные на незамысловатые ритмы «евро-транса». Уже через пару часов с небольшим мы въезжали в областной центр, вольно раскинувшийся на берегу реки в окружении пейзажных зелёных холмов. Пока мы ехали по его узким улочкам, водитель постоянно давил на клаксон, безуспешно пытаясь разогнать кишевшие на дорогах мопеды и велорикш. В немытом окне проплывали островерхие крыши буддийских храмов, необычные

экзотические белые постройки конической формы, напоминавшие наш астанинский «Хан-Шатыр» в миниатюре.

Мы расстались с нашими новыми друзьями в городе, на террасе одного из открытых кафе, на берегу реки Паксе, довольно плотно занятого в этот обеденный час самой разношёрстной публикой из числа местных и «тэйбало». Им пора было в Ванвьенг. Сара купила нам по синей баночке сингапурского пива «Тайгер», предварительно, правда, оговорив, что мы должны будем им по кружке пива в Алматы-сити. Все трое долго трясли руку и, называя «камрадом», обнимали не понимавшего их речи, окончательно смутившегося Азамата. После того, как мы обменялись адресами электронной почты, они скрылись в лабиринте узких улочек центральной части города, предварительно указав нам направление к аэропорту, находившемуся, по их словам, приблизительно в сорока минутах ходьбы от кафе. На это же указывал и синий указатель на обочине. Правда, там всё было на лаосском алфавите из неподдающихся прочтению загогулин, но нарисованный на щите самолёт, недвусмысленно подтверждал наличие аэропорта в том направлении. Медленно потягивая студёное пиво с жестяным привкусом, мы плавно перешли к обсуждению того, как же нам теперь добраться до наших подруг, не имея ни копейки денег на то, чтобы оплатить авиабилет. Ринат сразу же отлучился в туалет. Миша предложил обратиться во вьетнамское консульство с жалобой на гида, но я решительно выступил против, так как это могло окончиться для нас ещё хуже. Избежав верной смерти от автоматной очереди в джунглях, мы всё ещё вполне могли нарваться на ножи в одной из местных подворотен

- Мы с вами расслабились, но ведь опасность совсем не миновала, - сказал я. - Не забывайте об этом, пожалуйста, мы очень серьёзно встряли.

- Что же ты предлагаешь нам теперь делать? – риторически поинтересовался Миша и повторил - Ну что?

В этот момент вернулся Ринат. Он занял своё место у круглого пластмассового столика и, вытащив из кармана, поставил на линялую скатерть аккуратно свёрнутый рулончик из фиолетовых банкнот достоинством пятьсот евро. Деньги были завернуты в целлофан. Несмотря на то, что Ринат, видимо, тщательно отмывал их под краном, мы все почувствовали, как в нос ударил неприятный запах.

- А ещё говорили, что деньги не пахнут, - едва слышно пробормотал Миша.

- Откуда капуста, Рина?! – обрадовался я.

- Да это я... авансом занял на всякий пожарный – из того мешка, - нехотя ответил он.

- Как же у тебя их не нашли и не отобрали красные хмыны?! – удивился в свою очередь Азик.

- Да я, это... ну, я их заандижанил короче, - ещё более неохотно ответил Ринат, который как мне показалось, даже слегка покраснел при этом. - Мы улетать отсюда будем или нет?

7.

Не успели мы войти в вестибюль, как Гульмира завизжала и бросилась мне на шею. Спустя пару минут с идентичным визгом, на шею Ринату неуклюже бросилась Гульбану. Она словно бы задалась целью в точности воспроизвести поведение Гульмиры, радостно встречающей своего мужчину, как если бы она была настоящей подругой Рината, а не просто наёмным эскортом. Сауле, сидя на диванчике, озабоченно расспрашивала обо всём Азамата, участливо поглаживая его по ссадинам на лице и руках. Миша деликатно отошёл в сторону. И никто не видел, как Ринат с Гульмирой обменялись многозначительными взглядами, будучи каждый в объятиях

своих спутников, но находясь лицом друг к другу. И если в вопросительном взгляде Рината сквозила надежда, то во взгляде Гульмиры явственно читалась твёрдая решимость. Она словно бы думала все эти дни над какой-то проблемой и пришла к точному и бесповоротному выводу о том, как её решить. Она едва заметно покачала головой, и в глазах Рината невольно проступило на миг внутреннее страдание. Он всё понял без слов. Что же касается Гульмиры, которой срочно понадобилось отвернуться, чтобы не встречаться с Ринатом глазами, приветливо помахала рукой какому-то долговязому европейцу с забинтованной головой, который потягивал «маккьято» за стойкой бара. Тот ответил вопросительным взглядом, в то же время, словно бы пытаясь нащупать в памяти образ Гульмиры, сообразить, где же он видел эту спортивную привлекательную женщину. Когда Гульмира снова повернулась в сторону своей честной компании, в её сердце словно бы вонзилось одновременно сорок кинжалов – Ринат удалялся в сторону лифта, уводя под руки двух девиц, Гульбану и ту шлюху с экзотичной внешностью, которую она сама зачем-то выслеживала на прошлой неделе. Никто в вестибюле не заметил, что за этой курьёзной троицей внимательно наблюдает ещё одна пара угрюмых глаз. Миша Пак, оторвавшись от журнала со свежими котировками обменных курсов валют, провожал Рината и девушек тяжёлым взглядом. При этом ни один мускул так и не дрогнул на его лице.

Потом Гульмира, не давая мне вставить слова, зашебетала о том, как она меня ждала и беспокоилась обо мне. Оказалось, что Лап хоть и не сразу, но всё-таки вышел на них, сообщил, что мы заблудились и оплатил дальнейшее пребывание в отеле. Конечно же, я немедленно связался с ним. Он сразу постарался заверить меня, что договорённость остаётся в силе, и что свои деньги мы обязательно получим. На вопрос, как мне ему теперь верить после всего того, что произошло, он ответил: «Верить так же, как раньше». Потом он попросил прощения за поведение Саши, сказав, что тот действовал чётко согласно инструкции. Оказывается, Саша знал, что за нами послан другой проводник, который должен был безопасно вывести нас из тоннелей ближе к другой базе, где нас ждал бронированный автомобиль. Единственным роковым обстоятельством, задержавшим второго проводника, стала непредвиденная, молниеносная высадка десанта. Ему пришлось схорониться в лесу на пути к нам, пока вокруг рыскали спецназовцы. Целых четыре часа он просидел в отдельно скрытом блиндаже посреди чащи, пока не удостоверился, что опасность полностью миновала. Но когда он прибыл на место, нас там уже не было.

Я рассказал об этом своим друзьям, недоверчиво слушавшим меня в баре сайгонского международного аэропорта, за кружкой «Тайгера». Они молча переваривали мой рассказ, когда миловидная официантка принесла нам ещё по кружке. Черты её лица показались мне смутно знакомыми, так же, как и лицо бармена.

- Вы их узнали? – спросил Ринат.

- Да, - кивнул Миша. – Значит, они не стали есть ядовитые ягоды, а перебрались всё-таки в город.

- Ну и правильно сделали! – заключил Азамат.

Так вот оно что – это были нарушители табу из племён красных и чёрных хмынов! Девушку я, конечно, в лесу видел лишь мельком, а вот парня я запомнил. Я обернулся, чтобы получше рассмотреть бармена. Это действительно был он, но, когда я обернулся, мне до него не было уже никакого дела. Дело в том, что за стойкой бара сидело ещё два человека, которых я тоже сразу узнал, несмотря на то, что оба были в модных зауженных костюмчиках с тонкими галстучками. Одного из них, лидера банды Indochina Boyz я видел в новостях, а второй, с вытатуированной

слезой под глазом, был в охотничьем домике, когда мы его грабили. Он тогда сидел за столом справа, и Ринат первым пристегнул его наручниками к батарее. Перехватив мой взгляд, он ухмыльнулся своей золотозубой пастью, подмигнул мне и поднял свой стакан с виски в приветственном жесте. Я строго нахмурился и развёл руками, как бы говоря, что он меня с кем-то путает.

Когда я снова повернулся к ребятам и попытался незаметно дать им знак, что нас выследили, они, как назло разговорились о нравах красных и чёрных хмынов и не обращали на меня никакого внимания. Тогда я перегнулся через стол и спросил Рината, узнаёт ли он типка на बारे, на что он, посмотрев туда спросил, которого из них. Я снова обернулся, но тех бандитов там уже не было, вместо них всё пространство у барной стойки заняла шумная гурьба австралийских сёрферов в цветастых рубашках. Провожавший нас Лап, с которым я поделился своими тревогами, решительно их отмёл, сказав, что всё здание аэропорта кишмя кишит его людьми из сайгонского управления госбезопасности, которые тщательно мониторят публику.

И в самом деле, вопреки всем моим страхам, мы действительно без помех вылетели на родину и, высадившись в родном аэропорту, спокойно разъехались по домам.

ЭПИЛОГ

Через пару дней, в двенадцатом микрорайоне появился пакистанец в традиционном шальвар-камизе, который с трамвайной остановки уверенным шагом направился в сторону моей хрущёвки. В руке он нёс чемоданчик с наличными, на сумму девятьсот девяносто четыре тысячи пятьсот евро. Лап вычел из нашего гонорара ту сумму, которую Ринат тайком от всех засунул себе в задницу, сидя в кустах, в тот момент, когда Миша сбивал вертолёт.

Это не вызвало проблем – мы честно разделили всю сумму между собой. Конечно же, мы с Гульмиркой первым делом вылетели в Париж за туфлями. Благо, визу в алматинском консульстве Франции сейчас можно получить за три-четыре дня. Остановившись в небольшой уютной гостинице – она располагалась на тихой улочке Понтё прямо за Елисейскими полями, примерно как Тулебайка по отношению к улице Фурманова – мы отлично проводили там время, потихоньку присматривая ей модную обувь. Фирменный магазинчик Кристиана Лубутена, в районе Лувра мы нашли после довольно долгих поисков, наконец, набредя на него свернув, при очередной попытке, направо от подземного торгового центра Ле Аль. Купил я ей там туфельки с красными подошвами, да ещё и самой последней модели, получше, чем у Гульбанушки.

Решив отпраздновать это дело, мы направились в облюбованный нами ресторанчик в Восьмом округе, на рю Марбёф, в паре кварталов от Елисейских полей, куда по утрам привозили свежайшие морепродукты с нормандского побережья Атлантического океана. Мы как раз заказали себе по дюжине устриц и бутылку шабли во льду, когда на столе замерцал зелёный айфон 5-С, который себе здесь выбрала Гульмира. Дело в том, что поскольку у неё не было роуминга, я тем утром временно вставил в этот телефон свою сим-карту.

Она подняла трубку, но потом с недоумённым видом передала её мне. В трубке раздавалось частое прерывистое дыхание, как бывает у человека, быстро бегущего вверх по лестнице.

- Алло, алло! Говорите! – раздражённо крикнул я в трубку.

- Асеке... - это был Лап. Он реально задыхался и говорил с трудом. - Асеке, извини... Нас вычислили... Всех... Ты помнишь...

Раздался нечеловеческий, леденящий душу, стремительно удаляющийся вопль. Линия связи упала, звонок прервался. Мелко трясущимися пальцами, кое-как с трудом справляясь с этим новомодным тач-скрином, я нашёл в полученных звонках последний номер и набрал его. Абонент был вне зоны обслуживания.

КОНЕЦ